

63.3(20-470)-445

178

Краеведческие чтения

Материалы
научной конференции

ПОРХОВ – ХОЛОМКИ

2006

ПСКОВ · 2007

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

407-2309

АППО 5610 — 15 800 000. 7

63.3(2P-4P) - ЦБ

К78 0

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИЯ ПОРХОВСКОГО РАЙОНА

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ «ПОРХОВ»

ПСКОВСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

ПОРХОВСКОЕ РАЙОННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВООПиК

ПОРХОВСКИЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ КРАЯ

ЗАПОВЕДНИК «ХОЛОМКИ»

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ПОРХОВ - ХОЛОМКИ

Материалы научной конференции
29-1 октября 2006 г.

ОДНФ

Порховская ЦБС
Псковской области

ЦНХ | Порховский
ЦРБ

ПСКОВ
2007

УДК 908
ББК 63.3(2Рос-4Пс)
К78

Составители: Л.Т. Васильева, председатель районного отделения Всероссийской организации охраны памятников искусства и культуры (ВООПИиК)
Т.Н. Дудорина, директор школы искусств г. Порхова

Материалы публикуются в авторской редакции

Краеведческие чтения. Порхов – Холомки: Материалы научной конференции / Составители Л.Т. Васильева, Т.Н. Дудорина. – Псков: ПОИПКРО, 2007. – 152 с.

ISBN 978-5-7522-0249-0

Сборник содержит материалы научной конференции, проходившей в 2006 г. Они посвящены истории и культуре Порховского края.

Материалы сборника будут интересны и полезны всем, изучающим историю русской культуры рубежа веков XIX–XX и историю Порховской земли.

УДК 908
ББК 63.3(2Рос-4Пс)

ISBN 978-5-7522-0249-0

© Коллектив авторов, 2007
© Псковский областной институт повышения квалификации работников образования, 2007

От составителей

История Порховского края всегда была богата на события. Хорошая традиция проведения Порховских краеведческих чтений расширяет культурно-историческое пространство нашего региона. Чтения создают своего рода «зону» духовного и интеллектуального роста, способной сберечь и расширить слой национальной культуры к региональной духовной элите обеспечивает преемственность духовно-нравственных традиций культуры территории.

«Обретение будущего» невозможно без преодоления духовного кризиса и восстановления историко-культурной целостности. На Порховской земле сосредоточились пиковые эпохи прошлого, которые максимально полно выражали историческую суть России.

Восьмые краеведческие чтения были посвящены 100-летию со дня открытия общественной городской библиотеки в Порхове, 90-летию со дня рождения писателя-земляка И.Ф. Курчавова, 85-летию открытия Колонии художников в Холомках и 110-летию со дня рождения Н.К. Печковского.

Организаторы чтений выражают глубокую и искреннюю благодарность постоянным и верным участникам ученым, краеведам, работникам музеев и библиотек из Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода, Пскова, Порхова, Острова, Дедовичей и других малых городов России за предоставленные материалы и помощь в изучении этого огромного и красивого пласта Российской культуры. И, конечно же, мы надеемся на дальнейшее плодотворное взаимодействие.

Администрация Порховского района благодарит за участие и помощь в проведении краеведческих чтений А.П. Гагарина, В.М. Ушакову, О.Б. Кох, Л.В. Васильеву, Н.Ф. Левина, Е.П. Яковлеву, И.П. Николаеву, С.В. Моисееву, Т.Б. Чуйкову, Н.В. Коломыцеву, И.И. Лагунина, А.В. Филимонова, Л.Т. Васильеву, Т.К. Насурдинову, О.М. Карамышеву, С.О. Кузнецову, М.Т. Марнову, О.К. Волочкову, Н.Н. Масленикову, А.С. Крылова, Л.Н. Ащеулову и всех участников конференции, сотрудников издательства ПОИПКРО. А также выражает слова благодарности за информационную поддержку газете «Псковская правда» и ее главному редактору В.И. Васильеву и газете «Курьер» и О. Константинову.

Об образовании художественной колонии в Холомках

Моя бабушка Мария Дмитриевна Гагарина была разносторонне одарённой женщиной. Она оставила много вариантов воспоминаний, касающихся разных периодов её жизни и написанных по большей части на русском, но иногда и на английском языке (это касается её воспоминаний, написанных уже в Америке для внуков). Наряду с этим она с молодости увлекалась музыкой, рисованием и живописью.

Приведу несколько примеров её занятий искусством.

В 1885 году, сразу после возвращения из Москвы, где её муж Андрей Григорьевич был занят реставрацией семейного дома на Кузнецком мосту, они поселились в особнячке в верховьях Невы, окруженном большим садом. Этот особняк располагался близко от артиллерийского завода, на котором работал Андрей Григорьевич. Несмотря на большую занятость, а также отдалённость особняка от города, оба они принимали участие в музыкальных вечерах, так как оба обожали музыку. В частности, они бывали еженедельно на музыкальных вечерах у мадам Абаза, тогда уже пожилой женщины. В молодости она была известной немецкой певицей и приехала в Россию по приглашению Великой княгини Елены Павловны, где и вышла замуж за тогдашнего министра финансов А.А. Абаза. С тех пор и до её смерти в 1915 году она устраивала у себя еженедельно замечательные музыкальные вечера. Андрей Григорьевич и Мария Дмитриевна были постоянными членами этих вечеров. Кроме того, в течение 25 лет они снимали одну и ту же ложу в любимом ими Мариинском театре.

Рисование и живопись тоже составляли сферу увлечений Марии Дмитриевны. В частности, она состояла членом Первого дамского художественного кружка, существовавшего в Петербурге с 1882 по 1918 год.

В момент образования кружка, в 1882 году, среди учредителей её имя не значится. Тогда ей было 18 лет, и, возможно, её пристрастия ещё не сформировались.

Кружок основан по инициативе художницы П.П. Куриар и кн. А.Л. Имеретинской как собрание дам петербургского общества,

интересующихся искусством и объединённых художественными целями. Первое собрание кружка состоялось 26 февраля 1882 г., на нём присутствовали учредительницы, в числе которых М.К. Бенуа, баронесса Е.К. Врангель, А.В. Вышеславцева, княгиня О.Д. Голицына, графиня Л.Н. Мусина-Пушкина, баронесса М.О. Розен, графиня М.В. Ростовцева, Е.Н. Шебеко и другие.

Главной задачей кружка считалась благотворительность. Пять процентов суммы, вырученной от продажи картин, и средства от художественной лотереи из пожертвованных работ поступали в благотворительный фонд. За годы существования кружка было пожертвовано нуждающимся художникам и их семьям более 100 тысяч рублей. В ознаменование 10-летия кружка в одной из петербургских гимназий была установлена стипендия, на которую воспитывался сын какого-либо художника. В память П.П. Куриар, умершей в 1899, было установлено три стипендии ее имени.

В 1911–1912 кружковцы участвовали в работе Всероссийского съезда художников. Мария Дмитриевна выступила с докладом «О расширении благотворительной деятельности Первого дамского художественного кружка». Весной 1917 кружок вошел в Союз деятелей искусств. В 1918 г. его деятельность прекратилась [Золотой век художественных объединений в России и СССР / Составители Д.Я. Северюхин, О.Л. Лейкинд. – СПб.: Издательство Чернышева, 1992. – 400 с.].

За годы своей работы в этом кружке Мария Дмитриевна познакомилась с целым рядом петербургских художников того времени. В частности, тесная дружба связывала её с известным петербургским графиком того времени Мстиславом Валериановичем Добужинским. Позже, в 1910-е годы, она и сама открыла художественную мастерскую, в которой преподавали многие её друзья и, в частности, М.В. Добужинский.

Вот как описывает в своих воспоминаниях образование художественной колонии в Холомках Владимир Алексеевич Милашевский, отдыхавший там несколько сезонов:

«Конец мая. Наступает жара.

Я уже говорил о том, что Добужинский проявлял внимание ко мне. Дал комнату в Доме искусств. Однако был со мною холодно-ватно корректен, и если делал для меня добро, то как-то официально, как начальство, которое продвигает подчиненного. Никогда не приглашал к себе, хотя и видел меня часто за чайным столом у Бенуа. Видел очень ласковое отношение ко мне Анны Карловны и самого Александра Николаевича.

И тут вдруг он обратился ко мне очень ласково:

– У меня есть к вам предложение: поехать в нашу колонию Дома искусств. Что вам здесь делать, в городе? Поезжайте на природу. Я могу вам устроить некую «должность», – он иронически усмехнулся, – она даст вам ежемесячный паек. Поезжайте в «Холомки». Там живет безвыездно ваш друг Борис Попов... Вы не будете там одиноки. Он там совсем закип, ничего не рисует... Вот вы его подбодрите, у нас будет некий кружок художников... Приедет Николай Радлов... Он очень приятен в обществе. Тоже намерен рисовать после большого перерыва. Надо соблюдать некое равновесие: Корней Чуковский норовит Дом искусств отдать целиком литераторам! А ведь «Холомки» устроил для Дома я, а не Чуковский. Согласны?

– О, да! Конечно, Мстислав Валерианович!

После премьеры 25 мая «Cosi fan tutte» в театре я был свободен. В первых числах июня я выехал. Остановка была в Пскове, которым я любовался. Люблю провинцию! А тут еще и кремль! Старина! История!

У художника Алексея Радакова – сатириконца – была некая штаб-квартира. Это было как-то обусловлено. И он тоже давал приют на несколько часов художникам и писателям, едущим в «Холомки», и исполнял этим тоже некую «должность», утвержденную Горьким.

Радаков уже третий год спасался там от голода в Питере. Промежуток во времени между петроградским поездом и поездом, который идет в Порхов, часов в восемь или девять.

У Алексея Петровича можно было выпить чаю, закусить кое-чем, что с собой каждый везет. Поболтать с ним... А не сидеть на вокзале. Вокзал губернских городов был рассадником всевозможных болезней. «Вокзал» – это звучит грозно!

Алексей Радаков! О нем теперь позабыли! Спихнули в канаву около дороги, по которой шествует гений с невразумительным лицом!

Он описан в «Сатириконе», в номерах, посвященных заграничной поездке. Лицо некоего Пана или сатира, как их изображает барочная живопись эпохи Рубенса.

Улыбающиеся, насмешливые глаза. Нос роскошных форм, с хрящем на переносице, блямбой весьма увесистой в конце. С гигантскими ноздрями, из которых торчала растительность, как из подмышек! Губы смачной толщины с некими тоже барочными извилами, глядя на которые думалось: «Ну, этими губами захватить,

засосать, зацеловать и смять можно все! Они и как мякоть улитки, и как зацеп клещей!»

В Порхове у самого вокзала меня встретил Борис [Попов]. Он приехал в бричке, запряженной лошадкой, принадлежащей «колонию». Сам и правил.

Вид плантатора. Загорелое, обветренное лицо мужика, который проводит жизнь на воздухе куда больше, чем в избе! Только светлые глаза с маленькими черными точками и волосы, которые ниспадают до середины уха. Ну, рост, конечно, очень высокий, да манера держать голову немного вверх. Куда девался прежний мечтательно-романтический образ!

Поэт, обитающий «там», высоко где-то... Белый отложной воротничок Ленского-Собинова. Черный, свободно висящий тонкий шелковый шарф вместо галстука магазинного и для Попова всегда вульгарного. Глуховатый голос, тембр которого создан для того, чтобы делиться со слушательницами своими мечтами, дамами, девицами!

Попов на мусорной площади вокзала снял торбу с овсом с морды лошади. Взнуздal ее. Подтянул подпругу – и мы сели.

Борис Петрович хлыстанул по крупу лошади!

Девушки! Девушки из мастерской на Васильевском острове, открытой княгиней М.Д. Гагариной в честь своего свекра-художника и друга великого Карла Брюллова, – не падайте в обморок!

– Да, – сказал Борис, – наступила иная эпоха! Может быть, все к лучшему. Надо когда-то выбросить столько мусора глупейших идей, которые облепили искусство! Художник должен иметь полную материальную независимость. В нашу эпоху надо вдумать, сумеет в ней найти себя. Да, я сам теперь пащу землю, сам сажаю картошку, капусту. Пока еще только свинью не завел... Буду есть «свое» и создавать тоже только свое! К черту все указы!

Пейзаж холмистый. Пашни, перелески, нет однообразия... Погоди, погоди, подъедем к Шелони, там рельеф земли будет еще интересней!

Немного сейчас слишком все зелено... Вот осенью здесь загляде-нье! Надо жить с землей! Пусть эта земля переродит тебя!..»

Эти материалы могут пролить свет на начальный период образования художественной колонии в Холомках.

**Новые сведения
о последнем периоде
жизни графа
С.А. Строгонова.
К проблеме
«аристократия
и государство»
в начале XX века**

В архивной коллекции князя Г.А. Щербатова, переданной в конце прошлого века в Русский музей, среди других материалов сохранилось письмо, написанное 4 ноября 1911 года доктором Г.Г. Рюккером из села Александрово Порховского уезда Псковской губернии. Послание адресовано графу С.А. Строгонову – владельцу не только Александрова и упомянутых в тексте Железниц, где располагались больницы Строгоновых, но и расположенного неподалеку села Волышово. Сергей Александрович также был собственником нераздельного имения, в состав которого входил дом на Невском проспекте в Петербурге. Письмо гласит: «Посылая Вам при сем смету на 1912 год, считаю нужным уведомить Вас о некоторых изменениях в ней, об утверждении которых я Вас прошу. Ввиду значительной дороговизны всех вещей все просят прибавления жалованья. Почти все жалованья остались те же, как были назначены 30 лет тому назад – я в смете прибавил кучерам и дворникам по 2 руб. в месяц, так что дворники будут получать на место 12 руб.–14 руб., а один кучер 22 и другой в Железницах 18 руб. Все они находятся на своих харчах. Женская прислуга остается пока на старом положении. Еще очень прошу Вас сверх сметы 800 руб. на двигатель для насоса – до сих пор доставали воду конноприводом. Но это прямо ужасное мучение для лошадей, и они долго не служат. «Отважный» у меня уже окошел; на его место поступил «Гангут», который через 6 месяцев также окошел. Теперь работает «Варна», но она уже кожа и кость, и у нее сделался запал, так что тоже скоро отказывается работать. Я был бы Вам очень благодарен, если можно прекратить это мучение. Как Вы, может быть, помните, у меня был ма-

ленький конный завод, состоящий из одной матки «Флорида» – она дала трех хороших жеребят – теперь она поступила к Вам в завод, где она кажется самая младшая, т. е. 22 года. Она дала еще двух жеребят. Мои лошади были так хороши, что все здесь нашли, что мне такие хорошие не годятся. Я хоть неохотно, но послушался и продал двух Ягмину и одну Васильчикову за 1900 руб. Из этих денег я купил четыре года тому назад пару, которая обошлась безобразно дорого, так как одна оказалась с затоном и абсолютно не работала. Пришлось ее отправить раз в Петербург на продажу, что, разумеется, не удалось, потом послал второй раз и с большой приплатою менял ее в этом году купил одну лошадь для Железницы и двух для Александрова; хотя я за свои три купил пять, все-таки нахожу, что дорого платил. Надеюсь, наверно, что Вы в будущем году приедете сюда и тогда сами увидите. В Волышово дом готов и только ждет своего хозяина! Все удивительно красиво и приятно то, что все по старому. Надеюсь, что Вы здоровы! Про себя ничего хорошего не могу писать. Мое сердце меня часто беспокоит и другой раз кажется как будто долго служить не желает»¹.

Это послание, которые не содержит сенсационных фактов, прежде всего, важно для нас как фиксация последних спокойных дней Российской империи накануне начала драматических событий мировой войны, спровоцировавшей вторую революцию. Впрочем, ниже станет очевидно, что для адресата прежняя безмятежная жизнь закончилась ранее получения письма. Будет также прояснено, кто такие Васильчиков и Ягмин, и, наконец, станут ясны реалии, упомянутые Рюккером в его письме.

Граф С.А. Строгонов, родившийся в 1852 г., вероятно, довольно часто жил в Волышово, которое было охотничьими угодьями отца, скончавшегося в 1864 г. Ранняя кончина Александра Сергеевича обусловила то сильное влияние, которое имел на личность Сергея его дед Сергей Григорьевич, безусловный глава рода в XIX веке. К началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. юный граф окончил столичный университет и морской корпус (заочно), а также для зачета морской практики на своей яхте совершил путешествие в Америку в 1876 г. Сергей Александрович был потрясен гибелью императора Александра II, которая для него совпала со смертью деда, графа Сергея Григорьевича, женитьбой на княжне Е.А. Васильчиковой и ее кончиной. Все четыре события, увенчавшие первый период биографии нашего героя, уместились в три года (1881–1884), которые определили дальнейший жизненный путь

графа. Он характеризуется разрывом с традицией предков – коллекционеров и меценатов, что, с одной стороны, является логичным следствием поисков национального самобытничества деда, а с другой – объясняется особенностями личности самого Сергея Александровича, который остро переживал смерть супруги и отсутствие наследников (три его дяди к тому времени не имели потомков мужского рода). В этот момент, будучи духовно подавленным обер-прокурором К.П. Победоносцевым, ставленником деда, продолжавшим оказывать серьезное влияние на политическую жизнь империи до начала XX века, граф положился на провидение и не считал необходимым что-либо менять в установлениях Сергея Григорьевича. Характерно, что Рюккер упоминает о жалованиях служащих, установленных тридцать лет назад. Между тем очевидно, что, например, негативное отношение Строгонова к коллекции западноевропейского искусства могло быть преодолено, как показал пример его дальнего родственника князя С.А. Щербатова, не только переключившегося на собирание русского художества, но и женившегося на крестьянке. Граф, казалось, стеснялся своего достоинства. Оно накладывало не него такие обязательства общественной жизни, которые он не испытывал желание исполнять, например придворная жизнь или меценатство.

Второй период жизни Строгонова начался примерно с 1886 г., когда впервые после смерти жены граф посетил свою вотчину. В этот момент, развивая наследие деда, он сочинял «статьи богословского содержания, образчики проповедей и популярно-назидательного чтения для народа, возникшие на почве очень серьезного изучения Св. Писания и западно-европейских моралистов»². В то же время Сергей Александрович занимался возрождением охоты для целей которой существовали конные заводы. В Вошьово существовали русская и английская конюшни, а в километре от села в Дорогинях, находился конный завод. Еще один Строгонов основал на Кавказе для разведения арабских лошадей несомненно-го происхождения, для улучшения арабскою кровью лошадей кабардинской породы и, наконец, для создания недорогих лошадей подходящего типа для псовой охоты³. К середине 1890-х гг. эта деятельность затухает отчасти из-за введения нового закона об охоте, в связи с проблемами слуха у графа и, наконец, по причине вхождения страны в несколько иную фазу развития с началом правления императора Николая II.

Третий период открывается Нижегородской промышленной выставкой 1896 г., вскоре после которой начался экономический

кризис 1900–1903 гг. Затем последовала японская война. В этот момент у Сергея Александровича оставался шанс вернуться на государственную службу как, например, сделал князь Б.А. Васильчиков, упомянутый в письме Рюккера брат Евгении Александровны. После активной земской деятельности Васильчиков постпсковского губернатора, а затем нашел себя в Обществе Красного креста. Там же во время турецкой, японской и мировой войн работал князь Г.А. Щербатов, женившийся на графине Ольге Александровне Строгоновой. Позицию ее брата следует признать пассивной, хотя он и пытался помочь родине в формировании флота, а после окончания боевых действий учредил премию для матросов за сочинение на патриотическую тему. Графа крайне беспокоило нравственное состояние нижних слоев общества. Более того, именно в этом он видел причины катаклизмов, которые охватили Россию в начале XX века. Сергей Александрович также не относился к числу тех аристократов, которые сумели спасти металлургическую промышленность Урала в 1910-е гг. В год, предшествовавший письму Рюккера, он закрыл ряд заводов.

В годы депрессии после кризиса 1900–1903 гг. выделка железа велась на принадлежавших Строгонову Кыновском, Добрянском и Очерском заводах, а на Добрянском заводе была даже устроена мартеновская печь. Билимбаевский, Уткинский и Кувинский заводы выпускали чугун. Несмотря на общий подъем промышленности в 1909 г., в октябре 1910 г. прекратилась выплавка чугуна на Очерском, Павловском и Кыновском заводах. С 1 ноября Сергей Александрович решил их закрыть. Правительство предложило ряд мер. В конце 1910 – начале 1911 гг. за счет продовольственного капитала было отпущено 180 тысяч рублей уездному земству для постройки тракта Сива–Вознесенск в целях предоставления работы рабочим закрываемых Очерского и Павловского заводов. Лесному ведомству было отпущено в 1911 г. 114 тысяч рублей для лесорубных работ в Камышловском и Кунгурском уездах Пермской губернии в целях использования на этих работах труда рабочих Кыновских заводов и Кунгурскому земству 12 тысяч рублей на раскорчевку земель, предоставляемых рабочим того же завода. Эти ассигнования позволили не только приступить к наделению землей рабочих Кыновского завода, но и до завершения наделения переводить рабочих закрываемых цехов на работу по славке караванов, по расчистке леса и другие вспомогательные операции. Тем не менее в мае 1911 г. прекратилось производство железа на Очерском заводе. Летом были закрыты Кыновский и Павловский заводы. Остальные находились

в незавидном положении, хотя и избежали слияний с коммерческими банками. Наиболее тесные связи Строгонов имел с Азовско-Донским банком, но и он не финансировал заводы графа, которые не были акционированы. Сергей Александрович был лидером той партии владельцев, которая видела путь к спасению исключительно в расширении государственной опеки, а не в объединении с коммерческими банками. Однако по-старому жить было уже невозможно, а по-новому не получалось.

Четвертый и последний период жизни С.А. Строгонова, которому и посвящена настоящая статья, связан с его эмиграцией графа во Францию после первой российской революции 1905–1907 гг. Возраст его к тому времени достиг 55 лет. Близилась старость, продолжению охоты воспрепятствовала глухота, о которой в своих мемуарах поведал князь Г.А. Щербатов. Будущее дома беспокоило Сергея Александровича, но тяжесть выработки позиции клана Строгоновых-Щербатовых выпала на долю князь Г.А. Щербатова. Он написал в своем подмосковном имении Васильевское несколько брошюр, которые идеологически обеспечивали деятельность «Союза русских людей». В частности, в 1908 г. была опубликована книга «Обновленная Россия», в которой автор указал, что «русская государственность была прежде сильная оттого, что люди, окружавшие Царя, люди, стоявшие у государственного кормила, были сынами русской земли, выросшими в деревне, знавшими и понимавшими Россию». Далее он доказывал, что русская народность всегда развивалась в приходе, который должен быть начальным средоточием местного управления. Организация сельскохозяйственного производства и местной промышленности позволит избежать оттока в города и превращения крестьян в пролетариев – людей, наиболее отошедших от Бога. Именно Щербатовы, а также Мария Александровна жена офицера С.Я. Ягмина (1865 – после 1917), который также упоминался в письме Рюккера, время от времени обитали в старинном доме Строгоновых на Невском проспекте. Жизнь здания, как и его главного владельца, после 1907 г. малоизвестны.

В настоящий момент можно предположить, что, вероятно, последний шанс свое владение в прежнем виде был упущен Строгоновым в 1912, ибо осенью того года петербургский дом был ограблен. Утром 27 октября, в субботу, управляющий, войдя в контору, обнаружил взлом несгораемого шкафа, стоящего около стены. В скором времени на место преступления прибыл начальник сыскальной полиции В.Г. Филиппов. Осмотром было установлено, что

воры проникли в контору с помощью подобранного ключа. На месте взлома злоумышленники оставили усовершенствованные воровские инструменты: колоторы, фомки и отмычки. При проверке оказалось, что они унесли на 10 000 рублей денег кредитными билетами, а также процентными бумагами. По предположению Филиппова, который был блестящим сыщиком, двое посторонних людей проникли во дворец с вечера, заявив сторожу, что идут к одному из служащих. Как оказалось, у него, однако, они не были, а, по всей вероятности, пробрались на чердак, чтобы затем ночью спуститься в контору. Воры воспользовались только частью денег и процентных бумаг. В соседнем несгораемом шкафу хранилось несколько десятков тысяч рублей ценных бумаг, которые были сложены пачками. Кроме того, в одном из ящиков шкафа хранилось много бриллиантов и золотых вещей. Здесь же лежало бриллиантовое ожерелье, стоящее сотни тысяч рублей. Но и этот несгораемый шкаф оказался нетронут. Все эти сведения почерпнуты мной из статьи «Воры во дворце графа С.А. Строгонова», опубликованной в «Петербургской газете»⁴. Тот же источник рассказал о ходе следствия, которое не сразу добилось истины.

В номере за 31 октября находим: «<...> Вчера утром в сыскальную полицию были доставлены два субъекта, которых подозревают в совершении кражи. Оба уже судились за кражи. <...> Арестованные пока в преступлении не сознаются и сообщников не выдают»⁵. Еще два дня спустя, 2 ноября, «Петербургская газета» вышла с сенсационным заголовком «Бывший депутат второй думы – предводитель шайки громил». Выяснилось, что к одному из строгоновских служащих приходил прилично одетый средних лет мужчина, известный знакомый, который интересовался порядками в конторе. Филиппов пришел к заключению, что этот человек причастен к преступлению. Была поставлена на ноги вся сыскальная полиция, которой помогала и наружная. Дежурных агентов послали на вокзалы, в увеселительные заведения и рестораны. Номера процентных бумаг сообщили в банки, что и привело к успеху. 31 октября в одну из меняльных контор явился прилично одетый мужчина. Он был допрошен и, в конце концов, назвал человека, который его послал. Им оказался бывший депутат II Государственной думы от фракции трудовиков Алексей Федотович Кузнецов, происходивший из крестьян Старицкого уезда Тверской губернии. Это была информационная бомба, разорвавшаяся в момент накануне начала работы новой думы⁶. Разумеется, газета заинтересовалась подробностями, которые смаковала в следующих номерах.

3 ноября «Петербургская газета» поместила статью под громким названием «Депутат-социалист – предводитель шайки громил», которая открывалась следующим предложением: «Депутат в роли профессионального громилы – явление необычайно печальное». Далее шла беседа (интервью) с товарищем председателя II думы трудовиком М.Е. Березиным. Из нее выяснилось, что Кузнецов принадлежал не к его фракции, как изначально предполагалось, а к числу социалистов-революционеров, более известных в истории как эсеры. Далее шли новые подробности ограбления. Филиппов был прав, предположив, что злоумышленники вечером спрятались на чердаке, а ночью спустились вниз, в контору. Десять процентных бумаг Кузнецов утаил (это и сыграло важную роль в раскрытии всего преступления). Он был арестован в ресторане во время кутежа⁷.

4 ноября читателей ждала статья «Бывший депутат А. Кузнецов – предводитель шайки громил». Она сообщала, что один из главных участников налета на Строгоновский дом вор-взломщик Владимир Штраус, который был задержан и на допросе показал, что местом обитания шайки был дом № 67 по Обводному каналу – квартира некой А.И. Степенской. Здесь же проживал А.Ф. Кузнецов. Посланные на место агенты вместе с жандармами произвели обыск, в результате которого нашли множество орудий производства специалистов по взлому несгораемых шкафов и железных касс. Арестованы были и сами мастера, один из которых прятался в шкафу, а другой под кроватью. В результате предпринятых мер стала известна вся схема преступления и события, последовавшие за ограблением. Процентные бумаги были переданы громилы маклакам Ново-Александровского рынка, которые поддерживали воровскую шайку по время «безработицы». Однако у них не было приличного платья, и для обмена процентных бумаг им пришлось прибегнуть к услугам турецкого подданного Н.М. Ставриноса. Тот в свою очередь передал ворованное греку Элевторию и только он, наконец, совершил операцию, которая прошла успешно. И лишь процентные бумаги, утаенные Кузнецовым от товарищей, навели сыскную полицию на след⁸.

5 ноября газета подвела итог следствия в статье «От парламента до ночлежного дома». Журналист сообщал, что накануне Филиппов, выяснив предысторию бывшего депутата, закончил дело. Оказалось, что Кузнецов часто являлся в Таврический дворец, где заседала Государственная дума, в пьяном виде. Однажды он устроил крупный дебош на Большом проспекте Петербургской стороны и

провел ночь в участке, откуда его выпустили лишь тогда, когда полиция удостоверилась, что пьяный скандалист действительно член парламента. Из ее библиотеки иногда пропадали книги и разные вещи. После налета на Строгоновский дом решили, что виновником краж являлся Кузнецов, который после роспуска думы в 1907 г. вернулся на родину. Он был встречен односельчанами «неохотно» (выражение самого Алексея Федотовича). К тому же в деревне депутат уже не мог заниматься своим ремеслом или земледелием, так как за время пребывания в Петербурге, по его собственным словам, отвык от черной работы. Он возвратился в столицу. Далее следовала случайная работа в течение нескольких месяцев, устройство на постоянное место, но, после неприятностей с начальством, потеря. Затем Кузнецов скитался по чайным трактирам и ночлежным домам, пока новые знакомые не уговорили его вступить в шайку, в которой, вероятно, в силу своей прежней государственной деятельности, он сделался предводителем. Кроме того, «депутат» обладал уже некоторым «опытом», ибо уже ограбил почтовую контору в своей родной Тверской губернии (тогда он чудом избежал наказания)⁹. Таким образом, аристократия, в том числе и граф С.А. Строгонов, и без того горячо возражавшая против представительства народа во власти, получила яркое доказательство неготовности этой категории граждан к государственной деятельности. Нравственный облик Кузнецова, описанный на страницах газеты, был отвратителен. С другой стороны, Сергей Александрович нашел подтверждение правильности своего решения об эмиграции, ибо увидел новый пример падения морального облика низших слоев общества. Мысль князя Г.А. Щербатова о развращающем влиянии города находила свое подтверждение.

5 ноября был произведен обыск в квартире Ставриноса, который объяснил факт присутствия большой суммы сбором пожертвований воюющим сородичам. Так «строгоновское дело» оказалось вписано в международную политику, ибо со своей стороны Элевторию объяснял спешный размен кредитных билетов отъездом на войну¹⁰. 9 октября началась Балканская война, в которой Черногория, Сербия и Греция воевали против Турции и сражения являлись «репетицией» Мировой войны. Однако полиция знала, что именно в чайных Ставриноса члены шайки Кузнецова собирались после погромов и продолжала следить за ними. В одной из них, возле Ново-Александровского рынка, арестовали двух подозрительных, отдававших вещи маклаку. Об этом «Петербургская газета», которая к тому времени уже использовала все журналистские дивиденды от

дела и потому потеряла к нему интерес, сообщила 17 ноября¹¹. 15 ноября «открылись» заседания IV Государственной думы.

В 1913 г. состоялся суд, который был освещен на страницах газеты «Речь»¹². После него был сменен управляющий дома, место которого занял Н. К. Либин. Он оказался просвещенным любителем искусства и летом 1914 г. предложил графу организовать в старинном здании музей. Строгонов согласился, хотя мотивы его поступка до конца неизвестны. Едва ли он надеялся путем просвещения повлиять на настроение широких кругов Петрограда. Скорее, он поддался на убеждения Николая Ксенофонтовича, который считал, что доступность картин и предметов более способствует их сохранности, нежели полное закрытие. С другой стороны, открытие музея де факто и добровольно передало бы художественные собрания рода Строгоновых народу всего лишь несколькими годами ранее Октябрьской революции, которая проводила национализацию с неизбежными эксцессами. Таким образом, можно увидеть в деятельности Либина элемент исторического следования российского государства к иным формам собственности и последовательность позиции Сергея Александровича, который полагался на провидение после 1884 г.

Несмотря на войну, которую первоначально рассматривали как кратковременную, с большим энтузиазмом Либин проводил в исполнение свой обширный план, хотя в Строгоновский дом, как и другие частные владения города, вселился госпиталь. Это произошло примерно в 1915 г., когда сам владелец, вероятно, через Данию, Швецию и Финляндию (это был обычный путь проезда вокруг театра боевых действий) прибыл в Петроград. После начала в августе 1914 г. Первой мировой войны Сергей Александрович предоставил военно-морскому флоту свою яхту «Заря», которую предполагалось использовать в качестве посыльного судна для охраны водного района. Вскоре, правда, она была признана негодной и 29 октября была списана. Заводы Строгонова продолжали работать. Весной 1915 г. скончался Александр (Олег), старший сын Ольги Александровны. Почти одновременно умер князь Александр Григорьевич – 26 апреля 1915 г. Управляющий Главной конторой С.В. Римский-Корсаков, сообщая о смерти князей Щербатовых, писал Главномуполномоченному (секретарю Строгонова) М.В. Бардинцеву: «Главное затруднение в приискании рабочих и в удорожании цен [проблемы с грамотностью существовали всегда С.К.] решительно на все <...> вопрос о необходимости пересмотра штатов и увеличения жалования служащим вполне на-

зрел <...>. Я опасаясь, что с выбытием старших служащих неким будет их заменить, если кандидаты, более или менее подготовленных из-за весьма ограниченного жалования, уйдут к другим заводчикам, где труд их оплачивается значительно больше». К этим словам Бардинцев приписал: «нужны материалы и проекты, а не слова. Все это графу давно известно, нужно, наконец, перейти к делу». Следующая фраза петербургского корреспондента вызвала одобрение, поскольку содержала конкретное предложение: «Если сейчас в виду переживаемых событий не время <...> штатов, не признает ли граф возможным разрешить выдачу наград служащим за труды». В письме от 26 мая: «Рабочие также возбуждали ходатайства о прибавке платы, и согласно заключения Главного Управления, приходилось всякий раз таковые разрешать, во избежание приостановки работ, не вследствие боязни забастовок, а прямо вследствие ухода возможного рабочих на другие заводы. Прилагаю также донесение о начинающихся затруднениях в Добрянке в наличности рабочих и о необходимости увеличить заработную плату при <...> уборке железа в Мартеновой фабрике».

Тем временем, 19 апреля немцы прорвали фронт. В июне и июле русские войска сдавали позиции, пополнения не было, поскольку отсутствовала возможность предоставить им винтовки. Остро ощущалась также нехватка снарядов. Фронт стабилизировался на линии Рига–Двинск–Барановичи–Пинск–Дубно. Строгонов прибыл в Петроград в июле и затем в течение двух месяцев совместно с главноуправляющим Ильинской конторой А.Н. Мальцевым, который выступал в роли эксперта, добивался получения заказа на изготовление трехдюймовой шрапнели. Это была традиция, ибо в годы Отечественной войны 1812 г. Билимбаевский завод уже выпускал снаряды. Правительством была выдана сумма 750 тысяч рублей, истраченная на покупку оборудования и постройку зданий на Добрянском заводе. Станки были заказаны в Америке и по условиям контракта должны были быть отправлены в декабре того же года в Архангельск. В самом конце августа Мальцев составил несколько аналитических документов. Первый из них озаглавлен «Мнение горного инженера А.Н. Мальцева об организации рабочей силы для выделки снарядов в Добрянском заводе гр. С.А. Строгонова» и начинается с цитирования двух газетных статей. В первой из них говорилось о том, что успех Германии на данном этапе войны достигнут благодаря производству снарядов. Во второй приводятся слова германского канцлера Гидденбурга: «Если во время франко-прусской войны победил германский народный учитель, то те-

перь воюющею с нами Европу мы побеждаем рабочими, изготавливающими вооружение и снаряды». По мнению автора документа, после исполнения заказа все оборудование останется и развернется борьба против засилья германской промышленности. В этот момент понадобится «русский рабочий, просвещенный школьным учителем <...> и сознательно трудолюбивый не менее германского рабочего». Для предупреждения забастовок и саботажа Мальцев считал необходимым объявление со стороны графа, что после окончания заказа не менее четверти прибыли будет потрачено для просветительских учреждений рабочих, в частности народного дома и ремесленного училища. При церкви уже была открыта столярная мастерская. Во второй части записки автор доказывал, что необходимо и возможно установление урочно-задельной платы с возрастанием премии за выделку сверх урока при 8-часовом рабочем дне и непрерывном в течение 24 часов действии станков и прессов. Опыт Добрянского завода показал, что сокращение рабочего времени с десяти-двенадцати часов до восьми благотворно сказывалось на производительности труда.

Второй аналитический документ А.Н. Мальцева назван просто «Докладной запиской». В нем говорится о том, что после русско-турецкой войны 1878–1879 гг. и 1904–1905 гг. начинался промышленный спад. Последний кризис строгоновскому хозяйству удалось преодолеть благодаря товарному лесу, который будет исчерпан в течение десятилетия. Необходимо, во-первых, приступить к реорганизации и развитию в имении фабрично-заводской промышленности на новейших основаниях в техническом отношении, переходя от кустарного хозяйства к современным крупнокапиталистическим формам для возможного понижения стоимости продуктов производства, чтобы компенсировать неизбежное возрастание рабочей платы при всех операциях. При неизбежном повышении цен на предметы первой необходимости после войны необходимо пересмотр штатов 1900 г., чтобы удержать в имении молодых, способных и опытных лиц. Одновременно Мальцев подал прошение о переводе в Петроград главной конторы. Он мотивировал это не только семейными обстоятельствами – необходимостью обучения детей и проживанием в столице большинства родственников жены – но и тем, что в эпоху увеличения в имении фабрично-заводской деятельности следует переместить центр имения из Ильинского в Петроград. Благодаря развитию сети железных дорог он сможет легко достигать Перми, Екатеринбурга, Билимбае и Усоля. Уткинский завод располагался в семи верстах от

станции, Добрянка – в сорока. Судя по замечаниям па полях, Римский-Корсаков, через которого все документы попадали к Строгонову, скептически отнесся к идеям Мальцева, и потому едва ли о них было доложено графу. Думается, его также раздражали многочисленные «прожекты» своего инициативного служащего, которые, возможно, казались ему неуместными во время войны.

Начало контракта по производству шрапнели относилось к 1 сентября 1915 г. Во второй половине месяца начались подготовительные работы по размещению оборудования. В октябре Мальцев прибыл в Петроград, где встретился с Д.С. Епишиным, который был рекомендован ему Н.С. Верещагиным (1866–1923). Этот человек некогда работал техником Добрянского завода, а в тот момент занимал должность профессора Политехнического института. Имея, по всей видимости, склонность к аналитической работе, он уже в конце XIX века написал работы о состоянии промышленности Царства Польского и Венгрии для «Вестника финансов, промышленности и торговли», а также участвовал в составлении отчета о Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. В начале XX века Верещагин публиковал статьи в «Известиях С.-Петербургского Политехнического института», «Журнале русского металлургического общества», «Горном журнале». Кроме того, был издан курс лекций профессора на металлургическом и механическом отделениях института под названием «Воздуходувки и компрессоры» (СПб., 1910), а также монография «Заводские машины» (СПб., 1908). На Епишина возлагалось руководство производством, поскольку летом 1914 и 1915 годов он работал на Балтийском заводе, который выпускал именно такие шрапнели. Дмитрий Степанович закончил в 1915 г. механический отдел Политехнического, до конца ноября должен был работать в снарядном отделе Балтийского завода, а затем отправится в Добрянку.

Тем временем, Мальцев отправился Америку, которую планировал достигнуть 8–10 ноября. 28 октября он послал из Бергена письмо Бардинцеву, информируя его о заказе и о том, что оборудование возложено на него. В сообщении можно найти такие строки «Отечество в опасности, и долг каждого гражданина сделать то, что он может по своим силам и знаниям. Дело сложное и требует исключительного напряжения». Надо думать, что под этими словами охотно подписался граф Строгонов, который 20 декабря отправил телеграмму главному управляющему петербургской конторы С.В. Римскому-Корсакову, приказав ему увеличить «ход выделки снарядов»,

не стесняясь размером «рабочей платы». В ответном послании 22 декабря тот изложил донесение Мальцева от 5 декабря: «к декабрю производительность прессов достигла до 350 шт. в восьмичасовую смену, и при трех сменах в сутки можно считать обеспеченной суточную подачу стаканов по 1000 шт. корпусов. Для дальнейшего увеличения производительности прессов необходим пуск в действие турбодинамо, которая замедлилась доставкой из Америки. К сожалению, работы по обточке и отделке корпусов не могут быть развиты в полной мере вследствие не прибытия еще в Добрянку задержанных в пути, и при отправке из Америки 16 станков, восемь из которых отправлены уже из Владивостока. С июня месяца нами содержалось во Владивостоке специальное лицо для ускорения выгрузки и отправки станков и принятия самых энергичных мер к получению наряда вагонов на переотправку».

До получения же всех станков и при неопытных еще рабочих трудно сразу развить нормальную производительность в 1000 шт. готовых снарядов в сутки, ибо на некоторых станках приходится производить операции не вполне для них подходящие до получения станков соответствующего назначения.

Недостаток рабочих, вследствие призыва на войну восполняется в значительной степени наймом женщин-рабочих из местного населения, которые после обучения с успехом исполняют работы на машинах.

При постепенном навыке и прогрессивном увеличении премии мастеровым и рабочим, в зависимости от увеличения количества суточной выделки, можно рассчитывать через два месяца достигнуть производительности выше нормальной тысячи штук в сутки. За ноябрь сдана первая партия в 10 000 шт. <...> Все служащие, как Главной конторы, так и в Добрянке воодушевлены самым искренним желанием исполнить волю Вашего Сиятельства и прилагают к этому все свои силы, в доступных для них пределах».

По отчетам Римского-Корсакова, выяснилось, что 1915 г. не принес больших изменений в хозяйство нераздельного имения. Прогноз на 1916 г. был неблагоприятен. Заготовка товарного леса вдвое меньше по причине отсутствия рабочих рук и неуверенности в сбыте. Железо возросло в цене, но доход неизвестен, ибо владелец назначил за изготовление шрапнели 10 рублей вместо двенадцати у других владельцев. Таким образом, можно предположить, что Сергей Александрович не наживался на войне, как делали многие его соотечественники. Себестоимость соли, которую Строгонову варили по традиции с XVI века и которая стабильно

поддерживала их хозяйство, возросла на 3 копейки с пуда, но и продажные цены возросли. Не исключалось сокращение выварки в Ленве, которая работала на каменном угле, приобретаемом у Демидовых, давних конкурентов. Проблемы также состояли в куле (в него упаковывали соль), который прежде стоил 22 копейки, а теперь достиг сорока.

Тем не менее 1916 год не принес больших изменений. На заводе Строгонова продолжалась напряженная работа, которая, по условиям контракта, должна была завершиться 1 февраля 1917 г. Как известно, спустя три недели в России началась буржуазная революция, после свершения которой Сергей Александрович считал своим патриотическим долгом продолжать производство снарядов на Добрянке». Приведена цитата из сообщения графа сестре Ольге, которое прочитали в Петрограде 11 мая 1917 г.¹³. 25 сентября Мальцев писал Бардинцеву о том, что Добрянский завод с ноября сдан в аренду Обществу «Франко-Русский завод». Подробности были следующими: «Завод принимается арендаторами в аренду с уплатой половины стоимости всех запасов сырья и материалов немедленно по передаче завода, а вторую половину через 6 месяцев, в течение арендного срока топливо покупает арендатор <...> или с платой от куба древесины по особому условию по установленной цене, равно как и весь билимбаевский и уткинский чугун по твердой установленной министерством цене, а при отсутствии этих цен – по рыночной. Плата же за материалы произведена в Париже, во франках по курсу, т.к. главное правление Общества находится в Париже. К выработке остальных условий договора будет приступлено в среду уже, а пока дело поставлено твердо и его можно считать оконченным <...> Общество солидное, ведет крупные дела <...> и поставлено на широкий масштаб. Граф осведомлен через княгиню и выразил согласие принципиально на сдачу в аренду завода, что при нынешних экономич. условиях страны и при известных Вам порядках на наших заводах, является мерой необходимой и неизбежной и существенно полезной для владельца. Выплату пенсий, содержание церквей, школ и больниц, уплату повинностей и обязательных взносов Об-во принимает на себя: мы же будем лишь оплачивать содержание лесного хозяйства и налоги на земли и леса округа. Расчет арендной платы сделан в % от капитала. К. из 6 процентов на капитал, затраченный в сооружениях и машинах завода + % погашения ежегодного [неразб.] капитала, необходимого в оценку продаваемого железа. Стоимость всех запасов сырья и материалов сейчас в точности неизвестна. Но одного

чугуна в переработке и в складах более 1 млн. пуд. по твердой цене 3 р 75 к.; мартеновских слитков и пр. всего наберется на сумму до 5 млн. рубл., которые по моей величайшей радости попадут в руки графа непосредственно. А все прочее – «в руках Божьих. Пока договор не подписан, все как-то не верится, чтобы такое большое дело могло устроиться в такой короткий срок. По сравнению с результатами последних лет, мы, конечно, прогадываем, но с точки зрения нынешней разрухи и грядущего расстройтва экономической жизни мы делаем, по моему мнению, выгодное дело. Лучше синица в руках, чем журавль в небесах».

Мальцев сообщал, что срок аренды составлял 12 лет. Относительно платы предложение владельца было 400 000 рублей в год за первые шесть лет и по 600 000 в последующие годы. Удалось договориться на сумму в 240 000 и 15 процентов с чистой прибылью. По сведениям М.П. Вяткина, в октябре 1917 г. Сергей Александрович подготовил договор о передаче своих заводов в аренду Франко-Русскому обществу сроком на 15 лет с арендной платой 300 тыс. рублей в год¹⁴. Вскоре произошла Октябрьская революция, которую Строгонов встретил на французской Ривьере, где имел виллу. В 1919 г. он продал права на владение нераздельным имением Ярошинскому, но и после этого его не оставляли в покое.

14 ноября 1921 г. из Англии некто Mr. Bark (вероятно, последний министр финансов империи М.Л. Барк (1869–1934), который, возможно, был знакомым Строгонова с того периода (1906–1911), когда был директором-распорядителем Волжско-Камского банка) написал Сергею Александровичу: «Бывший мой сослуживец Б.А. Виленкин, агент Министерства финансов в Америке во время войны, говорил мне, что, будто бы некоторые американские солидные фирмы могут уже теперь заинтересоваться ознакомлением с положением крупных русских предприятий и просит меня обратиться к Вам за некот. сведениями о Ваших уральских делах, а именно ему желательно получить данные о запасах руды, ее количестве, процентном содержании металлов и о рабочих руках в нормальное время. Оные надеются на практические результаты и по русской проблеме Вашингтонской конференции¹⁵, которая открылась при очень благоприятных условиях. Не берусь судить, насколько верны данные Б.А. Виленкина, но если Вас не затруднит доставление поименованных сведений, нужно было бы позондировать почву, ни к чему, конечно, не обязываясь».

12 августа 1922 г. письмо Строгонову направил некий Володин, который пять лет назад участвовал в переговорах о сдаче

аренду Добрянского завода. Теперь он писал: «Не имея от Вас известий, интересуется ли Вас вопрос финансирования Пермского имения, все же считаю своим долгом довести до Вас сведения, полученные мною предложения следующего содержания: «Капиталисты всего мира в разрез со своими правительствами прилагают все старания, чтобы сделать Россию работо- и платежеспособной, но большевики изошряются мешать, в чем и поспевают. Одним из указанных капиталистов и самыми важными являются американцы, представитель которых едет в Европу русский инженер (мой знакомый). 20 июля он выезжает в Европу. Если дело гр. Строгонова еще не финансировано, то есть много шансов его реализовать. Цель американцев собрать представителей русских предприятий, сговориться с ними и образовать на установленных условиях одно общество. Начать работать в России при первой возможности открыть в американских банках достаточный кредит. Сообщая выписку из письма, прошу не отказаться сообщить, имеете ли Вы желание входить в переговоры с американской группой». Если реакция графа на первое предложение неизвестна, то на обороте второго можно разобрать карандашный набросок ответа, датированный 15 августа 1922 г. Он содержит такие слова: «Вновь испытывать всю скуку нескончаемых переговоров я не желаю». Спустя несколько месяцев, 1 мая 1923 г., Сергей Александрович умер.

В последний период своей жизни – 1907–1923 гг. – граф С.А. Строгонов отсутствовал в России. Причины его эмиграции заключались в отрицательном отношении к либеральным реформам, начатым императором Николаем II под давлением революции 1905–1907 гг., а также скептическом отношении к возможности повлиять на исторический ход событий. Такая позиция определилась у графа еще в 1880-е гг., когда он избрал жизнь «барина», порвал с собирательской традицией рода, ведущей к меценатству графа Александра Сергеевича, президента Академии художеств и сосредоточился на освоении наследия его оппонента графа Сергея Григорьевича, своего деда. Отсутствие экономической инициативы Сергея Александровича, потерявшего в указанный период металлургическую отрасль своего хозяйства, особенно заметно на фоне активной деятельности как родственников, князя С.А. Щербатова и князя Г.А. Щербатова, так и части управляющих – Н.К. Либина и А.Н. Мальцева. Наиболее деятельно боролся за права своего класса Георгий Александрович, занимавшийся теоретической работой и предпринимавший «практические шаги» по остановке революции в рамках деятельности «Союза

русских людей». В 1915 г. граф Строгонов вернулся в Россию. Этот приезд, оказавшийся последним, имел, вероятно, несколько целей, среди которых можно отменить поддержку сестры в момент потери мужа и сына, а также, главное, желание исполнить патриотический долг. Его Сергей Александрович понимал как изготовление шрапнелей для фронта. Модернизированный Добрянский завод продолжал работать вплоть до Октябрьской революции 1917 г., которая в некоторой степени исполнила желания графа. Он получил «освобождение от коллекций», а также уже не принадлежал к аристократии. Экономически вотчина Строгоновых устояла, но у нее не было политического будущего, ибо Сергей Александрович за него не боролся.

Примечания

- ¹ ОР ГРМ. Коллекция бумаг князя Г.А. Щербатова. Далее все цитаты, не отмеченные сносками, приводятся по этому источнику.
- ² Делаидни. – 1920. – Кн. 1. – С. 591 (хроника).
- ³ Более подробно рассказано в моей статье «Порядочных собак очень мало». Охотничьи интересы Сергея и Ольги Строгоновых в течение 1880–1890-х гг. (Краеведческие чтения. Порхов–Холомки: Материалы науч. конф. – Псков, 2006. – С.78–112).
- ⁴ «Петербургская газета». – 1912. – 28 октября. – № 297. – С. 3. Впервые сведения опубликованы С. Глезеровым.
- ⁵ № 300. – С. 5.
- ⁶ Там же. – № 302. – 2 ноября. – С. 5.
- ⁷ Там же. – № 303. – 3 ноября. – С. 5.
- ⁸ Там же. – № 304. – СЛО.
- ⁹ Там же. – № 305. – С. 3.
- ¹⁰ Там же. – № 306. – С. 6.
- ¹¹ Там же. – № 317. – С. 5.
- ¹² № 278–280. Указано И.Г. Локотниковой.
- ¹³ РГАДА. Ф.1278. Сп. 2. Д. 578. Л.16.
- ¹⁴ Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. –М.–Л., 1965. – С. 339.
- ¹⁵ Открылась в американской столице 12 ноября 1921 г. Продолжалась до 6 февраля 1922 г. при участии США, Британской империи, Франции, Италии, Бельгии, Португалии, Нидерландов, Китая и Японии. Была посвящена проблемам согласованной политики в Тихоокеанском регионе. Советскую Россию на встречу не пригласили, а делегация Дальневосточной республики не была допущена на заседания.

Л.В. Васильева

Каменка – имение Арсеньевых

Каменка (в 5 верстах от Ильменского погоста, ныне территория Солецкого района Новгородской области), план сельца, владения полковника Николая Дмитриевича Арсеньева. 7.11.1788¹. Сохранился план и фасад каменного дома генерал-майорши Веры Арсеньевой, построенный в 1781 году по службам в Псковской губернии в городе Порхове. Это был единственный каменный частный дом в Порхове на то время. В 1790 г. в Ретно была построена деревянная церковь Св. Николая, и имение Каменка стало принадлежать Ретенскому погосту. В 1808 г. в имении Каменка (в 4 в. от Ретна) живут дворовые люди Арсеньевой Веры Ивановны: 10 душ мужского и 10 женского пола. С 1804 г. в имении у нее винокурный завод, в 1806 давший 590 ведер. 1.11.1796 г. умер генерал Н.Д. Арсеньев от ран, полученных в сражении под Измаилом, оставив жену без средств: его долги составили 36 тысяч рублей. Николай Дмитриевич (1754–1796) служил в лейб-гвардии Преображенском полку, участник русско-турецких войн 1768–1874 и 1797–1791 гг., отличился при штурме Измаила (1791), за что удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени. Его жена – Вера Ивановна, урожденная Ушакова. Соседнее имение Горки принадлежало Ивану Ивановичу Корсакову. Каменный одноэтажный дом в Порхове с двумя каменными флигелями она была вынуждена продать городскому магистрату, который его приспособил для служебной и жилой половины городничего, а во флигелях разместились помещения Нижнего земского суда, архива, уездного суда, дворянской опеки, казначейства. В записке, поданной правительству, вдова перечисляет своих четырех дочерей. За год до смерти Николай Дмитриевич заказал вошедшему в моду художнику Василию Лукичу Боровиковскому портрет своей миловидной жены. В.Л. Боровиковский написал не только Веру Ивановну, но и портрет его дочери, 18-летней Катерины, с яблоком в руке. На картине славянская Венера. В 1796 г. Львов Н.А., у которого жил Боровиковский, написал пародию на античный сюжет: Парис, деревенский пастушок, не вручает богине любви яблоко – приз за красоту, а нечаянно роняет его, а ловкая, проворная Венера яблоко подхватывает. Катюша на картине – идеал русской

красавицы – широколицая, курносая, румяная, с пухлым ртом, еле сдерживающим улыбку, с чуть удлинненными веселыми голубыми глазами. Она сама как наливное яблоко и осознает свое обаяние. Она в том счастливом возрасте, когда только готовятся к встрече с жизнью, но еще ничего о ней не знают. Ей в скором времени предстоит получить шифр фрейлины Марии Федоровны. Накануне этого события только что выпорхнувшая из стен Смольного института благородных девиц, она с восторгом, лукаво и кокетливо смотрит на всех, надев пастушечью шапочку с колосьями, которая сидит на ней очень задорно. «А девушке в семнадцать лет какая шапка не пристанет!» Ее сестру Дарью (в замужестве Хвостову) увековечил Кипренский. Третья дочь Прасковья (замужем за генералом Ф.И. Ахвердовым), любимая племянница Е.А. Арсеньевой, бабки Лермонтова (племянницами они приходились ей по мужу, один из братьев Николая Дмитриевича являлся дедом Лермонтова). Позже на Кавказе она дружила с Грибоедовым и Ниной Чавчавадзе, принимала участие в судьбе Лермонтова и успешно занималась миниатюрной живописью. Об их брате Дмитрие и младшей сестре Марии пока ничего не известно². В исповедных росписях Порховского уезда фамилия дается с ошибкой – с буквой «т». Старший сын Дмитрий Николаевич (? – 10 апр. 1812) флигель-адъютант, камергер. Портрет его жены, урожденной графини Каховской, фрейлины двора Александры Михайловны, работы кисти Боровиковского, до революции находился в музее Плюшкина в Пскове. Арсеньев Петр Дмитриевич, поручик, в 1846 г. ему 47 лет, в отставке, помещик Новоржевского уезда, записан во 2-ю часть родословной книги дворян Псковской губернии. В исповедных росписях Порховского уезда фамилия рода дается с ошибкой – с буквой «т». В дворянских списках 1835 и 1846 гг. внук Николай Дмитриевич Арсеньев (6 апр. 1803 – 9 янв. 1859), губернский секретарь, уже пишется правильно. За ним в Порховском уезде 215 душ крепостных мужского пола. Выпущен в Ольвиопольский гусарский полк в 1823 г., адъютант Дибича в 1826 г. Калязинский и Порховский помещик. На имение Каменка с 51 душой крестьян наложено запрещение Псковской Гражданской палатой. В 1857 г. он продал недвижимость и с женой Софьей Павловной, урожденной Козловой (двоюродной сестрой) и дочерью Александрой (? – 14 апр. 1897 г. в Париже) и Софьей (в замужестве за маркизом де Кюни) переселился в Париж. Сын Дмитрий родился и умер в 1835 году. Николай Дмитриевич погребен в Париже на кладбище Монморт³. По данным 1877: Каменка – деревня

при речке Ильменке, в 51 версте от Порхова, 21 двор, 52 мужчины и 58 женщин. По данным 1896: село 2 стана, Дорогостицкой волости, владение купца Я. Ванюкова, от Порхова в 41 версте, от волости 1 верста, при проселочной дороге и речке Ильменке, строений 20, 39 мужчин и 13 женщин, земли 1312 десятин.

Примечания

- ¹ ГАПО, ф.3 8, оп. 7, д. 308.
- ² Чижова И. Образ милый, незабвенный. – СПб. – М., 2005. – С. 70–72.
- ³ Из Псковской старины. – Псков. – 1916. – С. 21–22 // ПГОИАХМЗ, Дрвлекранилище, ф. Типография губернского правления).

ПЕТР МИТРОФАНОВИЧ БАЛАВЕНСКИЙ

На имение Хилово умершего помещика Михаила Алексеевича Ладыженского сразу же нашлись наследники из дальних родственников: внучатые племянники Петр Митрофанович Балавенский и Анна Гавриловна Бухарова.

Мать Балавенского, Евдокия Богдановна, урожденная Ладыженская, жила в усадьбе Быстро Ясенского погоста, а Гаврила Мариея Кузьминична Ладыженские проживали в усадьбе Щерепицы того же погоста. Их дочь вышла замуж за Ивана Тихоновича Бухарова, в роду которого тоже была бабка Ладыженская Екатерина Илларионовна. Хилово, занимающее под селом 14 десятин земли, было заложено прежним владельцем губернскому регистратору Соколову Ивану, у которого после его смерти осталась несовершеннолетняя дочь Мария Соколова. Ее пришлось срочно выдавать замуж. 31.08.1819 г. в Старопреображенской церкви г. Порхова состоялось венчание пятнадцатилетней Марии, урожденной Соколовой, с 33-летним майором Гаврилой Христафоровичем Дорогим, и в тот же день в той же церкви была крещена и дочь Мария. Молодым было выделено другое имение Ладыженского – село Чистоба Тишинской волости Порховского уезда, названное новыми владельцами Троицким. Балавенские въехали в усадьбу Ладыженского сразу же, а Бухаровой на краю парка пришлось обустраиваться заново. Петр Митрофанович в службу вступил 15.03.1801 г. в лейб-гвардии Преображенский полк подпрапорщиком. Выпущен в Сибирский драгунский полк прапорщиком 1.10.1803 г. Из этого полка определен корнетом в Ахтырский гусарский полк 14.11.1806 г. За отличие в сражении с французами под местечком Сиротским награжден 1.05.1807 г. орденом Св. Анны 3 класса. С 20.05.1808 г. переведен в поручики. За отличие в сражении при переправе через р. Эльбу и при нападении на г. Колбен в 1813–14 гг. награжден орденом Св. Владимира 4 степени с бантом. 9.06.1813 г. произведен в штабс-ротмистры. За храбрость в сражениях при городах Меленке и Лейпциге награжден 18.04.1814 г. орденом Св. Анны 2 степени. Уволен со службы из Ахтырского гусарского полка по ранению с мундиром 23.01.1816 г.¹ В списках дворян 1816 г. с указанием размеров дохода с имений Петр Бала-

венский отмечал, что у него «доходности нет по неурожайности» и был освобожден от налога. В 1817 году он женился на Александре Артамоновне Кожинной, которая вскоре умерла. Сохранилось ее завещание от 1.04.1817 г. мужу на владения в Ясенском погосте². В Порхове Балавенский служил в 1822–23 гг. исправником в земском суде. В 1825 г. в Хилово по метрическим росписям проживают Балавенские Петр Митрофанович, ротмистр и кавалер, 48 лет, со 2-ю женою Надеждою Михайловною, урожденною Тяпковою, 21 года, (соседкою по его прежнему имению Быстро) и их дети – Анфиса, 3-х лет, и сын Петр, 1 года, с дворовыми людьми: 28 душ мужского и 18 женского пола³. В 1831 г. за ним в Порховском и Островском уездах 392 души крепостных крестьян, да у жены 70, и на 1831 г. за нею осталось только неразделенное с братом Алексеем и сестрою Дарьей владение в д. Сысоево 26 душ мужского пола. В 1841–43 гг. и 1847–49 гг. Петр Митрофанович избирался предводителем Порховского дворянства. В 1830 году братья Николай, Дмитрий, Константин и Григорий Ивановичи Крекшины обратились в уездный суд с просьбой о выделении им 3-й части села Хилова, как племянникам Авдотьи Екимовны Ладыженской, матери Михаила Алексеевича Ладыженского. Суд 24.10.1830 им в этом отказал, что неудивительно. В это время уездным судьей служил племянник Анны Ивановны Бухаровой подпоручик Александр Васильевич Бухаров. В те времена родственные связи в жизни дворянства значили очень много. «Ну как не порадеть родному человечку», – справедливо заметил Чацкий в комедии Грибоедова «Горе от ума». Началась тяжба. 28.09.1834 г. Гражданская палата Псковского суда решила удовлетворить это требование Крекшиных. И опять же не случайно. Братья Крекшины – тоже участники войны 1812 года, а Николай Иванович к тому же в 1835–41 годах был избран предводителем губернского дворянства, до этого являлся предводителем Порховского уездного дворянства, что гораздо весомее власти уездного судьи. В 1839 году был избран Холмский уездный землемер, которому приказано было составить план села Хилова и выделить 142 десятины 1600 сажень, оцененных в 3000 рублей, господам Крекшиным. Такой план был оставлен. По нему дровяного лесу по болоту числилось 396 десятин, под строевым и дровяным лесом – 106 десятин, под покосом – 4, под пашней – 28, под пустырем – 17, под селением 14. Всего: 78 десятин земли⁴. Должно быть, у новых объявившихся наследников землю пришлось выкупать, потому что в дальнейшем до садовой революции в Хилове сохраняются только 2 усадьбы. Непри-

ятности сплотили Бухаровых и Балавенских. Не случайно в 1835 году Анну Гавриловну Бухарову Балавенские приглашают в крестные матери младшему сыну Ростиславу. В 1846 г. у Петра Митрофановича 365 крепостных крестьян. К этому времени в семье Балавенских 6 детей. Анфиса родилась 24.06.1822 г. в Порхове, остальные дети: Петр, Александр, Владимир, Вера, Ростислав – все родились в Хилове. «1828 года октября 22 числа ... родился сын Владимир, крещен 23 октября. Восприемники: Лужского уезда Павского погоста усадища Пав помещик генерал-майор Николай Васильевич Васильчиков и Ясенского погоста усадища Быстра помещица девица Дарья Михайловна Тяполкова». «1830 года июня 8 числа ... родилась дочь, наречена Верой, крещена 9 июня. Восприемники: сын Балавенского Петр и порховская помещица Любовь Митрофановна Балавенская». Рождение большого количества сыновей привело к дроблению имения и обнищанию рода. Дочь Веру определили в СПб-кое училище ордена св. Екатерины. Сыновья поступили на военную службу. Поближе познакомимся с этим семейством, так как их фамилия вошла во все энциклопедические словари дореволюционного времени. Начнем с младшего.

РОСТИСЛАВ ПЕТРОВИЧ БАЛАВЕНСКИЙ

По метрической книге Спасо-Преображенской церкви, к которой было приписано Хилово, сохранилась метрическая запись: «1835 года сентября 9 числа родился Ростислав от помещика ротмистра и кавалера Петра Митрофановича Балавенского и жены его Надежды Михайловны от 2-го его брака. Восприемники: отставной гвардии подпоручик Александр Михайлович Тяполков и помещица майорская жена вдова Анна Гавриловна Бухарова»⁵. Младшему Ростиславу выделено имение Быстро. По сведениям 1877: усадьба при реке Узе, в 14 верстах от Порхова, 6 дворов, 21 мужчин и 15 женщин. По данным 1896 г.: село 3 стана, Ясенской волости, помещика Р.П. Балавенского, при проселочной дороге и реке Узе, строений 14, жителей 22 мужчины и 10 женщин, 960 десятин земли. Но проживал Ростислав Петрович в имении Жирно Ясенской волости на Белорусском тракте в 7 верстах от Порхова и 1,5 верстах от Карачуниц. По сведениям 1896 г. в его имении было 9 строений и 4 жителя⁶. По воспоминаниям князя Бориса Васильчикова: «...завсегдатаем Вольшова был ...сосед Ростислав Петрович Балавенский. В Порховском уезде это была лич-

ность очень известная и влиятельная; он слыл богачом, скрягой и даже кулаком, но надо признаться, что в наши времена для дворянина почиталось жить свыше своих средств и иметь долги, и если у кого имение не было заложено, не было долгов, да еще, пожалуй, имелся в Государственном банке кой-какой капитал, то такой дворянин почитался исключением и об нем отзывались со смешанным чувством удивления и некоторой укоризны. Ростислав Петрович был именно таким: для своей скромной жизни безвыездно в деревне он довольствовался своими скромными доходами, отказывался, как общее правило, поручаться по векселям и свое хозяйство вел умело, извлекая доходы. За это-то он и почитался и крезом, и скрягой, и кулаком. Влиянием он пользовался и по своему участию в уездной общественной жизни; с его мнениями, которые он излагал с решительностью, и с его не менее решительными действиями в области уездных выборов и всяких партийных комбинаций считались и вообще предпочитали его иметь на своей стороне, нежели своим противником. Во всевозможных выборных комбинациях он, можно сказать, изощрялся. В Порховском уезде твердо засел на месте председателя управы некто Н.Н.А. (Аничков), деятельность которого вызывала справедливые упреки его противников, но его поддерживало большинство, и он свое положение эксплуатировал в значительной мере для своих личных выгод. Для того, чтобы наконец его свергнуть, Балавенский задумал и инсценировал следующий план: в старом земском положении была статья, которая гласила, что ежели в собрание для избрания гласных явятся избиратели в числе не более подлежащего избранию числа гласных, то все явившиеся, без производства выборов, признаются гласными, Опираясь на эту статью, был установлен и выполнен следующий план кампании: в назначенный для выборов день и час, в назначенном официально для них помещении, с пунктуальностью до одной минуты собрались по тайному сговору все единомышленники, противники А.; на выборах должен был председательствовать предводитель Н.И. Миллер (внук А.Г. Бухаровой), бывший в числе заговорщиков. Для отвода глаз он установил у своего подъезда свою пролетку, и вот все съехавшиеся избиратели не торопились на выборы, т.к. «Н.И. еще дома; его пролетка стоит у подъезда». Между тем заговорщики в назначенную минуту собрались в требуемом по закону числе, подписали заранее подготовленный протокол, и когда остальные избиратели начали собираться с обычным среди нас, русских, опозданием, то узнали, что все уже кончено, Конечно, негодованию обойден-

ных не было предела, в Сенат была направлена жалоба, которая, однако же, пролежала там три года, и новый состав гласных благополучно просуществовал все трехлетие и А. был окончательно извергнут из уезда. Ростислав Петрович как был, так и остался ружейником, и в наших охотах он участвовал больше для компании и наблюдений; ему доставляло огромное удовольствие подметить какую-либо оплошность охотника или сравнить соперников и тогда, когда страсти разгорелись и начиналось то, что он называл «валка», он был доволен и только подливал масла в огонь, оставаясь совершенно спокойным среди горячих споров. Раз как-то один из нас прозевал лисицу; Ростислав Петрович не замедлил постараться всех об этом оповестить и, подъезжая ко мне, уже издали, как всегда, заикаясь кричал: «А Н.Н. лисицу прозевал, ему не охотиться, а ку-ку-курят шупать!» В чем заключалось это противопоставляемое им охоте занятие – курят шупать, я до сих пор не знаю»⁷.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ БАЛАВЕНСКИЙ

По метрическим записям Спасопреображенской церкви: «1827 года июня 2 числа села Хилова ... родился сын Александр, крещен 3 июня. Восприемники Великолукского уезда села Бабарыкина отставной капитан Иван Степанович Пушин и села Быстра помещицы Ольги Васильевой дочь ее девица Дарья Михайлова Тяпкова»⁸. Александр, по воспоминаниям племянницы Олениной М.П. Гортынской: «Дедан (домашнее прозвище Александра Петровича – Л.В.), бывший офицер Уланского полка, высокий, очень представительный, с длинными баками, тщательно пробритым подбородком, в то время – председатель Новоторжской Земской управы, в Севастополе раненый шашкой в плечо, кособочился, а потому решил оставить военную службу, женился на Татьяне Петровне Олениной и остался жить в Торжке в доме тещи, разделенном на две половины. Несмотря на величественный вид – добрейший и пустейший человек, главная страсть которого – карты. У него было имение в Псковской губернии «Березки», где он никогда не бывает, а посылает туда для ревизии кого-нибудь из своих сыновей; хотя я не помню, чтобы из этих ревизий у него что-нибудь получилось, чтобы он извлек какой-то доход. Балавенский кичился своей родословной. На своей половине в рамке он повесил грамоту: «Лета 7185 (1677) года апреля 8 дня по государеву,

цареву и великого князя всея Великой, Малой и Белой Руси самодержца указу быть ему Максиму Ивану сыну Балавенского на его великого государя службе у стрельцов головой...» Это было во время стрелецкого восстания. В целях укрепления дисциплины необходимо было их реорганизовать. Это и входило в задачи Максима Балавенского. За верность по службе и выполнение государева приказа стрелецкий голова Балавенский был щедро награжден землями и людьми в Псковской губернии. «Его мечта – обыграть в клубе каких-то шулеров. Он играет во все с одинаковым азартом и увлечением: на бильярде, в крокет, в домино, в бириульки, в винт, в азартные игры. Рассказывали, что в 1883 (год моего рождения) в Торжке был большой пожар, от которого выгорела половина города. Клуб, в котором играл обычно Дедан, был окружен горящими домами и администратор тшечно убеждал игроков покинуть помещение, но Дедан сказал, что он уйдет только, когда стул под ним загорится. Возвращаясь домой на рассвете, Дедан низко пригибается, проходя под окнами, чтобы бабушка (теща – Мария Сергеевна Оленина, урожденная Львова – Л.В.), которая рано встает, его не увидела. Когда в деревне нечего делать, он устраивает петушиные бои, или состязания в беге между кем-нибудь из слуг. В общем он человек легкого характера, терпеть не может семейных сцен и криков. Начинаются неприятные разговоры с сыновьями; кому-нибудь из них обязательно нужны деньги (карточные долги, плата портному) или еще хуже, приходит повестка – срок оплаты каких-нибудь векселей, угроза описи имущества. Срочно надо продать какую-нибудь рошу или сруб, найти покупателя, внести в банк деньги за заложенное и перезаложенное имение. Денег в доме нет, у Дедана их просить бесполезно, все, что было, он ночью проиграл в клубе. Казалось бы, такая безотрадная и бесперспективная жизнь должна наложить мрачный отпечаток на жителей «старого дома», но ничего подобного – на другой день покупатель на рошу находится, деньги посылаются куда нужно, жизнь входит в свое нормальное течение. Только на Волнянках (Таточкино имение под Торжком – жены Балавенского – Л.В.) летом вместо знакомого густого леса торчат срезанные пни и валяются не вывезенные еще поленицы дров»⁹. По сведениям 1877 Березка – усадьба по течению реки Шелони, в 35 верстах от Порхова, 3 двора, 5 мужчин и 4 женщины, водяная мельница. В 1896 году в с. Березка живут 1 мужчина и 5 женщин. Водяная мельница. В 1905 – Сухловской вол., 2 стана, владелец Балавинский Александр Петрович. Хозяйство ведет управляющий. 529 де-

сятин, 6-польный севооборот: рожь, овес, клевер, лен. В 1906 г. наследники Николай, Алексей и Петр Александровичи, за ними 528 десятин земли. В 1906 г. в имени Березка Балавенской распространяют прокламацию «Чего хотят люди, которые ходят с красными флагами».

ПЕТР ПЕТРОВИЧ БАЛАВЕНСКИЙ

Все Балавенские – люди страстные, увлекающиеся. Не был исключением и Петр. «1824 года июня 1 усадища Хилова у помещика Петра Митрофановича с женою его Надеждою Михайловной родился сын Петр, крещен 3 числа. Восприемники: Псковского уезда усадища Зубова Николай Степанович Карамышев (начальник ополчения 1812 г. дворян Псковской губернии – Л.В.) и помещица девица Любовь Митрофановна Балавенская (незамужняя сестра – Л.В.)»¹⁰. Крещение первенца, наследника, для каждой семьи очень важный момент, и здесь все должно быть учтено: и высокий ранг крестного, и, в случае необходимости, опека над ребенком. После смерти отца Петру Петровичу пришлось выйти в отставку, чтобы приводить дела имения в порядок. Главное имение Хилово по традиции оставалось за старшим сыном. В 1855 в списке дворян Порховского уезда, «находящимися на лицо», у штабс-капитана Петра Петровича и подпоручика Владимира Петровича имение нераздельное, и всего 343 души крепостных крестьян. Средний их брат Александр Петрович, корнет, в это время на военной службе. Только в 1861 поручику Владимиру Петровичу выделено 57 временнообязанных крестьян и 363 десятины земли. Поскольку Александр жил в Твери и в свое имение не приезжал, присматривать за делами в его имении должен был старший Петр. Из воспоминаний князя Бориса Васильчикова: «Один из братьев Ростислава Петровича первый открыл и начал охотиться с обкладчиками, которые впоследствии получили большую известность и широкое распространение под именем «лукашей» или «псковичей». В деревне Острова Березовской волости Порховского уезда проживал крестьянин Лука со своими тремя сыновьями, и они вчетвером каждую зиму убивали по несколько волков, охотясь так, что трое гнали, а четвертый стоял с ружьем. Балавенский начал с ними охотиться, от него об этом узнали в Петербурге граф Воронцов-Дашков и генерал Асташов, которые этих первых «лукашей» взяли к себе на службу; в то же время у них появились из числа их

соседей ученики и подражатели, и через несколько лет все мужское население Островов и некоторых соседних деревень стали на зиму уходить в качестве обкладчиков, и от них установился способ охоты, именуемый некоторыми «по псковскому способу». Многие, вначале в особенности, думали, что ставшие знаменитыми лукаши обладали какими-то секретными способами для определения местонахождения зверя, в особенности волков, и для того, чтобы втроем его выставить на любой лаз. Ничего подобного, конечно, не было; они просто были опытные следопыты, умевшие и при трудных обстоятельствах, в слепую порошу, когда другие терялись, разобраться в следах и обложить зверя и затем по характеру местности определить его естественный лаз. Там они ставили охотников и затем без особого крика, но лишь посвистывая, постукивая по деревьям и перекликаясь, его подымали. Когда нужно, они еще старались направлять зверя, подвешивая, что они называли «заслоны», которые потом стали заменяться флажками»¹¹. Охота – главная страсть дворянского деревенского досуга. Но Петр Петрович пошел еще дальше. Случевский в своих очерках «По западу России» отмечает: «Недалеко от Порхова в с. Хилово существуют серные хиловские воды, принадлежащие г-ну Б.; сходные по составу кеммернскими в Лифляндской и Сергиевскими – в Самарской губернии; неудобство их – это 60-верстное расстояние от железной дороги. Г-н Б. пользуется также известностью как любитель собак; любопытна волчья порода им разводимая; это третье поколение от волчицы, овчаров и бульдога; родственники первых двух поколений оказались ни к чему негодными: они выли, не лаяли и бросались на людей и животных; но третье поколение – очень хорошие караульные собаки и отличны для отыскания медведей. Опыты разведения породы начаты сравнительно недавно – в 1867 году»¹². Это же подтверждает и племянница Татьяны Петровны Балавенской из Торжка М.П.: Гортынская: «(Петр) был как-то грубее, приземистее своего брата Александра. Он безвыездно жил в своем имении Хилово Порховского уезда и разводил собак». Второй страстью Петра Петровича была слабость к женскому полу, как и полагалось настоящему отставному штабс-капитану. Речь идет, конечно, не о бывших крепостных крестьянках Балавенского – кто ж их считал. В Хилове жила семья из города Вендена Рижской губернии гражданина Терентия Дионисьевича Дзен, лютеранского вероисповедания, с законной женой Натальей Гавриловной, православного вероисповедания, его брат Петр Дионисьевич, замужняя сестра их Палина Дионисьевна Влади-

мира Карлова жена, и незамужняя сестра София Дионисьевна. Вот она-то и стала жертвой Петра Петровича Балавенского. В метрической книге Спасо-Преображенской церкви г. Порхова записано: «1866 года декабря 25 числа лютеранского вероисповедания, проживающая в селе Хилове девка София Дионисьевна родила дочь незаконнорожденную Татьяну, крещена 28 декабря. Восприемники: временнообязанный крестьянин помещика Бухарова д. Веснино Семен Власов и села Хилова дворового человека Павла Трофимова жена Акилина Иосифовна. Таинство крещения совершил иерей Иоанн Дружинин с дьячком Капитоном Соколовым и пономарем Алексеем Малиновским»¹³. Виновник «торжества», естественно, не указан, но именным Высочайшем указом 17 июля 1883 г. она признана законнорожденной дочерью Петра Петровича Балавенского вместе со своими сводными братьями уже от дочери упомянутого Терентия Дионисьевича Дзен Софьи Терентьевны. Николай родился 25 мая 1874 года, его брат Сергей – 10 января 1878 года. На их мать мещанкой Софьей Терентьевной, 38 лет, отставной штабс-капитан Петр Петрович в возрасте 56 лет, помещик села Хилово, сочетался в 1880 году первым браком¹⁴. В 1873 за Петром Петровичем числится 736 десятин земли. По данным 1877: Хилово – усадьба при реке Уза, в 10 верстах от Порхова, 8 дворов, 14 мужчин и 16 женщин, серные воды с устроенными купальнями. В 1882 за Петром Петровичем 234 десятины 1 разряда, 464 десятины 2 разряда и 327 десятин неудобной земли. Итого: 1025 десятин.

В Порховской городской управе в 1883 году составлена ведомость о недвижимых имуществах в г. Порхове, размерах налога и недоимках, по которой в течение месяца после срока, назначенного к платежу налога за 1883 год, недоимка сего налога не внесена. По этой ведомости значится рядом со зданием порховского уездного земства на торговой стороне по Набережной улице (территория современного парка возле моста – Л.В.) под № 162 «деревянный 2-этажный дом с прочими постройками жены штабс-капитана Софьей Балавенской: недоимок 9 рублей 50 копеек и сбор 6 рублей 27 копеек». Дом очень дорогой. Для сравнения: таким же сбором облагались по Смоленской улице наследники купца Касьяна Масленникова за каменный 2-этажный дом с прочими постройками и полукаменный 2-этажный дом с деревянным флигелем и прочими постройками дворянина Ивана Васильевича Антоневича, и каменная фабрика, а при ней деревянные другие заведения купца Александра Шелонина¹⁵. Понятно, почему П.П. Балавенс-

кий в 1881 году по окончании контракта с Военным ведомством вступил с ним в конфликт, требуя увеличения арендной платы за курорт. В ответ на эти требования в Правительственном Вестнике за 1883 год в № 70 указывалось на недостатки данного курорта: 1. Ограниченное число помещений. 2. Отсутствие специального заведения для пользования грязью. 3. Некоторые трудности и неудобства путей сообщения. Не придя к соглашению в конфликте с Балавенским, Военное ведомство в 1887 году нарушило с ним контракт. С 1888 по 1891 год Петр Петрович получает чин надворного советника и избирается председателем Порховской уездной управы. Как его выбирали благодаря стараниям брата Ростислава Петровича мы знаем по воспоминаниям князя Бориса Александровича Васильчикова. Во всевозможных выборных комбинациях он, можно сказать, изощрялся. В Порховском уезде твердо засел на месте председателя управы некто Н.Н.А. (Аничков), деятельность которого вызывала справедливые упреки его противников, но его поддерживало большинство, и он свое положение эксплуатировал в значительной мере для своих личных выгод. Для того чтобы наконец его свергнуть, Балавенский задумал и инсценировал следующий план: в старом земском положении была статья, которая гласила, что ежели в собрание для избрания гласных явятся избиратели в числе не более подлежащего избранию числа гласных, то все явившиеся, без производства выборов, признаются гласными. С опорой на эту статью, был установлен и выполнен следующий план кампании: в назначенный для выборов день и час, в назначенном официально для них помещении, с пунктуальностью до одной минуты собрались по тайному сговору все единомышленники, противники А.; на выборах должен был председательствовать предводитель Н.И. Миллер (внук А.Г. Бухаровой, соседки по имени Балавенского П.П.), бывший в числе заговорщиков. Для отвода глаз он установил у своего подъезда свою пролетку, и вот все съехавшиеся избиратели не торопились на выборы, т.к. «Н.И. еще дома; его пролетка стоит у подъезда». Между тем заговорщики в назначенную минуту собрались в требуемом по закону числе, подписали заранее подготовленный протокол, и когда остальные избиратели начали собираться с обычным среди нас, русских, опозданием, то узнали, что все уже кончено. Конечно, негодованием обойденных не было предела, в Сенат была направлена жалоба, которая, однако же, пролежала там три года, и новый состав гласных благополучно просуществовал все трехлетие». Мне всегда казалось сомнительным, что Петр Петрович мог

создать курорт. Страстный охотник, страстный собачник, неустанный женолюб, наконец, отважный воин еще и умелый инженер, опытный менеджер своего детища? Это разные вещи. Люди создают только то, что свойственно характеру их мышления: пожарник не создаст таблицу химических элементов, кинолог – курорт. Воды открыть – другое дело. Чего их было открывать, они сами о себе кричали запахом тухлых яиц не одно десятилетие. Нужно было быть только знакомым с этим запахом. Во время военной службы П.П. Балавенскому довелось побывать в Кеммерне, где запах минеральных вод напомнил ему о родных местах в Хилово. Вернувшись из армии, владелец бесценного богатства недр своего имени за десятилетие не делает ни одной попытки воспользоваться счастливым шансом. Денег, конечно, всегда не хватает. Тем более страсть к охоте и к женщинам всегда требует и времени, и средств. Их не было у Балавенских даже на то, чтобы внести свой герб в Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. Итак, Петр Петрович Балавенский – владелец земель, по которым течет речка Черная, из русла которой рвутся к людям ее целебные подземные воды. По данным 1896: Хилово – село 3 стана, Александровской волости, помещика Балавенского, при проселочной дороге и речках Черной и Узе, от Порхова в 10 верстах, от волости 5 верст, строений 25, мужчин 10 и 14 женщин, земли 1008 десятин. В этом селе находятся минеральные ключи, признанные имеющими государственное значение. К 1899 г. курорт уже пришел в упадок и окончательно запущен – все постройки требовали ремонта. Предводитель Порховского уездного дворянства Николай Александрович Пипин составил записку: «Владельцы нынешнего Хилова не имеют в своем распоряжении свободного и оборотного капитала для постановки дела. Правительство имеет другие заботы, а земство обременено непосильными расходами. Мне лично не только как представителю нужд уезда, но и как простому верноподданному прискорбно и обидно видеть у себя под боком гибель столь ценного и незаурядного дара природы, благодарные действия которого могли бы быть неисчислимы. Что проще, кажется, видеть у себя дома успешный рост такого учреждения, коим без сомнения гордились бы за границей, где общество давно уже пользовалось не одними ваннами и втираниями, но и развлечениями всякого рода в изящном кургаузе и в окружающей станции местности. Для меня дело рисуется так: сравнительно небольшой капитал, начиная от 100 000 руб. с ассигнациями частным лицам или синдикатам был бы достаточен, конечно, при умелой и на-

правленной постановке всего дела, для превращения Хилово в образцовую санаторию, снабженную всеми теми атрибутами гигиены и комфорта, которыми мы избалованы за границей»¹⁶. В 1901 году, после смерти отца Николай Петрович Балавенский заключил контракт с земской управой на ремонт курорта на 3 года, поручив все дела управляющему. И хотя земская управа регулярно выделяла средства на лечение – 750 руб., на библиотеку – 50 руб., на погребение умерших – 250 руб., привлекательность курорта уменьшалась. Доходность составляла всего 600 руб. в год. В 1911 г. Н.П. Балавенский имение за 100 тысяч продал Юлиане Терезе Вагнер¹⁷.

АНФИСА ПЕТРОВНА БАЛАВЕНСКАЯ

Старшая дочь Анфиса Петровна Балавенская родилась 24 июня 1822 года в Порхове, где ее отец, Петр Митрофанович, отставной ротмистр, в то время служил исправником в земском суде. Затем семья переехала в Хилово. Об образовании девочек в провинции в то время не очень заботились, мальчики другое дело – им в армию идти, чины получать. Все дети Балавенских были умные, сообразительные, схватывали на лету, вот только многостороннее глубокое образование родители им дать не могли. Анфиса образование получила домашнее, училась с братьями, может быть, старательнее, но все равно участь ее ждала обычная – выйти замуж за выбранного родителями жениха. Петр Митрофанович и выбрал ей в мужья отставного корнета, новоржевского урядника, из известного богатого рода Креницыных младшего сына Василия. Никто не знает, как жила молодая семья, вот только детей им Бог не дал. Может быть, и к лучшему, потому что свершилось невероятное по тем временам – Анфиса Петровна покинула мужа. Развода ей, конечно, никто бы и не дал, это была привилегия мужчин при наличии неоспоримых доказательств виновности жены, уличенной в неверности. Сложный унижительный процесс развода был настолько тяжелым, что супруги часто просто «разъезжались». Думаю, что до измены дело не дошло, но случилось то, что и должно было случиться в жизни молодой женщины. Она влюбилась! Влюбилась, как только способна любить русская женщина – до самоотречения, всепоглощающе, влюбилась так, что не могла больше жить с нелюбимым человеком. Она влюбилась в старшего брата, известного поэта Александра Николаевича Креницына.

Начался ее личный университет. Он столько знал, так любил Пушкина, Лермонтова, Баратынского, знал декабристов, разделял их взгляды. Он открыл ей мир, который до этого она не знала дальше обихода российских исправников-урядников. Он открыл ей мир новых духовных ценностей, идей и суждений, волновавших умы лучших, образованнейших людей того времени. Остальное довершили книги. Подобно Татьяне Лариной, постигавшей душу Онегина по его пометам в книгах, она стремилась духовно приблизиться к своему кумиру. Его чувства горели в ее груди, его взгляды на мир для нее стали священны! Об этом говорят ее первые произведения. Не случайно ее пьеса «Честность», долгое время шедшая на петербургских и московских сценах под псевдонимом А.К. (Анфиса Креницына), приписывалась Александру Николаевичу Креницыну. А он, по-видимому, дал ей отповедь в духе Онегина и уехал за границу, где написал в 1853 году «Письмо в стихах брату Василию из Парижа» о беглянке Анфисе и братце-уряднике Василии (автограф хранится в ИРЛИ – Л.В.). Еще один семейный скандал был ни к чему Александру Николаевичу: в первом случае родные его обвинили в пагубном влиянии на братьев. Тень подозрения в участии декабристского движения закрыла им карьерный рост. Теперь это «пагубное» влияние затронуло их невестку. Беглянке 31 год. Это уже сильная личность. В 1859 цензура запретила Анфисе Петровне постановку драматического переложения повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в связи с тем, что «на сцену выведен Пугачев». Она не бросила работу и еще два раза пыталась спасти пьесу, вместо Пугачева выведя на сцену атамана, но безрезультатно. К этому времени она уже была свободной от брачных уз, так как в 1862 году вторично вышла замуж за конференц-секретаря Академии художеств Федора Федоровича Львова. Они стали единомышленниками, а Анфиса Петровна надежным другом супругу. Так в окружении Балавенских появился новый родственник, инженер, получивший образование в Главном инженерном училище.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ЛЬВОВ

«В метрической книге церкви святого Петра Митрополита, что на Ульянке, под № 105 показано, что у действительного статского советника Федора Петровича Львова 19 августа родился сын Федор и крещен 27 августа 1819 года»¹⁸. Подробнее биографию

Ф.Ф. Львова смотрите в статье «Ф.Ф. Львов – создатель курорта Хилова» в сборнике «Краеведческие чтения. Порхов–Холомки». 2003¹⁹. По разделу имущества после смерти матери Елизаветы Николаевны Львовой 28 декабря 1864 года за ним в Порховском уезде было записано 480 десятин земли. 1 апреля 1865 года Федор Федорович уволился со службы и переселился в Псковскую губернию, получая пенсию 285 рублей 90 копеек в год из Порховского уездного казначейства²⁰. 3 июня 1867 года Псковским дворянским депутатским собранием получено прошение о внесении в 6-ю часть родословной книги дворян Псковской губернии статского советника Ф.Ф. Львова. Почему не сразу? Занят был? Чем? Обустройством своего имущества? Нет. В прошении указано: «Жительство имею Порховского имения в селе Быстром»²⁰. В родовом имении Балавенских. Эти два года нигде не служил, в формулярном списке депутата дворянства Порховского уезда статского советника Федора Федоровича Львова отмечено: «Был отставлен с 13 июля 1865 г. по 25 февраля 1868 г. без награждения чином»²¹. Что же произошло с 1865 по 1867 год? А вот что. В Псковских губернских ведомостях за 1867 год № 23 от 17 июня: «Объявление. На основании заключения медицинского совета, утвержденного г. министром внутренних дел, дозволено Порховскому помещику Балавенскому открыть для публики устроенное им в селе Хилове, Порховского уезда, в собственном его имении, на источнике серных минеральных вод, водолечебное заведение». Вот дата начала курорта! Балавенский П.П., владелец целебных вод, в 1889 году Садовскому И.Я., писавшему тогда диссертацию о хилловских минеральных водах, признался, что при устройстве лечебного заведения консультировался с Ф.Ф. Львовым. Все, курорт построен, Федор Федорович свободен. Он теперь занимается другими проектами. Например, строит в имении Гора Новоржевского уезда женившемуся Льву Леонидовичу Львову новый двухэтажный дом из красного кирпича и обустроивает его новую усадьбу. В Псковском уезде строит кирпичный завод. В 1873 году за ним 406 десятин земли, он утвержден мировым судьей Порховского уезда. 1 января 1873 года подает прошение: «Желаю внести в оную (родословную книгу дворян Псковской губернии – Л.В.) к роду моему моего воспитанника Николая, рожденного 8 июля 1864 года. Жительство имею в городе Порхове»²². (Не могу удержаться, простите, уж не очередного ли сына Балавенского П.П.?) Этого мальчика он выучил, поставил на ноги. Николай воспитывался в Тверском кавалерийском юнкерском училище, где и окончил курс по 2 разряду, с 6 марта 1888 года

в отставке. «В Московской Богорождественской церкви на Малой Дмитровке 1889 года под № 1 писано: марта 13 числа родился Федор, крещен 26 числа. Родители: Псковской губернии дворянин, армейской кавалерии корнет, причисленный к Департаменту таможенных сборов Министерств Николай Федорович Львов и законная жена его Софья Модестовна, урожденная Розеншильд-Паулина, оба православного вероисповедания и в 1-м браке. Восприемники: Строгановского училища директор действительный статский советник Федор Федорович Львов и вдова флигель-адъютанта баронесса Екатерина Модестовна Розен»²³. По воспоминаниям М.П. Гортынской: «Мне шел двенадцатый год, когда Таточка (Татьяна Петровна Балавенская) сама отвезла меня весной в Москву на экзамены в институт, Мы остановились у родственников. Федор Федорович Львов был тогда директором Строгановского училища, а жена, сестра Дедана (Александра Петровна Балавенского), Анфиса Петровна была детской писательницей, как говорили – талантливой, внешностью она походила на Дедана, такая же высокая, с умными светлыми глазами. Федор Федорович был сам художник и помню его тонкую акварель в гостиной “Старого дома”. Он всегда помогал Таточке в ее любимом занятии – украшении Старого дома, я тоже принимала живейшее участие: рисовала абажуры, подушки на диван, ширмы”. (В 1886 году Анфиса Петровна выпустила книжку «Рассказы для детей» с иллюстрациями Ф.Ф. Львова.) 20 ноября 1891 г. Анфиса Петровна умерла в Москве, похоронили ее на Ивановском кладбище в Порхове. Могила не сохранилась.

Примечания

- ¹ Кацнельсон Е.М. Род Балавенских // Псков. – 1999. – № 11. – С. 200.
- ² ГАПО, ф.564, оп.1, д.14.
- ³ ГАПО, ф.39, оп.1, д.3369, л. 75-об.
- ⁴ ГАПО, ф.55, оп.1, д.1026.
- ⁵ ГАПО, ф.110, оп.1, д.42.
- ⁶ Любимов В. Статистическо-географический словарь Порховского уезда Псковской губернии. Псков. 1896. // Порхов и его уезд.: Сборник дореволюционных публикаций. – Псков, 2005. – С. 357.
- ⁷ Васильчиков Б., князь. Воспоминания. – Псков, 2003. – С. 73–74.
- ⁸ ГАПО, ф.110, оп.1, д.42.

⁹ Воспоминания правнучки Олениных М.П.Гортынской. 1959 г. Порховский музей. Машинопись, любезно предоставлена Таисией Владимировной Горох из музея А.С. Пушкина в Торжке в 1984 г.

- ¹⁰ ГАПО, ф.110, оп.1, д.42.
- ¹¹ Воспоминания Б. Васильчикова. – С. 74.
- ¹² Случевский К.К. По западу России. – СПб., 1897. – С. 250.
- ¹³ ГАПО, ф. 39, оп.1, д. 4634, л.154-об.
- ¹⁴ См. сноску 1.
- ¹⁵ ГАПО, ф.205, оп. 1, д. 134, л. 23-об.
- ¹⁶ Пипин Н.А. Краткая памятная записка касательно Хиловских минеральных вод. 1899 // И.П. Николаева, Е.Л. Яковлева. Санаторий «Хилово» – одна из старейших здравниц Северо-Запада России. В сб. Краеведческие чтения. Порхов–Холомки. – Псков, 2006. – С. 179.
- ¹⁷ Маркова М.Т. Хилово: усадьба-курорт // Псков. – 1999. – № 11. – С. 44.
- ¹⁸ ГАПО, ф. 110, оп.1, д.505, л.209.
- ¹⁹ Васильева Л.В. Ф.Ф. Львов – создатель курорта «Хилово» // Краеведческие чтения. Порхов–Холомки. – Псков, 2003. – С. 89.
- ²⁰ ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 505, л. 209.
- ²¹ ГАПО, ф. 366, оп. 1, д. 167, л. 2.
- ²² ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 505, л. 206-об.
- ²³ Там же, л. 204.

Приходы, священно- и церковнослужители Порховского уезда по ведомостям 1782 г.

В 1782 г. в России должна была пройти Четвертая ревизия – всеобщая перепись населения. К ней готовились все ведомства: гражданские и духовные. Собирались сведения о населении, составлялись посемейные списки.

Новгородская духовная консистория также собирала сведения о лицах, состоявших в ее ведении, как служащих (штатных), так и находящихся на покое (заштатных). В результате в консисторию стекались многочисленные ведомости со списками священноцерковнослужителей, их семей и родственников.

Среди этих документов, ныне хранящихся в Государственном историческом архиве Новгородской области, представлены ведомости по уездам Новгородской губернии. В них проходит и Порховский уезд (ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1675. Л.1 – 21 об.; 30 – 64.).

Как следует из формуляра, ведомости – «сказки» были составлены в мае 1782 г. в силу императорского указа от 16 ноября 1781 г. – «в народе опубликованного манифеста». Составление ведомостей оговаривалось строжайшей ответственностью. Священник подписывался: «... а буде впредь кем обличен буду или по свидетельству найдется, что кого-либо утаил, за то повинен положенному по указу штрафу безо всякого милосердия».

Позвольте поделиться некоторыми наблюдениями, сделанными авторами настоящей статьи в результате работы с указанными документами.

В ведомостях проходит 19 погостов из 25 (отсутствуют Борстинский, Жедрицкий, Михайловский что на Узе, Павский, Смоленской, Шельской); 13 выставок; 8 сел (в т.ч. 5, составлявших Порховское Окологородье) и 1 упраздненный (Молочков) монастырь.

Таким образом, ведомости охватывают 41 приход Порховского уезда.

Храмопосвящение выглядит следующим образом. Самое большое количество церквей – 9 было освящено в честь святителя Николая архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. За ними сле-

дуют Троицкие – 5; Ильи пророка – 4. По три храма посвящены Богоявлению Господню, Успению Богородицы, Покрову Богородицы и Архистратигу Михаилу. Два храма освящены в честь Преображения Господня. Остальные 9 (по одному) посвящены Господским праздникам: Воскресению, Рождеству, Нерукотворному Образу; Богородичным: Рождеству, Введению во храм, а также Казанской и Грузинской иконам. По одному храму посвящены Вселенским святым-мученикам – Георгию Победоносцу и Параскеве Пятнице. Только у одного храма – святой Параскевы Пятницы в выставке Ясской Бельского погоста указан придел – св. князя Александра Невского.

В ведомостях содержатся сведения на 890 человек; 424 мужчин и 466 женщин (416 штатных и 474 заштатных).

Состав взрослого населения характеризуется следующими данными: священники – 58 человек (в т.ч. 4 вдовца), диаконы – 18 (3 вдовца), дьячки – 63 (6 вдовцов), пономари – 61 (2 вдовца) и 17 просвирен. Жен: священников – 62 (в т.ч. 12 заштатных, 7 вдов), диаконов – 17 (заштатных 2 (вдовы)), дьячков – 56 (заштатных – 14, вдов – 6), пономарских 54 (заштатных – 16, вдов – 8).

Штат храма зависел от количества населения, образующего приход. Как правило, в штат входили: священник (настоятель), дьячок, пономарь и просвирня. Однако ряд должностей в храмах в 1782 г. оставался вакантным.

В больших погостах штат был двух- или трехчленным. Трехчленный (по 3 священника, дьячка и пономаря) – в погостах Карачуницком, Пажеревицком, Ясенском; двухчленный (по 2 священника, дьячка и пономаря) в Вышегородском, Болчинском, Высоцком, Опоцком, Илеменском, Дубровинском погостах, а также в выставке Бродовичи Ясенского погоста.

Только в 1 храме – церкви Покрова Богородицы с. Буреге – служил протоиерей Кирилл Михайлов, 41-го года.

Всего в 41 приходе Порховского уезда служили 194 клирика: 53 священника (в т.ч. 3 вдовца), 17 диаконов (2 вдовца); 55 дьячков (4 вдовца, 8 холостых), 52 пономаря (2 вдовца, 13 холостых) и 17 просвирен.

В то же время в приходах имелись и заштатные священноцерковнослужители (23 человека), их дети и родственники. Среди них проходят: 5 священников (1 вдовец), 1 диакон, 8 дьячков (2 вдовца), 9 пономарей. Причинами выхода за штат указаны: «за старостью и дряхлостью» – 12, «за болезнью» – 7, «за слепотою» – 3. Причина выхода за штат одного пономаря не указана. Возраст

пребывающих за штатом колебался от 47 до 75 лет. За штатом находился и престарелый пономарь церкви Богоявления Вышегородского погоста Михаил Тарасов в возрасте 91 года. По сведениям ведомости, он вышел за штат в 1777 г. в возрасте 86 лет.

Имеются сведения и о клирике, подвергшемся суду. К сожалению, в формуляре не указан вид преступления. Священник Ясенского погоста был «отрешен и сослан на поселение», т.е. в Сибирь, а его жена, в 1782 г. уже 50-летняя вдова, Авдотья Илларионова, состояла просвирней в штате Демянского погоста.

Нередко тяжелые жизненные обстоятельства заставляли детей умерших священноцерковнослужителей занимать отцовские места. Так, в выставке Дмитрова Горка служили холостые братья: дьячок Антон, 21 года, и пономарь Назарий, 17 лет, Прокофьевы. Они содержали свою мать 50-летнюю вдову пономаря, а также брата и 5 сестер в возрасте от 1 года до 19 лет.

Тяжелое материальное положение клира побуждало использовать и другие источники для существования. Так, сын дьячка Илеменского погоста Василий Иванов, 20 лет, был определен в богадельню при Знаменском соборе в Новгороде.

Смерть отца порою вынуждала детей занимать церковные должности в очень раннем возрасте. Так, на момент составления ведомостей, самому молодому священнику было 23 года, диакону – 24, дьячку – 15, пономарю – 15.

Двое сыновей священников в 1782 г. были определены в Новгород. Симеон, 15 лет, из Дубровенского погоста – во дьячка; Иван, 17 лет, из выставки Богородицко того же погоста, – пономарем.

В ряде случаев весь клир одного храма состоял в родственных связях. Так, в выставке Горы Ручьевского погоста брат священника – пономарь был за штатом. Место пономаря занял сын, а дьячком служил сын священника (двоюродные братья). К тому же просвирня была сестрой священнику и заштатному пономарю.

Социальное происхождение жен церковного клира выглядит следующим образом. Из 189 женщин 67 были дочерьми священников, 11 – дьяконов, 44 – дьячков, 29 – пономарей, 1 – дворянина, 6 – мещан, 2 – купцов, 1 – посадского человека, 6 – крестьян, в т.ч. крепостных и проч. О социальном происхождении 18 женщин сведений в ведомостях не приводится.

Большинство жен клириков были уроженками Порхова и уезда. Также брали жен и из соседних уездов: Новгородского (14), Лужского (9), Старорусского (6), Великолукского (3), Холмского (1), а также Псковской епархии (12), и лишь одна жена священника была

дочерью ярославского купца. 9 жен клириков являлись дочерьми священноцерковнослужителей Порховского Рождественского монастыря, упраздненного ко времени составления ведомостей.

Среди священноцерковнослужителей уезда мы встретили только одного, состоявшего в двух браках – дьячка Облуцкого погоста Терентия Яковлева. На 1782 г. ему было 48 лет, и он опять был вдовцом. Воспитывал трех сыновей и дочь в возрасте от 5 до 22 лет.

Жена дьячка с. Подоклинье Марфа Иванова 46 лет состояла во втором браке. От первого мужа, умершего пономаря того же села, она имела сына 21 года от второго мужа – трех детей от 3 до 14 лет.

Традиционно клирики получали места в результате брака с дочерьми умерших или выходящих заштат священноцерковнослужителей. Так вышли замуж за клириков и остались в штате своего же храма 12 из 67 дочерей священников, 2 из 11 дочерей дьяконов, 5 из 44 дочерей дьячков и 8 из 29 дочерей пономарей (27 женщин). Место тестя получили, таким образом, 8 священников, 3 дьячка, 6 пономарей.

В штате церковей было 17 просвирен, в основном бывшие жены священноцерковнослужителей в возрасте от 40 до 89 лет (средний возраст 50–60 лет). Среди них было 11 вдов, 2 «девки» (55 и 89 лет), о четырех сведениях не имеется. С пятью просвирнями проживали дети – 8 девочек в возрасте от 10 до 28 лет и 2 юноши 17 и 22 лет.

В ведомостях проходят дети священноцерковнослужителей. Всего – 224 мальчика и 245 девочек (не считая родственников). Возраст детей – от нескольких недель до 31 года.

Состав семьи проследить сложно, т.к. старшие сыновья определялись на места, а дочери выходили замуж, и по этой причине их имена в ведомостях не указаны. Однако из представленных списков следует, что по 3 ребенка было в 26 семьях, по 4 – в 28, по 5 – в 17, по 6 в 8. Две семьи имели по 7, одна – 8 детей. Максимальное количество детей – 10 человек (7 сыновей и 3 дочери) в возрасте от 10 недель до 14 лет было в семье дьячка выставки Бродовика Алексея Петрова. Ему и его жене Анне Михайловой было по 40 лет от роду.

В большинстве случаев возраст девушек, вышедших замуж, судя по рождению указанного (первого) ребенка, составлял около 20–22 лет. 6 девушек вышли замуж в возрасте до 20 лет (около 14, 15, 19 лет).

В то же время женщины продолжали рожать и очень поздно. Так мы насчитали около 10 женщин, у которых дети родились после 45 лет (в 46, 47, 48, 50, 54, 56, 58, 60 лет, в 61 год).

Женский именовослов насчитывает 40 имен. Из 466 указанных имен женщин наиболее популярными были следующие: Анна – 55, Евдокия (Овдотья) – 50, Параскева – 25, Агафья – 21, Анастасия (Настасья) – 21, Ирина – 22, Дария – 19, Евфимия (Офимья) – 18, Екатерина – 17, Татиана – 18, Матрона – 15, Мария (Марья) – 15, Акилина – 14, Елена – 13, Марфа – 13, Васса – 13, Ксения – 11, Пелагия – 11, Агриппина – 10, Стефанида – 10. По одной женщине встречаются с именами Аграфена, Евфросиния, Зиновия, Феодора и Харитина.

Как ни странно, редко встречаются ныне распространенные имена: Любовь (2), Надежда (3), Марина (6), Наталия (9). Вообще не проходят имена: Александра, Варвара, Елизавета, Зинаида, Клавдия, Лидия, Людмила, София.

Мужской именовослов превышает женский более чем в два раза и составляет 97 имен. Наиболее часто встречаются следующие: Иван (Иоанн) – 68, Василий – 39, Михаил, Петр – по 18, Федор – 16, Симеон – 15, Алексей – 14, Стефан – 13, Дмитрий, Иаков (Яков) – по 10.

К наиболее редким мужским именам относятся: Авраам, Автоном, Вукол, Иуда, Калинин (Калина), Лев, Мирон, Сампсон, Сысой, Феодул. Как правило, они представлены в ведомостях в единственном числе.

Удивляет, что редко встречаются такие распространенные имена, как: Андрей (2), Афанасий (2), Александр (5), Гавриил (3), Захарий (2), Борис (2), Илья (1), Кирилл (1), Константин (2), Николай (6), Павел (6), Сергей (4), Матфей (5), Хрисанф (2) и т.д. Вообще не встречены нами такие имена как: Адриан, Амвросий, Аркадий, Арсений, Валерий, Глеб и т.д.

Ведомости дают представление и о духовном образовании детей священноцерковнослужителей. На 1782 г. 22 сына клириков в возрасте от 7 до 22 лет проходили обучение в Новгородской духовной семинарии. Семеро являлись сыновьями священников, семеро дьячков, шестеро – понсмарей, двое – диаконов. Три мальчика были сыновьями заштатных клириков.

Таким образом, учащиеся Новгородской духовной семинарии на данный год составляли около 10 % от числа сыновей клириков Порховского уезда.

В заключение следует отметить, что рассмотренные нами церковные ведомости Порховского уезда за 1782 г. содержат значительный объем информации. Они раскрывают социальное происхождение; состав семей, позволяют проследить родственные связи,

замещаемость должностей, женский и мужской именовословы, а в целом провести исторический срез сельского клира II половины XVIII века.

Церкви Порховского уезда по ведомостям 1782 г.
(ГИАНО. Ф.480. Оп. 1. Д. 1675. Л. 1 – 21 об., 30 – 64.)

Место расположения	Храмопосвящение
1. Село Гористая Окологородье Порховское	Преображения Господня Л. 1 – 1 об.
2. Выставка Рвы Михайловского погоста, что на Полоной	Николая Чудотворца Л. 2 – 2 об.
3. Выставка Посад Сольцы Мусецкого погоста	Ильи Пророка Л. 3 – 3 об.
4. Шкнятинский погост	Введения во храм Пресвятой Богородицы Л. 4 – 4 об.
5. Ретенский погост	Николая Чудотворца Л. 5 – 5 об.
6. Михайловский погост, что на Полоной	Воскресения Христова Л. 6 – 6 а.
7. Ручьевский погост	Николая Чудотворца Л. 7.
8. Демянский погост	Рождества Христова Л. 8 - 8 об.
9. Выставка Дмитрова Горка Пажеревицкого погоста	Николая Чудотворца Л. 9 – 9 об.
10. Облуцкий погост	Ильи Пророка Л. 10 – 11.
11. Выставка Горы Ручьевского погоста	Архистратига Михаила Л. 12 – 12 об.
12. Карачуницкий погост	Успения Пресвятой Богородицы Л. 13 – 14.
13. Село Сырковичи	Николая Чудотворца Л. 15 – 15 об.
14. Мусецкий погост	Покрова Пресвятой Богородицы 16 – 16 об.

15. Выставка село Дно
Смолинского погоста [Архистратига Михаила]
Л. 17 – 17 об.
16. Село Красково Окологородье
Порховское Казанской [иконы]
Пресвятой Богородицы
Л. 18.
17. Село Подоклинье Богоявления Господня
Л. 19 – 19 об.
18. Село Буреге Покрова Пресвятой Богородицы
Л. 20 – 20 об.
19. Полоная/ое Окологородье
Порховское Спаса Нерукотворного
Образа
Л. 21 – 21 об.
20. Бельский погост Живоначальной Троицы
Л. 30 – 31 об.
21. Пажеревицкий погост Георгия [великомученика]
Л. 32 – 33 об.
22. Ясенский погост Живоначальной Троицы
Л. 34 – 34 об.
23. Молочков монастырь
(упраздненный) Успения Пресвятой Богородицы
Л. 36 – 36 об.
24. Выставка Городовик
Высоцкого погоста Ильи Пророка
Л. 37 – 37 об.
25. Вышегородский погост Богоявления Господня
Л. 38 – 39.
26. Болчинский погост Живоначальной Троицы
Л. 40 – 40 об.
27. Выставка Шушелово
Дегожского погоста Покрова Пресвятой Богородицы
Л. 42 – 43 об.
28. Выставка Тишинка
Болчинского погоста Николая Чудотворца
Л. 44 – 44 об.
29. Бережский погост Архистратига Михаила
Л. 45 – 45 об.
30. Высоцкий погост Николая Чудотворца
Л. 46 – 47 об.
31. Выставка Бродовичи
Ясенского погоста Николая Чудотворца
Л. 48 – 49 об.

32. Выставка Ясская
Бельского погоста Параскевы Пятницы
с приделом кн. Александра
Невского
Л. 50.
33. Село Берески Смолинского
погоста Окологородье Живоначальной Троицы
Порховское Л. 51 – 51 об.
34. Дегожский погост Живоначальной Троицы
Л. 52 – 53.
35. Опоцкий погост Ильи Пророка
Л. 54 – 55.
36. Выставка село Костыжицы
Опоцкого погоста Николая Чудотворца
Л. 56 – 56 об.
37. Дубровенский погост Рождества Пресвятой
Богородицы
Л. 57 – 58.
38. Выставка село Богородицко
Дубровенского погоста [Грузинской иконы Божией
Матери]
Л. 59.
39. Илеменский погост Успения Пресвятой Богородицы
Л. 60 – 61.
40. Село Заклинье Преображения Господня
Карачуницкого погоста Л. 62 – 62 об.
41. Выставка Городовик Богоявления Господня
Дегожского погоста Л. 63 – 64.

Архитекторы в Порховском крае

К Словарю псковских архитекторов

Для публикации краткого словарика архитекторов и строителей Псковского края в «Псковском биографическом словаре» автору удалось привлечь около 10 соавторов и собрать примерно 200 имен, в том числе и связанных с Порховским краем. Конечно, это лишь малая толика специалистов, которые работали в нашем крае. Некоторые имена удалось выявить в ходе работы над Концепцией реконструкции исторической части г. Порхова и в других работах. Данное сообщение является кратким обобщением полученных данных.

Первые имена заказчиков и руководителей строительства порховских фортификаций известны нам из летописей. В 1387 г. новгородский боярин (карельского происхождения) **ВАЛИТ Иван Федорович** (?) вместе с **Фатьяном Есифовичем** по благословию новгородского владыки Алексия руководил строительством каменной Порховской крепости на новом месте, вниз по течению р. Шелони¹. Первая, дерево-земляная крепость на городище была основана еще Александром Невским. Но кто был автором и непосредственным руководителем ее возведения, мы не знаем. По единому решению строился целый ряд крепостей на Шелони. Для древнейших дерево-земляных укреплений большое значение имела традиция и выбор места, максимально подготовленного самой природой для обороны. Для каменной новгородской крепости, которая стоит до сих пор, природные условия также имели большое значение. Новгородские бояре, которые выбрали для нее место в излучине Шелони, не были архитекторами, скорее – организаторами строительства, техническими заказчиками, роль которых в фортификационном искусстве особенно важна. Основные принципы, узлы и габариты сооружений были отработаны и известны, приемами каменного строительства владели профессиональные каменщики. Заказчики определили наиболее удобную мысовую площадку, надежно защищенную с приступной западной и северной сторон руслом Шелони, а с востока ручьем или низиной. Оставалось прорисовать периметр стен, назначить местоположение воротных уз-

лов (главными были Никольские, со стороны Новгорода), приказывать прорыть рвы с южной стороны, определить местоположение дополнительной Малой башни на ответственном, наиболее опасном для приступа участке стен. Надо было также продумать и определить все необходимое для обороны новой крепости и ее жизнедеятельности: подъемы и спуски на стены, обеспечение водой, хранение военного и продовольственного припасов, размещение гарнизона, местоположение административных строений и храма при главном въезде, осадных дворов для местного населения и многое другое. В компетенцию руководителей строительства входила и сама его организация – распределение среди местного населения заготовок и поставок материалов (дерева, местной известняковой плиты, приготовление извести, железа), привлечение неквалифицированной рабочей силы и опытных мастеров, непосредственных руководителей строительства. Таким образом, по нашему представлению, «разрабатывался» и был реализован проект Порховской крепости. И хотя в большой мере использовался опыт предыдущего строительства, каждый проект был индивидуален, ибо учитывал особые условия места. Поэтому новгородские бояре достойны занять место в словаре порховских архитекторов и строителей.

Следующие известия об авторах порховских проектов мы имеем только на XVIII в, когда в России появляется государственная организация архитектуры и строительства. **САМАРИН (КВАШНИН-САМАРИН) Петр Ивашкин (Иванович?)**, новгородский кондуктор инженерного корпуса в 1733–1734 направлен Военной коллегией для обмеров Порховской крепости. Он составил описание работ и сметы на ее восстановление, составил план крепости (наиболее ранний известный)². Автор первого Генерального плана г. Порхова землемер, капитан (из Новгорода?) **Илья КАНИЩЕВ** (сер. XVIII в.)³ в 1772 г., после пожара, составил фиксационный план г. Порхова, который лег в основу первого генерального плана «Части города Порхова». Этот проект составил новгородской штатной роты сержант, землемер **Евстрат (?) ЗАБОЛОЦКИЙ**. План, в свою очередь, лег в основу первого регулярного Генерального плана города, который можно считать совместной работой Заболоцкого-Старова. **СТАРОВ Иван Егорович** (1743, Москва – 1808, СПб.) – в 1772–1774 ведущий архитектор Комиссии о каменном строении СПб. и Москвы, которая взяла на себя решение задач регулярного строительства в провинции, составил в 1774 г. на основе названных проектных материалов проект регулярной застройки погоревших кварталов г. Порхова⁴ – первый проект его регулярной застройки.

В историю Порхова вписано имя еще одного классика отечественной архитектуры. Это имя итальянского художника-архитектора, «мастера русского классицизма» *Джакомо КВАРЕНГИ* (20.09.1744 г., близ Бергамо – 18.02.1817 г., СПб.), который с 1780 г. работал в России и оставил здесь заметный след. В 1782–1784 гг. он составил два неосуществленных проекта дворца в имении Велье Псковской губ. и дворца с церковью в Пскове для фаворита Екатерины II Н. Д. Ланского. Но более известен как столичный архитектор Санкт-Петербурга. Псковские материалы проектов Кваренги хранятся в собраниях России и Италии (Бергамо, Венеция). В галерее Академии Венеции хранится путевая зарисовка Кваренги. Это графическое изображение, рисунок с видом г. Порхова, который по просьбе сотрудников архитектурного отдела Гос. Эрмитажа автор помог атрибутировать⁵. Великий зодчий проезжал через Порхов по Белорусскому тракту поздней осенью-зимой 1779 г. и по возвращении в Италию, куда попала зарисовка. Неизвестно, выезжал ли маститый автор на Псковщину для разработки псковских проектов. Скорее всего – нет. Но в Порхове он побывал, по крайней мере, дважды. Путевая зарисовка простых незамысловатых городских строений незнакомой, загадочной России, очевидно, выполнена в первый приезд, возможно, на почтовой станции. Главная европейская дорога в Петербург проходила в те времена через Порхов. Итальянского зодчего заинтересовали картинки российской глубинки.

В то же время, в 1781 г. в документах упоминается порховский уездный землемер *НАЗИМОВ*, который к приезду в 1780 г. в Порхов Екатерины II рапортовал и приложил «План города Порхова, крепости и дворцу (путевому – И.Л.)⁶...». В те годы землемер отвечал и за архитектуру. Специального уездного архитектора еще не было. Указом наместнического правления от 21.08.1778 г. псковским губернским архитектором был впервые назначен *ПАРФЕНТЬЕВ Иван Титович*. 31.03.1781 г. он представил в наместническое правление планы и фасады (соборных?) церквей в уездных городах губернии – Острове, Опочке, *Порхове* и Луге. Наиболее значительная постройка Парфентьева – Спасо-Преображенский собор в г. Опочке (освящен в 1795). Для закладки собора и «казенных строений» в связи с приездом Екатерины II П. был командирован в Опочку 22.08.1780 г.⁷. В 1780-е гг. в Порхове, на главной площади, также как в Опочке на средства императрицы был выстроен Троицкий храм, ставший для города новым соборным. Очевидно, этот храм и был спроектирован губернским архитектором Парфентьевым.

В XVIII – XIX столетиях Порховский уезд с его природными достоинствами, Пошелонье стали излюбленными местами для строительства крупных и средних помещичьих усадеб. Известные дворянские фамилии Порховского уезда имели возможность привлекать самых разных архитекторов – от местных уездных до самых известных и дорогих столичных зодчих для обустройства своих дворянских гнезд. Строительство велось десятилетиями и поколениями. Частные заказы, недостаточно документированные, отличались порой непредсказуемыми особенностями, выбором и сменой авторов. Возможно, для экономии, на один и тот же объект, на разные виды работ привлекались разные архитекторы. На примере Воышова мы знаем, насколько частные заказчики, особенно те, которые получили высокое образование и воспитание, влияли на архитектурные проекты, заказчиками которых выступали. Архивные документы не всегда в полной мере отражают степень участия профессиональных зодчих. Иногда они только оформляли на бумаге и в натуре индивидуальные замыслы частных заказчиков. В других случаях – предлагали собственные новомодные решения. О строительстве большинства усадеб сведений мало и они не всегда находили отражение в документах архивного хранения. По документам известны лишь некоторые примеры, как правило, богатых и известных помещичьих гнезд.

В сер. XIX в. богатые порховские помещики Кожинь ведут строительство усадьбы Бельское Устье. В документах упоминается ряд архитекторов. *ПЕТЦОЛЬТ (ПЕТЦОЛЬД) Август Васильевич* (1823[1824?] – 1891), художник-архитектор (АХ СПб, 1847), академик акварельной живописи (1852) и архитектуры (1855), преподаватель (1852–1857), профессор Строительного училища в СПб (с 1854) и автор проекта дома И.К. Айвазовского в Феодосии (с 1870-х жил в Берлине), выступает как автор плана, чертежей и рисунков двухэтажного дома Кожинь в селе Бельское Устье (1849–1850). Ему принадлежат чертежи долевого разреза кабинета владельца усадьбы, амбара, дома для управляющего и приема гостей, конторы, запасных комнат для приезжающих, арестантской, конюшни, работного дома, план оранжереи⁸. Набор известных чертежей с замысловатой, трудночитаемой подписью архитектора говорит о большом заказе. Но владельцы усадьбы привлекли вскоре и других авторов. В 1854 г. проекты интерьеров главного дома, «Полотняной фабрики» и «Дома для рабочих» разработал академик архитектуры (1849, СПб.?) *Иероним Доменикович КОРСИНИ* (1808–1876)⁹. В 1859–62 гг. планы флигеля и амбара в име-

нии Кожиных Бельское Устье Порховского у. (1.03.1859), а также чертежи иконостаса, дверей, пилонов, алтаря, входного портала, лампад для ц. Вознесения (1859, «вариант №1» – 1862) разработал для Кожиных менее известный архитектор-художник **Н. ШЕСТАКОВ(?)**. Возможно, он и был автором проекта храма каменного храма, который в наше время переживает трудное возрождение¹⁰. Богатые заказчики имели широкие возможности для привлечения столичных архитекторов для исполнения своих желаний и капризов. Несколько иной подход исповедовали владельцы знаменитой волюшовской усадьбы, о которых мы рассказывали отдельно. Они сначала заказали проект помещичьего дома местному уездному архитектору **Иосифу Ежовскому** для разработки проекта помещичьего дома и руководства его строительством. В 1838–1844 он был автором проекта перестройки господского дома Д. В. Васильчикова в с. Волюшова (с полной разборкой, возведением на новых фундаментах и переносом мезонина на новое место к церкви). Этот дом известен по живописным изображениям¹¹. Позднее Васильчиковы-Строгановы приглашали молодых талантливых, но еще не получивших признания столичных архитекторов для реконструкции того же здания по своим замыслам. И тщательно следили, а фактически руководили всем процессом строительства. Рационально используя средства и привлекая самых разных профессионалов, эти порховские помещики фактически сами за полстолетия создали замечательный усадебный ансамбль, один из выдающихся на Северо-Западе России. Даже восстановление выдающегося ансамбля, который находится в бедственном положении, в наши дни является грандиозной и дорогостоящей задачей (к решению которой, кстати, Генеральной дирекцией «Псковреконструкция» уже привлекались не только псковские, но и петербургские и московские архитекторы-реставраторы). Иной подход мы наблюдаем в усадьбе кн. А.Г. Гагарина Холмки Порховского уезда (1912–1913, дом сохранился). Искушенный в организации строительства учебных зданий Политехнического института, соавтор инженерного проекта собственного усадебного дома, князь привлек к архитектурному проектированию известного и близкого ему по духу исследователя русского зодчества XVIII – нач. XIX вв., теоретика архитектуры, классика неоклассицизма (после 1917 – виднейшего советского архитектора) **ФОМИНА Ивана Александровича** (22.01.1872, Орел – 12.06.1936, Москва). Художник-архитектор (1909), академик архитектуры (1915) стал автором проекта усадебного каменного дома в стиле неоклассицизма в Холмках, кото-

рый вошел в хрестоматию отечественной архитектуры как высокий образец стили неоклассики¹².

Бедные помещики, которые порой не многим отличались от купцов или даже зажиточных крестьян, строились сами, привлекая народных умельцев и артельщиков-строителей, имена которых редко сохраняются в народной памяти. Помещики средней руки тоже нередко обходились без специалистов-архитекторов. С нач. XIX в. выходит большое число специальных руководств для самостоятельных сельских застройщиков. В отличие от современной архитектурной анархии дачного и коттеджного строительства, мода и государственные органы надзора помогали поддерживать стилистическое единство не только в городской, но и в сельской архитектуре. Число архитекторов, непосредственно работавших в порховском усадебном строительстве и мало известных на сегодня, достаточно велико и нуждается в выявлении и дальнейшем изучении их деятельности. Порховская усадьба – заметное явление в архитектуре края. Как «автор усадебного дома Климова в Порховском у. Пск. губ.» упоминается в литературе **СТЕПАНОВ Александр Александрович** (27.03.1856, СПб – после 1913), художник-архитектор, СПб (АХ, 1881). Он известен как архитектор Главного управления уделов, служил в Комитете для разбора и призрения нищих¹³.

Также как храмовое строительство, сведений об авторах которого выявлено пока явно недостаточно. Между тем, в Порховском уезде возведено немало храмовых зданий разных эпох и стилей, многие из которых обладают высокими достоинствами и строились незаурядными архитекторами. Например, строительство церкви Михаила Архангела в Вышгороде (ныне Дедовичский р-н), одного из замечательных образцов стиля «ля рюс», в октябре 1864 г. начинал по заказу порховского помещика Бибикова **ДОЛОТОВ Александр Иванович** (1841 – 1878) – архитектор, литограф, рисовальщик, издатель «Художественно-архитектурного альбома» (1868–1870). Продолжил строительство архитектор-художник, рисовальщик, художник-прикладник, СПб (АХ, 1861) и академик архитектуры (1864) **ФЕДЮШКИН Николай Дмитриевич** (1834–3.03.1888). А завершил строительство и украшение храма в 1864–1865 гг. **БОГОМОЛОВ Иван Семенович** (27.08.1841, Москва – 24.11.1886, СПб.) – архитектор-художник, прикладник, академик архитектуры (1879), автор архитектурного решения знаменитого памятника А.С. Пушкину в Москве (1880). Храм в Вышгороде остается одним из лучших сохранившихся образцов псевдорусского стиля в церковном строительстве края¹⁴. Строил православные цер-

кви в Афинах и Париже, работал в разных городах России, в т.ч. в Порхове **ШТРОМ Иван Васильевич** 1822/3 – 1887) – архитектор (СПб, ИАХ, 1842), академик (1853), профессор архитектуры (1867), почетный вольный общник АХ и член-корреспондент Архитектурного института Франции (1879). Он известен как архитектор по переустройству казенных зданий под тюрьмы (с 1864), архитектор Попечительского совета общественного призрения (с 1863), Техническо-строительного комитета МВД (с 1860-х). Его имя упоминается в справочнике «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX века. (СПб, 1996)¹⁵. К сожалению, не уточнен проект, реализованный им в Порхове.

По мере организации государственных органов надзора и ведения казенных строительных работ, многие псковские и порховские землемеры, инженеры и архитекторы по долгу службы принимали участие в архитектурно-строительных делах и проектах края. В сер. XVIII в. каменная Порховская крепость была упразднена, и без поддержки начинает постепенно разрушаться. В 1871 г. было принято решение о разборке Псковской башни. В экспертной оценке ее состояния принимал участие **КАСЬЯНДЕР Петр Иванович** (ок. 1830 – после 1883) – гражданский инженер, в 1870 – 1882 псковский губернский инженер. Ранее он участвовал в работах по поддержанию крепостных стен Пскова (1868)¹⁶. В 1873 г. **ГОЛУБЦОВ Александр Савватьевич** (?) – гражданский инженер, в 1869–1876 архитектор Строительного отделения Пск. губернского правления, составил записку «О фортификационных памятниках в Псковской губ.¹⁷». В 1874 г. им исполнен «Проект на исправление и поддержание (Порховской) крепости» с резолюцией «о сломке Псковской башни». 15.11.1903 отдельным производителем работ по строительству казарм воинских частей в Пскове, Порхове, Острове был назначен **КОСТОМАРОВ Дмитрий Коронатович** (1857, СПб – ?) – полковник, военный инженер. Он известен в Псковском крае как техник (инженер-архитектор, янв. 1906) Псковского хоз.-строительного управления по постройке церкви 96-го Омского полка (храма Александра Невского, восстановленного в 1995).

Как автор здания в Порхове упоминается также **ХАРЛАМОВ Леонид Михайлович** (?) – гражданский инженер, ИГИ (1894). Он работал в СПб. учебном округе Мин. народного просвещения, был архитектором Гатчинского дворцового управления. По его проектам в Пскове были построены здание Сергиевского реального училища (1908), здание для младших классов Пск. губернской мужской гимназии (1911, ул. Калинина, 6), большое трехэтажное здание

Пск. учительской семинарии (1914?, ныне общежитие Педагогического университета на ул. Красных Просвещенцев). Очевидно, речь идет о здании одного из учебных заведений в Порхове¹⁸.

Примечания

- ¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 94. Лит: *Попов А.И.* Следы времен минувших – Л., 1981 – С. 77.
- ² *Лагунин И.И.* Город Порхов. Историко-градостроительный очерк (рукопись). ЛЕННИИТАГ. – Псков-СПб., 1990. – Т.2. – С. 30.
- ³ *Лагунин И.И.* Там же. – С. 36.
- ⁴ *Кючарианц Д.А.* Иван Старов, 1982; *Шилков В.* Работы А.В. Квасова и И.Е. Старова по планировке русских городов // Архитектурное наследство. – 1953. – № 4.
- ⁵ *Земцов С.М.* Материалы к биографии Кваренги // Архитектура СССР. – 1934. – № 3. – С. 62–65; *Гримм Г.Г.* Проект усадьбы в Велье работы Д. Кваренги. СГЭ, XVIII. – Л., 1960. – С. 10–14; *Воронихина А.Н.* Кваренги Джакомо. Выставка архитектурных проектов и рисунков. – Л., 1967; Каталог Capricci e vedute di Giacomo Quarenghi alle Gallerie dell'Accademia. №5 /Veneczia Gallerie dell'Accademia. 28.09.1967–28.02.1968 (Каталог).
- ⁶ ГАПО. Ф. 74, оп. 1, е.х. 58, л. 280.
- ⁷ ГАПО. Ф. 74, оп. 1, д. 6, 11, 40, 52, 59; *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд – Псков, 1912. – С. 95.
- ⁸ ГАПО. Ф. 564 (Кожиных), оп. 1, д. 70; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX века: Справочник. – СПб., 1996. – С. 81–82.
- ⁹ ГАПО. Ф. 564 (Кожиных), оп. 1, д. 69.
- ¹⁰ ГАПО. Ф. 564 (Кожиных), оп. 1, д. 73.
- ¹¹ *Лагунин И.И.* Иосиф Ежовский // Псковский биографический словарь – Псков, 2002. – С. 167.
- ¹² *Лагунин И.И.* Фомин Иван Александрович. Там же – С. 476.
- ¹³ *Лагунин И.И.* Там же. – С. 433.
- ¹⁴ *Лагунин И.И.* Там же. – С. 50, 153; *Рычков Анатолий.* Соавтор великого памятника // Московский журнал. – 1994. – № 9. – С. 24.
- ¹⁵ *Лагунин И.И.* Там же. – С. 508.
- ¹⁶ *Новикова Н.Н.* Касьяндер Петр Иванович. Там же. – С. 219.
- ¹⁷ *Новикова Н.Н., Михайлов С.П.* Голубцов Александр Савватьевич. Там же. – С. 127.
- ¹⁸ *Новикова Н.Н.* Там же. – С. 479.

В 2006 году при разборе личного архива ленинградского врача Адольфа Соломоновича Вольфсона (1875–1942) были найдены документы и фотографии, связанные с историей Порховского края.

Архив долгие годы хранился у внучки А.С. Вольфсона – петербургского врача в четвертом поколении Киры Анатольевны Смоляновой. Она предложила его в дар музею политической истории России. Для музея этот архив и личные вещи А.С. Вольфсона интересны по многим аспектам: как свидетельства жизненного пути выпускника Юрьевского университета, земского и военного врача, участника русско-японской и Первой мировой войн, награжденного орденами за участие в них, как документы, характеризующие развитие страхового дела в России начала XX века, как материалы, рассказывающие о социальной политике Советского государства, о суровом периоде Великой Отечественной войны и др.

Адольф Соломонович Вольфсон более 30 лет был связан с Псковским краем, из них 11 лет проработал земским врачом и с 1900 по 1911 гг. проживал с семьей в с. Дубровно Порховского уезда.

Родился А.С. Вольфсон в Кенигсберге 8 декабря 1875 г. Его отец в том году закончил медицинский факультет Кенигсбергского университета. В архиве сохранился диплом об окончании Соломоном Вольфсоном университета Св. Альберта¹. Его дальнейшая жизнь, по словам потомков, была связана с армией (он служил полковым врачом) и Псковской губернией. Уже в отставке С. Вольфсон продолжал консультировать и помогать своим коллегам. Однажды, присутствуя при тяжелых родах и помогая врачу принимать их, он порезал руку. Начался сепсис, который стал причиной смерти А.С. Вольфсона. Учитывая многолетнюю работу по оказанию медицинской помощи жителям губернии, по свидетельству родных А.С. Вольфсона, благодарное псковское земство приняло решение дать образование его сыну Адольфу на средства земства.

В декабре 1899 г. 24-летний Адольф Соломонович Вольфсон окончил медицинский факультет Юрьевского университета (ныне университет в эстонском городе Тарту). Способности к медицине молодого выпускника были высоко оценены руководством факуль-

тета. Ему предложили остаться в университете для занятий научной деятельностью и подготовки к профессорскому званию. Однако Адольф отказался от перспективы стать ученым в старейшем университете России. Своим долгом он посчитал вернуться на Псковщину и начать карьеру земским врачом, тем самым выразив признательность земству за возможность получения высшего образования.

Вместе с женой Гитель Наумовной (урожденной Брик), выпускницей петербургской Коломенской гимназии, молодой врач прибыл в 1900 г. в с. Дубровно. Служил он в Солецком медицинском участке. Как известно, Порховский уезд делился на 6 участков по врачебному управлению. В Солецкий входили Сухловская, Н-Шелонская и Дорогостицкая волости, а также сами Сольцы². К.А. Смолянова вспоминает, что в семье рассказывали как редко дедушка бывал дома, в любое время суток за ним приезжали на лошади для вызова к больному.

В январе 1905 г. А. С. Вольфсон был призван на действительную службу. Шла русско-японская война. Сначала он находился в резерве врачей Управления I Манчжурской Армии, затем служил в 9 Восточно-Сибирской артиллерийской бригаде. Из записей в «Трудовом списке» А.С. Вольфсона, оформленном в 1929 г., следует, что в 1906г он вернулся к семье и к работе в с. Дубровно³.

В архиве не сохранилось свидетельств о конкретной деятельности Адольфа Соломоновича в этот период, но имеется интересный документ, где дана ее оценка. Это – копия записи в журнале заседаний Порховской уездной земской управы от 14 мая 1911 г. Она была выдана А.С. Вольфсону при увольнении с должности врача Солецкого медицинского участка. Рассмотрев заявление, Управа постановила удовлетворить его просьбу и «так как г. Вольфсон состоял на службе Порховского земства непрерывно врачом с 1 марта 1900 г. по настоящее время, т.е. свыше 11 лет, исполняя в течение всей своей службы обязанности в высшей степени усердно и с полной любовью к нему, вложив немало своего труда в медицинское дело, а потому Управа за полезную службу приносит ему, г. Вольфсону, искреннюю благодарность и считает своим долгом довести об этом до сведения **Очередного Земского Собрания**»⁴.

Итак, закончился период нахождения А.С. Вольфсона на посту земского врача Солецкого медицинского участка. Летом 1911 г. вместе с женой и тремя детьми он переезжает во Псков, где с 1 сентября 1911 г. становится врачом народных училищ Псковского уезда. Сначала семья, по рассказу К.А. Смоляновой, остановилась

на Великолукской улице в доме псковских друзей Боговских (где позднее А.С. Вольфсон откроет водолечебницу), а затем переехала в свой дом на Пушкинской улице, 3.

Когда началась Первая мировая война, 39-летнего А.С. Вольфсона призвали в действующую армию. В течение полугода он служил младшим врачом в 90-м Онежском полку, затем младшим ординатором во 2-м Псковском сводном госпитале, старшим врачом в Управлении товарища Главного Уполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта и в 79 артиллерийской бригаде. Последняя его должность перед Октябрьской революцией – врач для поручений при головном эвакуационном пункте. В 1918 – 1919 гг. он – старший врач распределительного пункта воинских чинов Северного фронта и исполняющий обязанности заведующего санитарным отделом Псковского военкомата.

В феврале 1919 г. закончилась служба по мобилизации. В связи с расформированием санитарного отдела А.С. Вольфсон был исключен из списков⁵. Адольф Соломонович переходит в 1-ю Псковскую Советскую больницу. И снова в его судьбе возникает Порхов. В архиве имеется документ с уже начавшим угасать текстом, но с хорошо сохранившимся угловым штампом и круглой печатью Порховского уездного военкомата, датированный 16 октября 1919 г. В нем военкомат удостоверяет, что врач-ординатор (такова была должность А.С. Вольфсона в 1 Псковской больнице) А.С. Вольфсон командирован из Пскова для переосвидетельствования военнообязанных граждан⁶.

С 1924 г. и до отъезда в Ленинград врач Вольфсон работал во 2-й Псковской Советской больнице заведующим водосветозлектролечебницей, на основании которой позднее по его инициативе было открыто физиотерапевтическое отделение. Кроме того, он принимал активное участие в борьбе с сыпным тифом и другими эпидемиями, оказывал безвозмездную консультативную и лечебную помощь санитарной службе Псковского пограничного отряда ОГПУ, будучи высококвалифицированным врачом-терапевтом⁷.

Практика земского и военного врача, природная одаренность, знания, полученные в Юрьевском университете, опыт и постоянное стремление к повышению квалификации помогли А. С. Вольфсону стать и прекрасным диагностом. Без специальной аппаратуры, только на основании объективных данных он мог диагностировать сложные сердечные заболевания и назначал соответствующее лечение. А потом получал подтверждения их правильности

от известных ученых-медиков. В архиве сохранилось такое свидетельство, датированное 1926 г., от профессора Ленинградского института усовершенствования врачей Н.Я. Чистовича, ученика С.П. Боткина и И.И. Мечникова, создателя первого советского учебника частной патологии и терапии внутренних болезней⁸.

Но истинным призванием А.С. Вольфсона оставалась физиотерапия. Ей он уделял большое внимание еще до начала I Мировой войны, работая в своей водолечебнице, которую после Октябрьской революции передал государству. Особенно его талант проявился во 2-й Псковской больнице. В это время доктор Вольфсон, помимо своих непосредственных служебных обязанностей, активно участвует в пропаганде искусства быть здоровым. Он неоднократно выступает в печати, на предприятиях Пскова с разъяснением элементарных правил поддержания и восстановления здоровья, участвует в профилактических осмотрах работников псковской промышленности. В псковских газетах печатаются его статьи, Дом санитарного просвещения выпускает написанные им листовки⁹.

Активная жизненная позиция, опыт и знания Адольфа Соломоновича снискали к нему любовь и уважение коллег и пациентов. В 1931 г. сотрудники псковской больницы обращались к А.С. Вольфсону со следующими словами: «**Вы были всегда для нас не только администратором, но близким товарищем и учителем в работе**»¹⁰.

Но не все, кто окружал его в то время, были настроены подобным образом. Об этом говорит письмо из редакции Рабочей радиогазеты от 24 декабря 1929 г. Выпуски радиогазеты регулярно слушала вся Ленинградская область. «**Доктору Вольфсону А.С. В мае с. г. в Листке РКИ Радио-Центром была передана по радио заметка, полученная с места о работе и личной жизни доктора Вольфсона в Пскове. Расследование, произведенное прокуратурой, установило, что все сообщенное в заметке не подтверждается. Редакция... была введена в заблуждение неверными и недобросовестными сообщениями с места, которые при расследовании к тому же оказались подписанными чужой фамилией. На основании полученных Бюро расследования Радио-Центра материалов доктор Вольфсон полностью реабилитирован**». Письмо подписано редактором и секретарем редакции¹¹. Конечно, случись это в годы Великого Террора, итог мог быть для доктора и его семьи более трагическим.

В конце 1931 г. Вольфсоны переезжают в Ленинград. Адольф Соломонович работает в медицинских учреждениях Кировского

района города. С начала Великой Отечественной войны он – заведующий отделением госпиталя-санатория, размещавшегося в здании бывшей гостиницы «Астория»¹². Умер А.С. Вольфсон в блокаде Ленинграда.

Его жена **Гитель Наумовна Вольфсон** (1879–1967) в 1908 г. по настоянию мужа закончила в Петербурге зубоврачебную школу А.Д. Суткина. Работала врачом.

В семье Вольфсонов было трое детей:

Софья Адольфовна (1902–1997). В замужестве – Смолянова. Врач.

Инна Адольфовна (1904–1943). Закончила биологический факультет Ленинградского университета. Микробиолог, кандидат биологических наук.

Георгий Адольфович (1908–1984). Получил диплом экономического факультета Ленинградского политехнического института, участник Великой Отечественной войны, один из защитников о. Ханко. В дальнейшем работал в Главзапстрое.

В настоящее время в Петербурге проживают внуки А. С. Вольфсона – **Кира Анатольевна Смолянова** и **Михаил Анатольевич Смолянов** – офицер-подводник, после выхода в отставку закончил Северо-Западный политехнический институт, инженер.

Примечания

¹ Архив А.С. Вольфсона. Личная коллекция К.А. Смоляновой. Док. 63.

² Порхов и его уезд // Сборник дореволюционных публикаций. – Псков, 2005. – С. 326.

³ Архив А.С. Вольфсона. Личная коллекция К.А. Смоляновой. Док. 45.

⁴ Там же. Док. 8.

⁵ Там же. Док. 45.

⁶ Там же. Док. 10.

⁷ Там же. Док. 32–33.

⁸ Там же. Док. 26.

⁹ Там же. Док. 18, 20, 23–24.

¹⁰ Там же. Док. 26-а.

¹¹ Там же. Док. 14.

¹² Там же. Док. 55.

Н.М. Медведева **Сословия почетных граждан и купечества города Порхова в конце XIX века**

Согласно Своду Законов Российской империи почетные граждане и гильдейское купечество относились в XIX в. к «городским обывателям»¹, представляя собой два привилегированных городских сословия. Нередко местом их проживания и деятельности оказывались далеко не города. В 1897 г. почетные граждане и купцы Порхова составляли только 30% численности этих сословий всего Порховского уезда². Это связано с тем, что право на почетное гражданство могли иметь лица, совершенно не связанные с городом, например, дочь сельского пономаря³. Предпринимательские же интересы купечества простирались за его пределы. В частности, некоторые Порховские купцы имели кожевенные заводы, располагавшиеся в имениях Тишинской и Сухловской волостей Порховского уезда⁴. В 1887 г. купцам принадлежали 85 земельных владений в уезде площадью в 37 650 десятин – они составляли 12,3% частного земельного фонда уезда⁵. К тому же в данных переписи 1897 г. население посада Сольцы было объединено с населением уезда, что увеличивало численность «не горожан» среди этих сословий.

Существуют достаточные основания рассматривать почетных граждан и купцов, проживающих в городе, как, в некотором смысле, единую социальную группу. Принадлежность к купечеству и в большей степени почетному гражданству была сопряжена с определенным уровнем образования, предприимчивости и долговременной общественно-значимой деятельностью. Почетные граждане, проживающие в Порхове, были социально близки той части купечества, которая отличалась стабильностью своего материального положения. Особенно это касается тех из них, кто перешел в почетное гражданство из купеческого сословия, как, например, Павел Иванович Ардамацкий. Несмотря на то, что законодательно не только представители купеческого сословия могли быть причислены к потомственным и личным почетным гражданам⁶, статистики XIX века при обработке переписей населения нередко объединяли их в одну группу населения.

Для характеристики почетных граждан и купечества Порхова как сословий необходимо проанализировать их социальные характеристики в рамках всего города. Подобные данные конца XIX в. для Порхова содержатся в изданиях результатов двух переписей — однодневной городской переписи населения городов Псковской губернии, состоявшейся 28 ноября 1887 г.⁷ и первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной 28 января 1897 г.⁸ В этих переписях отсутствует деление купцов на гильдии и почетных граждан на потомственных и личных. В отношении сословного деления общества переписи показывают их численность, половозрастной состав, место рождения, национальность на основании родного языка, грамотность в рамках всего городского сословия и численность обучающихся в учебных заведениях.

Остановимся на численности сословий почетных граждан и купечества Порхова (таблица 1). Она несколько снизилась к концу XIX в. по сравнению с его серединой. Если в 1863 г. их численность составляла 255⁹, то в 1887 г. — 161 человек. За последующее десятилетие, однако, эта цифра увеличивается, но в основном благодаря не купеческому сословию, а увеличению числа почетных граждан, чему способствовало наличие широкого круга лиц, имеющих право причисления к нему и улучшение условий для развития среднего класса. В масштабах города численность этих сословий была небольшой (3,6 — 3,7%).

Таблица 1
ЧИСЛЕННОСТЬ СОСЛОВИЙ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН И КУПЕЧЕСТВА
в 1887 и 1897 гг.¹⁰

Сословия г. Порхова	1887 г.			1897 г.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
Почетные граждане	11	13	24	30	30	60
Купечество	62	75	137	61	83	144
Итого	73	88	161	91	113	204

Обращаясь к половозрастной характеристике рассматриваемых сословий, следует заметить, что среди населения Порхова доля мужчин (50,5%) превышала долю женщин (49,5%). Это соотношение для сословий почетных граждан и купечества представляется иначе. Доля женщин среди купечества превышала долю мужчин

на 9,4, а в конце века на 10,8%. В 1887 г. женщины составляли 54,7, через десять лет 55,4% купеческого сословия. Среди почетных граждан существенного разрыва не наблюдалось по причине малочисленности этого сословия.

Упомянутое преобладание численности женщин над мужчинами среди этих сословий, при рассмотрении их возрастной характеристики становится более понятным (таблица 2). В возрасте до двадцати лет наблюдается равновесие полов. Перевес численности женщин купеческого сословия наблюдался в возрастном промежутке от 20 до 60 лет и особенно после шестидесяти, что связано с большей продолжительностью жизни женского населения.

Таблица 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КУПЦОВ И ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН
ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ в 1887 г.¹¹

Возраст	Почетные граждане			Купцы			Почетные граждане и купцы		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
0 - 10 л.	3	5	8	17	17	34	20	22	42
11 - 20	2	2	4	14	11	25	16	13	29
21 - 40	5	3	8	21	28	49	26	31	57
41 - 60	1	2	3	9	11	20	10	13	23
61 - 80	—	1	1	1	8	9	1	9	10
81 - 100	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	11	13	24	62	75	137	73	88	161

В возрастной структуре населения города наиболее многочисленной являлась группа от 20 до 40 лет, что отразилось и на купеческом сословии. Дети до 10 лет составляли вторую по численности долю купеческого сословия. Среди купцов и почетных граждан не было лиц старше восьмидесяти лет, большее число представителей этих сословий принадлежали к работоспособному и молодому населению.

Уроженцы Псковской губернии среди граждан и купцов составляли в 1887 г. 84% (135 человек)¹². На Прибалтийские губернии и

губернии Озерной области приходилось 18, на остальные – 8 человек. Их относительная численность равнялась 16% – это больше, чем таких же неместных уроженцев среди всего населения города (12,5%). Данные на 1897 г. не позволяют проследить изменение этого показателя для купечества и почетных граждан, так как объединяют их со всеми городскими сословиями, однако раскрывают их национальный состав на основе родного языка¹³. Почетные граждане были преимущественно русскими, только пять человек из них считали немецкий своим родным языком. Национальный состав купечества был более разнообразным. Кроме 105 русских купцов в Порхове проживали тридцать евреев, восемь поляков и один немец.

Грамотность городских сословий Порхова в конце XIX в. была достаточной для того времени (47,6%); среди мужчин она была выше (58,3%), чем среди женщин (37,5%)¹⁴. Купечество и почетные граждане обладали большей грамотностью и уровнем образования, чем другие городские, в узком смысле этого слова, сословия. Несмотря на то, что из 398 детей, обучающихся в учебных заведениях Порхова, только 19 приходилось на купечество и почетных граждан, доля получающих образование внутри этих сословий была больше, чем у мещан или городских крестьян и такой же, как у дворян¹⁵. Если из 28 купеческих детей в возрасте от 6 до 15 лет обучались 19 (68%), то из 427 мещанских – только 174 (40%). Девочки обучались дома (2) и в женской прогимназии (5), мальчики – в городских школах (9) и духовном училище (3).

Из 540 домохозяев г. Порхова 52 являлись купцами и почетными гражданами. Два привилегированных городских сословия, составляя в сумме 3,6% населения, были обладателями 9,6% домовладений. Более выгодные материальные условия жизни купцов и граждан, обусловившие принадлежность к этим сословиям, иллюстрируются тем, что на одно хозяйство приходилось три их представителя, тогда как в среднем по городу – восемь человек¹⁶.

Примечания

- ¹ Свод законов Российской империи. – 1876. – Т. 9. – Ст. 494.
- ² Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 34. Псковская губерния. Санкт-Петербург, Центральный Статистический комитет. – Тетрадь 1. – 1902. – С. 18.
- ³ Коркунов Н.М. Русское государственное право. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. – Том 1. – С. 303.

⁴ ГАПО, Ф. 23, оп. 1, д. 261, л. 326.

⁵ Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. 34. Псковская губерния. Санкт-Петербург, Центральный Статистический комитет; 1893. – С. 5, 12.

⁶ С.З. 1876. Т. 9. Ст. 502 – 507.

⁷ Результаты однодневной переписи городов Псковской губернии 28 ноября 1887 года. Выпуск IV. Города: Остров, Опочка и Порхов; пригороды Красный и Печеры, и Александровский посад с Верхним Островом. Издание Псковского губернского статистического комитета. – Псков: Типография Губернского земства, 1889.

⁸ Первая всеобщая перепись... Тетрадь 1. 1902.; Тетрадь 2. 1904.

⁹ Памятная книжка Псковской губернии на 1864 год. – Псков: Типография Губернского правления, 1864. Таблица 1а.

¹⁰ Таблица составлена на основе источников: Результаты... С. 4 – 5; Первая всеобщая перепись... Тетрадь 1. С. 38 – 39.

¹¹ Таблица составлена на основе источников: Результаты... С. 4.

¹² Подсчитано по: Результаты... С. 14, 16.

¹³ Первая всеобщая перепись... Тетрадь 2. – С. 19, 160–163.

¹⁴ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись... Тетрадь 2. – С. 37.

¹⁵ Подсчитано по: С. 10–11.

¹⁶ Подсчитано по: Результаты... С. 4–5, 68.

Проблемы в биографии В.Г. Жукова

Уроженец дореволюционного Порхова Василий Григорьевич Жуков был богатейшим предпринимателем и благотворителем. Однако ясного представления о его биографии у порховичей нет. Сотрудник музея А.Е. Крылов так, и заявил в двух заметках о нём («Порховский вестник» от 11.11.1998 и «Стерх» от 13.11.1998): «О жизни самого Жукова известно мало». На его заметках основаны полные неточностями биографические справки о Жукове в «Псковской энциклопедии» и в «Псковском биографическом словаре», вышедших в 2003 году.

Впрочем, винить эти издания не приходится, так как доступных источников сведений о Жукове нет. О нём не сообщали даже такие крупные дореволюционные справочники, как энциклопедия Брокгауза и Русский биографический словарь Половцева.

Авторы указанных местных публикаций начинают биографию Жукова с 1840-х годов, когда он основал в Порхове промышленные предприятия и благотворительные учреждения. Но тогда ему было за 40. Как он жил и чем занимался до этого – не указано. Более того, утверждается, что только после этого Жуков переехал в Петербург и устроил там известную табачную фабрику. В действительности всё было наоборот.

В обширном «Очерке торговой и общественной деятельности В.Г. Жукова, русского табачного фабриканта, надворного советника и С.-Петербургского 1 гильдии купца», перепечатанном в четырёх номерах «Псковских губернских ведомостей» за сентябрь 1866 года из приложения к «Народной газете», подробно описывалось трудное детство Васьки Жукова. Его заставляли пасти скот, плести лапти, собирать по деревням милостыню... Невольно подумалось: случайно ли Чехов почти так же назвал героя своего известного рассказа Ваньку Жукова.

Василию повезло больше. Его взяли рассыльным в Порховский магистрат. Заодно ему приходилось исполнять всякую чёрную работу по дому у городничего Дирина. В 1818 году тот послал смышлёного 18-летнего парня в столицу обучаться столярному делу. Не получая плату за обучение, мастер вскоре прогнал ученика. Работа маляра и дворника тоже оказалась недолгой. И толь-

ко в театре плотником и рабочим сцены удалось проработать три года. Знаменитый артист и драматург П.А. Каратыгин, игравший в Александринке, удивлялся: «Какой прозорливый мудрец мог бы тогда предвидеть, глядя на Васюху Жукова в грязном зипуне, что он сделает такую блестящую фортуна, будет ходить в мундире, вышитом золотом, и с регалиями на шее. Такие превращения почище театральных».

Земляк Жукова, занимавшийся резкой табака, взял Василия в помощники. Однажды хозяин пригласил его на смотрины своей невесты. А она заявила, что если и выйдет замуж, то только за Василия. В приданое ему дали 300 рублей (вместо обещанных хозяину 1400 р.). На эти деньги в 1822 году он завёл собственную торговлю, а в следующем году открыл свою табачную фабрику. В петербургские купцы 3-й гильдии Жуков записался в 1825 году, свидетельство купца 2-й гильдии выбрал в 1829 году, а 1-й гильдии – в 1830-м. К тому времени его столичная табачная фабрика резко увеличила свои обороты и получила всероссийскую известность. Об этом свидетельствуют не только «Записки» Каратыгина, относящиеся к 1829–1830 годам, но и набросанное в 1833 году стихотворение Пушкина «Французских рифмачей суровый судия». В нём высмеивались споры между поэтами Франции, нуждавшимися в деньгах, и давался совет

«Заняться службою гражданской иль военной,
С хвалёным Жуковым табачный торг завести
И снискивать в труде себе барыш и честь...».

«Хвалёный Жуков» не жалел средств на благотворительность, за что избирался в состав разных советов и комитетов, ведавших делами Дома призрения престарелых граждан, Императорского Человеколюбивого общества, Градских больниц, Попечительского Совета Демидовского Дома... Петербургские жители (а не только купцы, как часто пишут) впервые избрали его городским головою в феврале 1839 года, а переизбрали на новое четырёхлетие в декабре 1842 года и в ноябре 1846 года. Указом Правительствующего Сената от 30 августа 1839 года Жукова причислили к **сословию** потомственных почётных граждан (не следует называть их почётными гражданами Петербурга или другого города). Звание коммерции советника (а не чин советника коммерции) он получил 22 марта 1840 года.

В книге «Путешествие в пушкинский Петербург» (Лениздат, 1983 г., с. 115) отец и сын Аркадий и Михаил Гордины так отозвались о Жукове и его фабрике: «Своеобразные порядки завёл на

своей фабрике табачный фабрикант В.Г. Жуков, выпускавший знаменитый «жуковский табак». Жуков был личностью примечательной. Смекалистый, ловкий, оборотистый «русский самородок», как его называли, он из простого плотника сумел сделаться богатым купцом-миллионером, фабрикантом. Имя его часто мелькало в газетах. Этого он добивался щедрой благотворительностью... Жуков за заслуги получил звание коммерции советника, ордена, стал городским головой Петербурга.

Фабрика Жукова помещалась на левом берегу Фонтанки, между Чернышёвым и Семёновским мостами, Рабочие его, как и большинство других, жили тут же, при фабрике. Пользуясь этим, Жуков установил за ними круглосуточный надзор. Для этой цели существовали особые дневальные, затем «старшие», избранные из отставных унтер-офицеров, и часовые у ворот. Из каждодневных рапортов хозяин знал всё о поведении рабочих, об их малейших проступках: кто вернулся в позднее время, не ночевал дома, был пьян, проявил «мотовство» и шегольство». Провинившегося ждали строгий выговор от хозяина, временное запрещение отлучаться, задержка части жалования.

Жуков очень гордился таким жестоким полутюремным режимом на своей фабрике и даже описал его в «Журнале мануфактур и торговли».

Для полноты представления о Жукове желательно отыскать эту его статью и заметки о нём, которые тогда часто мелькали в газетах.

Заботу о родном порховском крае и его жителях Жуков стал проявлять уже в зените своей славы. Первое сообщение об этом промелькнуло в «Псковских губернских ведомостях» 3 июня 1842 года: приехав в Порхов, он узнал о пожаре в деревне Корчилове, истребившем в ночь на 26 мая 12 дворов, и пожертвовал на обзаведение их 150 рублей серебром. Эту поездку он совершил, чтобы подготовиться к открытию на его средства в Порхове Общественного банка и богадельни, получивших с разрешения Императора названия Жуковских. Оно состоялось 15 августа следующего года.

Вскоре, 29 декабря 1843 года и 26 января 1844 года, та же газета напечатала присланную из столицы неназванным порховским помещиком хвалебную заметку «Утешительные черты из жизни русского человека» с броским эпиграфом: «Доблесть частного лица есть достояние целого народа». Из неё мы узнаём, что «чудная, поучительная, живо составленная биография» Жукова несколько

лет тому назад была напечатана в «Северной пчеле» и повторена другими журналами. Желательно найти и эту, так расхваленную биографию.

Порховский помещик напомнил о первой в России сберегательной кассе для рабочих, учреждённой Жуковым на своей большой фабрике в Петербурге, и рассказал, что для поднятия порховской промышленности, пришедшей в упадок за последние 30 лет, Жуков решил с помощью кредитов нового банка устроить три фабрики: бумагоделательную, масляную и полотняную, которые будут работать на местном льне. При этом он оставлял за собой только 20 паев из ста, предоставляя остальные для других участников.

Большую известность получил устроенный Жуковым в Порхове мыловаренный завод. Всеми его предприятиями в городе руководила порховская контора Жукова. Письма управляющего конторой А. Бруно за 1852–1853 годы, адресованные В.Г. Жукову в Петербург, хранятся в Русском отделе Российской национальной библиотеки (фонд 772 сотрудника Общества любителей древней письменности П.Н. Тихонова, опись 1, дело 1721). В них есть сведения об отпуске с 1849 года мыла купцу Ямщикову, о строительстве в Порхове на средства Жукова ткацкой фабрики и деревянной церкви, а также каменной часовни святой Троицы. В том же фонде имеются и другие дела, касающиеся В.Г. Жукова и его родственников.

Требуют уточнения годы жизни В.Г. Жукова, приведённые в недавних местных изданиях. Ошибочным является утверждение в них, что «в столетие со дня его рождения, в 1904 году, в Порхове был установлен бронзовый бюст предпринимателя». На этом основании указывается, что он родился в 1804 году. Однако идея установки бюста не была связана со столетним юбилеем со дня рождения Жукова. Как сообщали 17 июля 1893 года «Псковские губернские ведомости» и 25 августа «Псковский городской листок», в заседании Порховской городской думы 11 июля обсуждалось ходатайство некоторых обывателей об устройстве на Покровской площади парка в память 50-летия Жуковского банка. Дума решила отметить юбилей иначе: приобрести бронзовый бюст Жукова и напечатать 500 экземпляров брошюры о банке, богадельне и детском приюте, учреждённых им. Изготовление памятника Жукову затянулось. Бюст установили только через 12 лет, 21 апреля 1905 года (вероятно, в дни его именин, поскольку среди упомянутых писем было и поздравление от 6 апреля 1853 года с предстоящим днём ангела).

Очевидно, фактически он родился в 1800 году. Именно этот год рождения приведён в названном «Очерке» о В.Г. Жукове 1866 года, когда он был ещё жив. В формулярном списке о его службе от 28 февраля 1851 года отмечено, что ему 50 лет (РГИА, фонд 1349, опись 6, дело 97). Как ни странно, но в «Петербургском некрополе» (т. 2) время его жизни указаны так: 1795 – 17 декабря 1882 г. Здесь не вызывает сомнения лишь дата смерти. Тот же год смерти указан и в упомянутой статье «Псковского городского листка» от 25 августа 1893 года. Так что современные публикации, утверждающие, что Жуков умер в 1881 году, да к тому же в Порхове, снова не точны. Он похоронен в Петербурге на Митрофановском кладбище. Кстати, зная дату смерти, можно заняться поисками в питерской периодике некролога, посвящённого памяти В.Г. Жукова.

Таким образом, подготовка его обстоятельной биографии требует значительной дополнительной работы.

В.Л. Васильев,
Н.Н. Вихрова

О технике историко-топонимического анализа (на примере названий Порховского края)

Топонимика появилась как историческая дисциплина, в которой проблематика толкования географических названий изначально занимала главенствующее место. Вопрос о происхождении названий в той или иной степени сохраняет свою остроту и актуальность при любых аспектах и методах научного обращения к топонимическому материалу. Но вопрос этот очень сложен и приемлемо разрешим далеко не во всех случаях. Немало топонимов внешне кажутся очевидными по своему языковому смыслу, и современные носители языка могут их объяснять, ориентируясь на слова известного им родного языка (гор. *Холм*, *Новгород*, ст. *Дно*, дер. *Острова*, оз. *Черное*). Однако без достаточного исследования этимологические трактовки даже этих внешне «очевидных» топонимов будут поверхностными, излишне приблизительными и обобщенными и не будут иметь научной ценности. По каждому из этих названий можно написать отдельную большую статью, собрав множество различных фактов. Только вдумчивый анализ помог бы ответить на следующие вопросы: когда, как и в какой форме данное слово закрепилось в качестве названия за объектом на местности; каков был сам первоначальный объект и как он далее изменялся; изменялось ли само название по своему внешнему облику, по своему значению? случались ли переименования объекта, переносы названия на смежные объекты и т. д. Еще сложнее обстоит дело с «непрозрачными» топонимами, имеющими «трудные этимологии» (гор. *Псков*, *Порхов*, р. *Шелонь*, дер. *Буреги*, *Тригорша*). В данном случае уже совершенно очевидно, что топонимический анализ не может ограничиваться «короткой строкой», он должен учитывать не только факты современного общенародного русского языка и его территориальных диалектов, но и факты иных языков и диалектов, которые некогда могли существовать на изучаемой территории.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-04-04120а).

Проблема достоверности топонимических объяснений стоит достаточно остро. Это обусловлено тем, что топонимика находится на стыке других наук, обменивается выводами и материалом с собственно языкознанием, а также с историей, археологией, этнографией, географией, учитывает краеведческие наблюдения. Пограничный характер топонимики, ее «как бы ничейность» привлекает к ней представителей разных наук. Далеко не всегда эти ученые (а чаще – просто разные любители старины) находят для изучаемых ими названий убедительные решения. Все-таки при всей своей комплексности топонимика остается лингвистической наукой, предполагающей знание закономерностей образования и функционирования звуков, слов, форм.

Убедительность и полнота топонимических трактовок зависит от многих факторов. Во-первых, одно из главных требований – знание историко-лингвистических закономерностей (не только ономастических, но и общезыковых). Во-вторых, учет специфики ближайшего контекста топонима (оценка местонахождения, особенностей связей с именуемым топообъектом и с другими смежными топонимами в ближайшей местности). В-третьих, учет разновременных (синхронных и диахронных) вариантов топонима, почерпнутых из различных исторических источников, это позволяет судить о формальных модификациях топонима, пережитых им в разное время. В-четвертых, привлечение дальнего контекста топонима (учет его межтерриториальных аналогий и соответствий, взятых в самом широком пространственном охвате). В-пятых, знание этноязыковых, культурно- и естественно-географических характеристик данной области в прошлом и настоящем, оценка специфики современного топонимического и диалектного ландшафта сопредельных территорий.

Предваряя практическое применение изложенных требований историко-топонимического анализа, отметим, что современный топонимический ландшафт среднего течения Шелони содержит выразительно много архаических славянских географических названий древнерусского времени, сложившихся до XIV в. (*Порхов, Демьянка, Полóное, Карачуницы, Вьлигород, Дорогостицы, Сопша, Боровичь, Готóвино, Лютóвичи, Лúкомо, Любонéг, Лéменка, Чернобóжье, Дорогíни, Требéшница, Тригóрша, Колóменка* и мн. др.). Каждое из таких интересных названий заслуживает отдельного рассмотрения. Встречается здесь и топонимия, отражающая древнебалтийские лексические основы: рч. *Демьянка* (к балт. слову со значением ‘пятно; грязь’), р. *Лзна* и р. *Ильзна* (‘длинная река’),

оз. *Лóкно* (‘кувшинка, кубышка’) и нек. др. Это следы проживания в данном районе языковых предков литовцев, латышей, пруссов (ср. и название дер. *Пру́ссы* – к этнониму *прус*, *Жа́боры* к западу от Порхова – к литовскому двуосновному имени *Жиборт*). Балты жили здесь до славян, в I-м тыс. н. э. и ранее. Топонимия древнефинской этноязыковой принадлежности здесь почти не встречается (возможно, р. *Судóма*, лев. пр. Шелони). В целом топонимический ландшафт Порховского края указывает на то, что перед нами область раннего и плотного славянского заселения.

Изложим этюд по одному из раннеславянских (древнерусских) названий Порховского края. Перечисленные выше принципы историко-топонимического анализа находят в этом этюде практическое воплощение.

Лéменка рч., 23 км, пр. пр. Шелони между гор. Порхов и Сольцы. Название не единично: неподалеку есть еще *Леменка*, рч., пр. пр. Мшаги, лев. пр. Шелони; кроме того к востоку от Ильменя известна *Леменка*, рч. в бассейне Мсты, впадающая в оз. Сунгур [Шанько], а в бассейне Оки отмечены реки *Илеменка* и *Леменка* [ГБО, 30, 90, 95, 193].

О предположительно древнебалтийском происхождении перечисленных гидронимов писали крупные исследователи ономастики В.Н. Топоров [Топоров 1999, 281] и Р.А. Агеева [Агеева 1989, 93-94]; последняя, опираясь на вариантность гидронима *Илеменка / Алеменка / Леменка* в Поочье (Калужская обл.), исходной считает форму *Леменка*, склоняясь к трактовке ее через первичную форму **Льтъпа*, **Льтъпо* = *Līmanas*, название оз. в Литве. (Отметим, что гидрониму *Līmanas*, означавшему ‘стоячая вода’, ближайше родственны также оз. *Liminllis* в Литве, литовск. реки *Limīnl*, *Limēnl*, лтш. *Lotēti* усадьба, равно как *Лименец (Лимно)* оз. в Псковской обл. недалеко от Опочки, *Лиминь (Лимень, Лемань)* р. в бывшем Лужском уезде Петербургской губ.; из апеллятивов сюда же греческ. *лммЮн* ‘озеро’, откуда заимствовано русск. *лиман*; подр. см. [Васильев 2004, 163]). Однако, что касается новгородской *Леменки*, то исходная (этимологизируемая) форма видится другой – *Илеменка* – именно она подсказывается ближайшим ойконимическим контекстом гидронима. Так, в среднем течении этой речки есть селение *Леменка*, но последнее название вторично и лишь дублирует гидроним; более важно то, что выше по течению есть дер. *Илеменка*, повторяющая диахронный (или синхронный) вариант гидронима с инициальным *и-*, но еще важнее для разгадки гидронима то, что при впадении *Леменки* в Шелонь сто-

ит деревня с названием *Илемно*, словообразовательно мотивирующим указанный диахронический вариант. Логика деривационной производности в контексте перечисленных географических названий такова: дер. *Илемно* → рч. *Илеменка* → рч. *Леменка*, причем суф. *-к-а* закономерно выступает показателем производного гидронима, а позднее инициальное *и-* в гидрониме отпадает по фонетическим причинам. Следовательно, в основе лежит форма *Илемно*, и дальнейшие поиски этимона связаны именно с ней. Топоним *Илемно* видится, в свою очередь, древнерусским прилагательным, производным при помощи суф. *-ьн-* от древнерусск. *ильмь*, *илемь*, *ильма* 'дерево вяз' [СлРЯ XI–XVII, 6, 224] – слова, встречающегося в восточно- и западнославянских языках, родственного латинск. *ulmus* 'вяз', средневерхненемецк. *ilme*, английск. *elm*; см. [Фасмер II, 126–127]. В русском литературном языке закреплено ильм 'лиственное дерево с прочной древесиной; род вяза' [Ожегов, 212], в диалектах картина более разнообразна: *илем*, *илим*, *ильма* 'берест, берестина, карагач, караич; дерево, похожее на вяз, *Ulmus campestris*, и другие близкие виды'; см. [Даль 2, 41], однако сегодня это слово во многих говорах, в частности новгородских и псковских, практически вышло из употребления. Поэтому рассматриваемый ойконим *Илемно*, обусловивший появление гидронима *Леменка* означает буквально "Вязовое", являясь элементом русской «флористической» топонимии. Вместе с тем расположение дер. *Илемно* при впадении речки *Леменки* в Шелонь весьма основательно подразумевает то, что первоначально это название относилось все же не к деревне, а к речке; лишь позднее оно перенеслось на смежную деревню, возникшую близ впадения рч. *Илемны* в Шелонь. При этом закономерно изменилась родовая характеристика прилагательного: *Илемна* (речка; в более раннем, древнерусском обличье – *Ильмна*) → *Илемно* (или *Ильмно* – как указание на поселение при рч. *Илемне*).

Итак, ближайший топонимический контекст помог проследить все стадии трансформации водного названия, как выясняется, исконно славянского происхождения, имеющего формально близкие гидронимные соответствия и на других территориях: ср. хотя бы древнеписьменное название *Робья Ильмна* (буквально 'Вязовая Робья'), рч. бассейна Ловати, известная по новгородской грамоте на Терпужский погост Ляховичи 1134 г. [ГВНП, 139, гр. № 80], или фонетически измененное *Елимна*, рч. в бассейне Волхова, или *Илемна*, *Илемны* – реки бассейна Оки [ГБО, 193], или

наконец, *Ильменка*, рч. в Поволховье (<*Ильмна*). Существенно при этом подчеркнуть, что возможность отпадения начального *и-* в пришелонском гидрониме *Леменка* оказалось заложеной уже в фонетической природе самого образующего апеллятива **iltь*; ср. украинск. *ілем*, *ільм*, но и *льом*, польск. *ilm*, *ilem*, но и нижнелужицк. *lot*. Впрочем, реализовалась эта возможность лишь после падения редуцированных, когда в ряде древнерусских диалектов происходило отпадение начального *и* (<**jь*); ср. русск. *иголка*, *играть*, но украинск. *голка*, *грати*, белорусск. *голка*, *граць*, русск. диал. *менины*, *мянины* наряду с *именины* и др. Исходя из таких фактов, появление варианта *Леменка* (из *Илеменка*) следует датировать эпохой не ранее XII–XIII вв.

В русле изложенной трактовки получает объяснение также упомянутый выше гидроним с более широкой вариантностью: *Илеменка* / *Леменка* / *Алеменка*, рч. в Калужской обл.: данное название тоже возводимо к *ильмь*, *илемь* 'вяз', следовательно, исходная форма здесь – *Илеменка*, затем *Леменка*, точно так же, как в новгородском гидрониме (вопреки Агеевой [Агеева 1989, 93–94], видящей здесь исходным вариант *Леменка*). Дополнительной интерпретации требует начальное *а* в варианте *Алеменка*. По своей природе оно вторичное, протетическое. Подвижный характер начального *и* в апеллятиве (*ильм*, *илем*, но и укр. *льом*, н.-луж. *lot*) и в производных гидронимах (*Илеменка* / *Леменка*) вообще говоря, имплицитно подразумевает возможность замены его другим гласным. Следует считать, что неустойчивый начальный гласный и в рассматриваемом гидрониме был переосмыслен в роли факультативной протезы, находящейся с *а* в отношении варьирования; переосмысление это стало возможным после падения редуцированных гласных, когда в одних и тех же говорах стали свободно взаимозаменяться слова типа *льняной* / *ильняной* / *альняной* / *ольняной*, *ржаной* / *иржаной* / *аржаной* / *оржаной*. Данный вариативный ряд наверняка повлиял и на развитие вариантности поочского гидронима *Леменка* / *Илеменка* / *Алеменка*. Поэтому форму с начальным *а* в данном случае допустимо считать результатом аналогического воздействия лексем типа *альняной*, *аржаной*.

Литература

Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. – М., 1989.

Васильев В.Л. Древнеевропейская гидронимия новгородско-псковских земель // Вестник РУДН. – 2004. – № 1 (2). – С. 159–173.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. – М.; Л., 1949.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1–4. – М., 1998.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1987.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975 –... Вып. 1–...

Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. – М., 1976.

Топоров В.Н. Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. – М., 1999. – С. 276–292.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев. – М., 1986–1987. – Т. 1–4.

Шанько Д.Ф. Реки и леса Ленинградской области. – Л., 1929.

Н.В. Коломыцева **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ
В ПОРХОВСКОМ УЕЗДЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**
(1900 – 1914 годы)

Говоря об общественной жизни в уезде, видимо, в первую очередь следует сказать об уездном земстве, начавшем свою деятельность в 1865 году¹. Согласно архивным документам и «Памятным книжкам Псковской губернии» в этот период в земском движении активно участвовали Николай Николаевич Аничков, Сергей Николаевич Дученков, Георгий Дмитриевич Зарин, Петр Петрович Зацкой, Сергей Иванович Зубчанинов, Владимир Николаевич Карамышев, Николай Петрович Квашнин-Самарин, протоиерей Евгений Александрович Лебедев, Владислав Михайлович Лопухин, Николай Антонович Мицкевич, Григорий Петрович Михайлов, князь Петр Николаевич Мышецкий, Леонард Романович Сакович, Михаил Трофимович Трофимов, Николай Петрович Тутолмин, Александр Иванович Усов, штабс-капитан в отставке Евгений Васильевич Шухов и многие другие, в том числе представители от крестьян². В 1911 году Порховским уездным земством было начато строительство земской телефонной сети, которая уже в 1915 году действовала. Город Порхов, посад Сольцы, поселок Дно, все волостные правления, органы власти в уезде, медицинские участки, должностные лица и частные абоненты были соединены между собой. С 18 мая 1915 г. Порховская земская телефонная сеть была соединена через Сорокино и Чихачево с Новоржевской телефонной сетью³. С 16 мая 1913 года земством в уезде открыты 4 почтовых отделения: Паревичское, Бельское, Подсухское, Ручьевское⁴. К 1 сентября 1915/1916 учебного года в уезде было 110 земских школ, в которых обучались 3433 мальчика и 1673 девочки. С 1 июля 1915 года в Сольцах начали использовать минеральные воды для лечения больных⁵.

Кроме земства в уезде существовало множество добровольных обществ и союзов, основанных в XIX – начале XX веков. Старейшим было уездное отделение попечительного комитета о тюрьмах. Оно действовало с середины XIX века, председателем его был уездный предводитель дворянства. В Порхове, Дно и Сольцах суще-

ствовали вольные пожарные общества, речь о которых уже шла на наших предыдущих заседаниях. Деятельность ряда благотворительных обществ заключалась в помощи учащимся учебных заведений. В Порхове с 28 января 1894 года до 1905 года действовало общество вспомоществования бедным учащимся в Порховских учебных заведениях (уездном училище, городском приходском и женской прогимназии), с 31 декабря 1905 года ему на смену пришло общество пособия бедным учащимся в Порховских учебных заведениях (13 членов), с 11 декабря 1895 года существовало благотворительное общество помощи детям и бедным, председателем этого общества был Дмитрий Николаевич Тютчев, а членами в основном семьи Ардамацких и Зацких (99 членов), с 5 сентября 1896 года – попечительное общество о доме трудолюбия (35 членов), которое содержало начальную школу, ночлежный приют и детскую столовую, с 21 апреля 1909 года – общество вспомоществования учащимся в Порховской женской гимназии (64 члена). В Сольцах с 4 ноября 1897 года существовало попечительное общество о доме трудолюбия в посаде Сольцы (46 членов), 8 мая 1898 года – общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Солецком женском приходском одно-классном училище (46 членов)⁶. Общества устраивали спектакли, танцевальные вечера, сбор от которых шел в фонд помощи нуждающимся. В целом же сфера и масштаб деятельности этих обществ понятны из названий, поэтому подробнее останавливаться на их деятельности не будем.

В селе Буриги с 1865 года находилась община сестер милосердия Св. Марии Магдалины, которую учредила Мария Михайловна Дондуковой-Корсакова, «сочувствуя беспомощному положению, в котором находится сельское население». На устройство общины были пожертвованы значительные суммы самой Марией Михайловной, ее братом, императрицей, супругой императора Александра II Николаевича, Марией Александровной и С.-Петербургским почетным гражданином Буториным. С 1865 года община находилась под покровительством императрицы Марии Александровны, а после ее смерти в 1880 году – в ведении Министерства внутренних дел. Община имела целью попечение о бедных больных и обучение крестьян грамоте. В сестры милосердия принимались «вдовы и девицы всех исповеданий и сословий». Для поступления в общину устанавливался испытательный срок в течение одного года. Главными обязанностями сестер милосердия были уход за больными, «утешение скорбящих и обучение крестьян грамоте, а летом, во время полевых работ, наблюдение за крес-

тьянскими детьми». Лекарства больным из аптеки общины отпускались бесплатно, также безвозмездно обучали крестьян грамоте. В XX веке община содержала богадельню и больницу для больных сифилисом женщин и детей. В общине в эти годы трудились Мария Михайловна Дондукова-Корсакова, Анастасия Максимовна Дондукова-Корсакова, Елизавета Дмитриевна Новосильцева, Елизавета Николаевна Лаврова, священники Василий Сергиевский, Михаил Ильинский, Тимофей Тихомиров, врачи Михаил Иванович Коссобудзский и Густав Густавович Рюккер и другие.

В 1890 году при материальной поддержке уездного земства основано Порховское общество сельского хозяйства. Земство ежегодно из своих средств выделяло обществу субсидию в размере 300 рублей. Поддержало общество Министерство земледелия и государственных имуществ, отпуская средства целевым назначением на распространение минеральных удобрений и травосеяния в уезде. Губернское земство выделило обществу 4 тыс. рублей оборотных средств. Население Порховского уезда в то время было мало знакомо с минеральными удобрениями, хотя их применение в Островском и Псковском уездах дало положительный результат. Труды общества сельского хозяйства дали положительный результат: только суперфосфата общество стало продавать ежегодно 11 вагонов. С целью дальнейшего ознакомления населения с минеральным удобрением на него были снижены цены, проводились опыты с чилийской селитрой, суперфосфатом, томасовым шлаком, калийными удобрениями на различных почвах применительно к картофелю и яровым посевам⁷. Председателем правления долгое время в XX веке был Сергей Иванович Протопопов, затем Николай Матвеевич Володимиров, который до этого был вице-председателем. В числе членов общества были Александр Дмитриевич Зарин, Евгений Васильевич Шухов, Николай Антонович Мицкевич, Петр Иванович Мукинин, Святослав Михайлович Прохоров, Иван Алексеевич Тюльпанов, Людвиг Игнатьевич Александрович, Сергей Николаевич Дученков, Михаил Николаевич Николаев, Павел Афанасьевич Васютинский⁸. Общество было самым многочисленным, к 1913 году в нем состояло 313 членов. В 1912 году возникли сельскохозяйственные общества в сельце Михалёво Вышегородской волости, в селе Заилеменье Дорогостицкой волости (42 члена) и в д. Корьхово Михайловской волости (32 члена), членами их были крестьяне и духовенство этих волостей⁹. 12 февраля 1908 года начало свою деятельность Порховское общество пчеловодства

(33 члена). Первым председателем общества пчеловодства был священник о. Василий Александрович Красноумов, в общество также входили Порховские купцы Адриан Зайцев, Николай Петрович и Петр Петрович Зацкие, Иван Захарович Хренов, среди членов общества учителя, крестьяне, чиновники, жены купцов, дьякон, псаломщик. Общество устраивало курсы, беседы, выставки по пчеловодству. Членами общества могли быть любые жители уезда «без различия пола и звания, занимающиеся или интересующиеся пчеловодством, за исключением несовершеннолетних»¹⁰. 24 апреля того же года открыто Порховское общество садоводства и огородничества (45 членов). Председателем общества садоводства и огородничества был учитель Иван Михайлович Сухорук, среди членов общества – чиновники, мещане¹¹. В 1912 году возникли два общества садоводства и огородничества в уезде: Михайловское и Заилеменское¹².

В 1913 году открыты два «потребительных» общества: в селе Дорогостицы и в селе Пожеревицы¹³.

2 октября 1901 года утвержден устав Порховского общества трезвости и воздержания от сквернословия. Название общества достаточно красноречиво. Во главе общества был священник о. Пантелеймон Богоявленский, в состав совета общества входили священник Василий Красноумов, Порховские мещане Алексей Егорович Лунев, Федор Трофимович Федоров, Николай Митрофанович Митрофанов, Александр Федорович Захаров, крестьяне. Членами общества были 278 человек, общество действовало только на территории г. Порхова¹⁴.

Немного о деятельности «увеселительных» обществ. В их числе Порховский женский клуб (с 17 февраля 1909 г., 30 членов), председателем которого была дворянка Ольга Сергеевна Володимирова, в совет клуба входили дворяне Софья Михайловна (Мечиславовна) Щербинская, Вера Ивановна Гаталина, мещанки Анна Степановна Боркова, Екатерина Францевна Буланова, Александра Васильевна Кан. В клубе устраивались лекции, танцевальные вечера, спектакли, были организованы курсы рукоделия. Всего членов клуба было 30 человек, его деятельность распространялась только на город Порхов. 21 апреля 1909 года зарегистрирован устав Порховского общественного собрания и общества музыкально-драматического искусства. Председателем общества был дворянин Павел Афанасьевич Васютинский. Членами общества были купец Григорий Осипович (Иосифович) Мнухин, зубной врач Янкель Пейсахович, Николай Васильевич Калашников,

Порховские мещане Гирш Янкелевич Гиршкевич, Василий Михайлович Егоров, Иван Алексеевич Паршин, Филимон Петрович Шутов, крестьянин Алексей Васильевич Королев, Александр Яковлевич Раабе и другие. Деятельность общества распространялась первоначально на весь уезд, в том же году организовано такое же общество посаде Сольцы. И в том и в другом обществах было по 37 членов¹⁵. Члены общества ставили своей целью «доставить своим членам возможность устраивать и исполнять различные произведения музыкально драматического искусства», устраивали популярные научные чтения, лекции, маскарады, семейные вечера, балы, занимались организацией детских игр и гимнастики для детей. Для детей устраивалось бесплатное обучение двум иностранным языкам. Ежегодный взнос членов общества составлял 6 рублей с мужчин и 3 рубля с женщин. За порядком на всех мероприятиях следили сами члены общества по очереди. Обращение дежурного за содействием к властям было чрезвычайным происшествием – все члены общества должны были подчиняться указаниям дежурного и помогать ему в улаживании каких-либо конфликтов¹⁶.

По документам удалось установить, что в уезде к 1914 году существовало более 25 обществ, клубов, союзов.

Последний мирный год Российской Империи ознаменовался празднованием 300-летия Дома Романовых. В Порховском уезде торжества состоялись 21 февраля 1913 года. Накануне, 20 февраля, в 11 часов дня во всех церквях уезда совершена заупокойная литurgia по почившим членам императорской фамилии из Дома Романовых. 21 февраля в 10 часов утра в церквях отслужили божественную литургию. В Порхове литургия была отслужена в Благовещенском соборе в присутствии должностных лиц и большого стечения народа. По окончании литургии священник Богоявленский сказал слово о Доме Романовых. К концу литургии к собору подошел крестный ход из городских церквей, под звуки оркестра 94-го пехотного Енисейского полка к собору прибыли учащиеся учебных заведений, ратники государственного ополчения, военные, члены Порховского вольного пожарного общества, множество празднично одетого народа. У бюста императора Николая II был совершен благодарственный молебен с провозглашением многолетия Николаю II, императрицам Александре Федоровне и Марии Федоровне, наследнику Престола Алексею Николаевичу, всему Царствующему Дому. По окончании молебна под несмолкаемое «Ура!» стоящих на площади с обнаженными головами оркестр

исполнил гимн «Боже, Царя храни!». Затем состоялся парад войск, ратников, конной полицейской стражи, вольного пожарного общества, учеников реального училища. По окончании парада в здании Порховской городской Думы состоялось торжественное заседание представителей дворянства, купеческого и мещанского сословий, земства, города, учреждений, жителей города и уезда. Заместитель предводителя дворянства уезда Аничков произнес речь о значении торжества, зачитал текст поздравительной телеграммы императору, в которой выражены чувства любви и преданности, хор и оркестр троекратно, под крики «Ура!», исполнили гимн. Затем с докладом выступил директор реального училища В.И. Бувский, всем присутствовавшим было предложено шампанское и провозглашен тост о здравии императора, императриц, наследника и всего Царствующего Дома. В половине четвертого в здании женской гимназии состоялся торжественный акт совместно с реальным училищем. Председателем педагогического совета женской гимназии был сделан небольшой доклад, а ученицы гимназии и ученики реального училища «декламировали» стихи. Учащимся были розданы брошюры по истории Дома Романовых. Вечером в театре драматического общества специально приглашенными артистами была исполнена опера М.И. Глинки «Жизнь за Царя». В этот день магазины не работали, дома были украшены флагами, а вечером город был иллюминирован. В посаде Сольцы в Ильинской церкви также в присутствии должностных лиц, учащих учебных заведений, массы народа были совершены торжественная литургия и молебен, во время которого собравшиеся коленапреклоненно молились за императора, возглашены многолетия всем членам Царствующего Дома. Священником была произнесена проповедь, зачитан манифест, посвященный памятной дате. Торжественный молебен был завершен крестным ходом вокруг церкви, затем состоялся парад членов Солецкого вольного пожарного общества и Солецкой полицейской команды. Духовой оркестр пожарного общества исполнил гимн «Боже, Царя храни!», который собравшиеся выслушали с обнаженными головами. Колонны пожарного общества и полицейской команды под звуки оркестра, сопровождаемые народом, прошли маршем к зданию городского управления. Здесь в час дня был совершен торжественный молебен. По окончании молебна духовой оркестр многократно исполнил гимн под крики «Ура!» собравшихся на площади. От имени жителей посада в Петербург была отослана поздравительная телеграмма. В здании городского управления был дан обед, неоднок-

ратно провозглашались многолетия и здравицы за императорскую фамилию. В учебных заведениях состоялись торжества с чтением стихов, показом «туманных картинок», ученикам раздавались брошюры, картинки, гостинцы «и устроены были танцы и игры». Как и Порхов, Сольцы были празднично украшены, вечером была зажжена иллюминация¹⁷.

Наступил 1914 год. Тревожным предзнаменованием грядущих событий явились авария аэроплана 18 июня у деревни Барская Болотня Богородицкой волости во время перелета отряда аэропланов из Новгорода в Псков. Летчик штабс-капитан Николай Павлович Боярогло погиб. Механик Алексей Валуев был ранен¹⁸.

19 июля Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война. Но в то время она называлась Второй Отечественной. В документах Псковского отделения Российского общества Красного Креста сохранился любопытный документ 1914 года под названием «Предложения из уездов». Рискну предположить, что документ относится к первым дням войны и представляет собой запись для губернатора Николая Николаевича Медема, который одновременно являлся председателем Псковского губернского отделения общества. Вот предложения из Порховского уезда: «Князь Гагарин предлагает в 12 верстах от станции Порхов на линии Псков – Бологое имение Холомки, дом-санатория с ваннами, клозетом и раковинами, с горячей и холодной водой. 12 офицеров берет на свое полное содержание. С 5 сентября можно будет привозить раненых, 35 нижних чинов. Всего 47 человек, нуждающихся в уходе, перевязке и мелкой хирургии, только раненые. Не принимает на свой счет оборудование 2 перевязочных, а также оборудование и содержание солдатских кроватей... Город Сольцы предлагает вполне оборудованный госпиталь на 20 нижних чинов (мелкая хирургия), содержание и оборудование на счет благотворителей. Просят доставить раненых возможно скорее. Сольцы находятся на линии Петербург – Витебск. Доставка в госпиталь обеспечена. Просят предупредить телеграммой на имя городского старосты Михаила Ивановича Полякова»¹⁹. Благодаря другому документу нам становится известным личный состав лазарета в Холомках и его подведомственность Северному району Российского общества Красного Креста. В списке 7 человек: княжна Мария Дмитриевна Гагарина, православного вероисповедания – заведующая лазаретом; коллежский советник, доктор медицины Густав Густавович фон Рюккер, лютеранского вероисповедания – врач лазарета; коллежский регистратор, лекарский помощник

Василий Григорьевич Проскуряков, православного вероисповедания – фельдшер лазарета; княжна София Андреевна Гагарина, православного вероисповедания – сестра милосердия; дворянка Наталья Владимировна Соколовская, православного вероисповедания – сестра милосердия; крестьянин Григорий Васильевич Денисов, православного вероисповедания – санитар; крестьянин Михаил Семенович Попов, православного вероисповедания – санитар. Подписала список личного состава за заведующую лазаретом княжна София Гагарина. Список датирован 1914 годом, время работы в лазарете у всех без исключения указано с 4 октября 1914 года, думаю, можно с уверенностью сказать, что это и была дата открытия лазарета.

Не осталась в стороне община сестер милосердия св. Марии Магдалины, в письме к губернатору сказано: «Община св. Марии Магдалины имеет честь довести до сведения Вашего, что совет общины на заседании своем 14 сентября с.г. постановил командировать двух сестер милосердия, санитаря и кухарку для сопровождения раненых в устраиваемом Вашим превосходительством поезде, причем, за услуги сестер община никакого вознаграждения не возьмет, а уплату жалования и содержание санитаря и кухарки община на себя взять не может. Председательница совета, настоятельница общины Татьяна Миркович».²⁰ В том же, 1914 году, по ходатайству общины в селе Буриги был открыт временный комитет попечительства об охране материнства и младенчества, задачей которого было оказание помощи семьям призванных на войну, имеющих малолетних детей. Комитет устраивал дневные ясли, организовывал врачебные консультации матерям, бесплатно раздавал лекарства, молоко, питание, определял сирот в семьи. Средства комитета составляли пожертвования, сборы по подписным листам²¹.

К сожалению, на этом я вынуждена закончить свое сообщение. Документы о жизни уезда в 1914-1916 годах мною пока не выявлены.

Примечания

- ¹ Вестник Псковского губернского земства. – 30 июля 1888 г. – № 14. – С. 433.
- ² Памятные книжки Псковской губернии за 1900-1914 годы
- ³ ГАПО. Ф.198. оп.1. Д.20. Л.25об.
- ⁴ Там же. Д.20. Л.7об.

- ⁵ Там же. Д.20. Л.27, 35об
- ⁶ ГАПО. Ф.20. Д.2717. Л.20; Д.2953. Л.24
- ⁷ Вестник Псковского губернского земства, № 4, апрель 1902 года
- ⁸ Памятные книжки Псковской губернии, 1900-1914 годы.
- ⁹ ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.2953. Л.98,98об
- ¹⁰ ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.2803. Л.
- ¹¹ ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.2951. Л.34,34об
- ¹² ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.2953. Л.24
- ¹³ ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.2953. Л.24
- ¹⁴ Там же, л.98об,99
- ¹⁵ Там же, л.99,100
- ¹⁶ ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.2853. Л.1-35; Д.2953. Л.100
- ¹⁷ ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.2988. Л.886,887
- ¹⁸ ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.3131. Л.9
- ¹⁹ ГАПО. Ф.49. Оп.1. Д.23. Л.137
- ²⁰ Там же. Д.21. Л.7
- ²¹ ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.3152. Л.1-34

Л.А. Фролова

**А.И. Яковлев – первый
доктор технических наук
пожарной охраны,
уроженец деревни
Любонег**

Воспоминания Антонины Ивановны
Федотовой (в девичестве Яковлевой).

Записаны Фроловой Л.А. 15.09.2004.

Наш отец Иван Петрович 1898 г.р. прожил 87 лет, хотя уже в 50 лет ему дали инвалидность 2 группы. Носил очки. До последних лет сохранил ясность ума. Его отец (наш дед) Пётр очень любил читать, бабушка (его жена) запрещала, поэтому дед прятал книги в сундук, запирали его. Даже когда умирал, попросил книгу, так и умер с книгой в руках. А барометр, купленный дедом, до сих пор хранится в семье младшего брата Анатолия – Петра. Дед владел многими ремеслами. Именно от него и набрался мастерства наш отец. Иван Петрович не был краснодеревщиком, как часто пишут в статьях, он прекрасно делал резьбу, украшал мебель. И тоже очень любил читать. Если в дом попадала книга, то первым читал её именно он. Отец уходил в свою мастерскую и во время отдыха между работой читал и много курил. Был политически грамотным. Над кроватью всегда висела политическая карта мира. Если разговор заходил о власти, говорил: «Власть – это штык, а где штык – там кровь». Хорошо играл на балалайке, гитаре, мог настроить инструмент. Но нот не знал. Кстати, не знал нот и Анатолий, но играл на мандолине виртуозно.

Мать – Кузнецова Александра Ивановна 1900 г.р. прожила 74 года. Происходила из семьи кузнеца. Кроме неё в семье были ещё 2 сестры и 6 братьев. В доме часто бывали учителя, священнослужители. Когда вышла замуж, родила много детей: Пётр был 11-м, Антонина 9-й, Анатолий 2-й. И хотя отработала в колхозе примерно 30 лет, в городе – 10, была матерью-героиней, пенсии, как оказалось, не заработала. А потому сын Анатолий ежемесячно высылал ей 50 рублей, хотя и сам со своей семьей жил очень скромно.

но. После смерти матери, эти же деньги он продолжал присылать отцу.

В голодные 30-е годы все накопленные золотые вещи (до революции работой мужа и его отца у богатых людей) проели. Были в семье золотые часы на золотой цепочке. Мать каждый раз отделяла три звена и шла в магазин-торгсин, где принимали золото, и на вырученные деньги покупала муку, сахар, соль, крупу. Овощи выращивали сами.

Анатолий был маленький, белобрысенький. Уже будучи студентом, он брал студенческий билет, чтобы его пропустили в кино. Первый раз мама поехала к Анатолию в 50 лет. Он опоздал к поезду (не встретил её), она не дождалась его и поехала самостоятельно. Ей всё время казалось, что едет долго, и выходила из автобуса, но оказывалось – рано. Поэтому до Балашихи добралась, когда начало смеркаться. Очень устала и присела отдохнуть возле первого попавшегося на пути забора (как узнала потом, это была разведшкола). Вышел караульный и сказал, что здесь находиться нельзя, при этом объяснил, где объект, который интересовал её. Она дошла до следующего забора (ВНИИПО и разведшкола соседствовали, их разделял лишь забор), спросила у прохожих, не знают ли они её сына. На её счастье удачно: «Да вон он идет». Окликнули его. В дальнейшем, когда приезжала сестра Антонина, приезжал в Москву с вечера и ночь проводил на вокзале (своей машины не было, служебную не просил).

Нужно заметить, Анатолия Ивановича пытались склонить к обучению в разведшколе, так как хорошо владел немецким языком, ученый, а значит, склад ума позволял прекрасно анализировать, но он отказался, а вскоре и женился.

Когда началась война, семья Яковлевых, как и многие, стала беженцами. Дошли только до деревни Дерглец, 40 км от Любонег – родины матери, в 10 км от Дно. Домик в Любонеге немцы разобрали на нужды железной дороги.

В свои летние каникулы 1945 года Анатолий приехал именно туда. От станции Волот (московская ветка) до Дерглец шёл пешком, увидел пасущееся стадо коров. И узнал свою необыкновенной раскраски коровушку-кормилицу: «Значит родные здесь». (Корова была умная – во время бомбёжек прятала голову в окопы.) По окончании каникул мать дала ему мешок картошки. Анатолий воскликнул: «Вот ребята будут рады!»

Когда семья собралась переезжать в Псков (1947 г.), продали корову за 10 тыс. руб., домашний скарб за 4 тыс. руб. и купили в Пскове на левом берегу Псковы, напротив площади Жертв Революции старый купеческий домик. Одна стена в нём (к реке) постоянно отходила (в годы войны от бомбёжки растряхнуло его: недалеко находился дзот). Отец подпирал её бревном.

В 1946 году Анатолий Иванович получил распределение в ЦНИИПО г. Балашиха вместе с В.П. Бушевым. Там и предложили совершенно новую тему работы – по огнестойкости строительных конструкций. Для проведения испытаний самому приходилось и цемент месить, и печи класть. За ясную голову ценил его и, можно сказать, был покровителем В. Келдыш.

Анатолий Иванович и семья его жили скромно, на наличие денег внимания не обращали, машины не имели, «если надо порошу на работе», – говаривал. Ужасно не любил поездки за границу, так как каждый раз надо было обзванивать родных, уточнять их место работы и проч. для КГБ, к тому же для работы они в итоге ничего не давали. Со своей будущей женой, Евдокией Марковной, познакомился во ВНИИПО, она работала фотографом в лаборатории (кажется, 8 классов образования). Пережила А.И. на 11 лет (дожила до 75 лет). Евдокия Марковна не мешала работе мужа, была без претензий на светскую жизнь. Ради него ей даже пришлось уйти с работы из ВНИИПО. Жили очень скромно. Когда Антонина бывала в гостях у брата, а он приходил на обед, перед тем как снять френч, извинялся, за то, что остался в нательной рубашке, вообще-то, как считала Антонина Ивановна, форма ему не шла. Он был очень домашний человек, окружающие в него влюблялись с первой встречи. Он располагал к себе людей, источал свет. Однажды Антонина Ивановна ехала на юг (после похорон мужа), Анатолий Иванович с Евдокией Марковной пришли её проводить. Когда они ушли, соседка по купе призналась, что просто влюбилась в него. Его любили и старые, и молодые. Он был душой компании. На лице всегда была улыбка. Бывало, любил петь песню:

Едет парень на телеге

Через речку в брод.

А по бережку с корзиной

Девушка идёт.

Молодая, озорная,

Огоньки в глазах...

В спорте болел за ЦСК. Курить бросил в 50-е гг.

Младшая сестренка Катя приехала к брату жить и учиться в 13 лет, окончила медицинский институт. Сначала работала педиатром. Потом детским кардиологом. Сын её Алексей закончил с/х академию, дочь – пединститут. Дочь Тамара (Захарова) хорошо играла в шахматы, ездила на крупные соревнования. Дочь сына – Ира (внучка) учится в Московском мединституте.

Старшая сестра Зоя прожила тяжёлую жизнь. Так и не сложилась у неё семейная жизнь. Очень переживала за Анатолия, боялась, что её судьба скажется (отзовется) в его. А дело было в том, в годы Великой Отечественной войны она с подругой помогла бежать 6 пленным солдатам, снабдив оружием. Оружие собирали младшие ребяташки, и Катя среди них. Бегали по полю, где прошли бои, собирали оружие и прятали. Их выдали медсестра и священнослужитель. Зою арестовали: Саласпилс, Германия, Франция. Вернулась в семью уже в Псков. И все равно Анатолий Иванович верил в чистоту системы, непогрешимость. Когда зашёл разговор с ним о песнях В. Высоцкого, Анатолий Иванович сказал, что у них была лекция и говорили, что у него много нехороших песен. На что Антонина парировала: «Но он признан народом».

Младший брат Петр 1941 г.р. проживает в Пскове, имеет троих детей: Света работает в аптеке по ул. Яна Фабрициуса, 3; Таня закончила политехнический, работает в газете «АИФ» – компьютерная верстка и графика; Серёжа закончил политехнический, работает зам. компьютерным цехом в УВД.

Сестра Женя имеет сына Андрея. Сначала учился музыке. Но потом... стажировался в МГУ, кандидат наук. В настоящее время готовит докторскую.

У Анатолия Ивановича 2 дочери – Галя и Надя. Старшая дочь Галя и её муж Серёжа работали во ВНИИПО, но пришлось уйти. А.И. сам предложил уйти, т.к. Сережа закончил институт не по профилю. Дочь Гали – Женя работает в Останкинской башне, имеет сына – Стаса (правнук А.И.). Младшая дочь Надя и её муж Алексей тоже работали в институте (он защитил кандидатскую), сейчас уже на пенсии.

Анатолия Ивановича обвиняли в семейственности, поэтому ушла из института Евдокия Марковна. Однажды А.И. пришёл к руководству и сказал: «Увольте меня, а детей не трогайте». И вообще после смерти Келдыша Анатолия Ивановича постоянно дергали, высказывали недовольствия. Даже на похоронах Антонины Ивановны в нескольких выступлениях услышала неприятные

для слуха слова: «Травили, затравили». К сожалению, талантливых в нашей стране не любят.

* * *

Внук сестры Кати – Алексей Симонов прекрасно играет в шахматы и пишет стихи. Во время пребывания в Пскове, ему показали место, где когда-то жили его прабабушка и прадедушка, и он под впечатлением прогулки и рассказов написал стихи:

Во Пскове домик одинокий
Стоит, уж на бок покосясь.
Он погрузился в сон глубокий,
Метелей грозных не боясь!
Он не красив, он невысокий,
Он не стройней и не белей.
Стоит он, домик одинокий,
Стоит и смотрит на людей.
А Псков, конечно, город славный,
Большой, рукой не обхватить.
И тем смешнее, тем забавней
На домик взгляд свой опустить.
Но пусть он старый, пусть не лучший,
Такие надо вспоминать.
И, наверно, в самом худшем,
Хозяин сменится опять.

10.08.1999.

Это стихотворение с удовольствием напечатала газета «Новости Пскова» 20 августа 1999 года, с. 19.

Приложение

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Яковлев Анатолий Иванович родился 19 сентября 1924 года в деревне Любонег Дновского района Псковской области.

Отец мой был рабочим, мать – домохозяйкой. В 1931 г. я начал учиться в начальной школе, в 1937 году окончил 7 классов, а в 1940 году – среднюю школу г. Дно. В этом же году поступил учиться в Ленинградский электротехнический институт. По окончании первого курса этого института в 1941 году перешел учиться на 2-ой курс факультета инженеров противопожарной обороны (ШЛО) при Ленинградском инженерно-строительном институте.

В сентябре 1941 года добровольцем ушел на фронт и участвовал в боях у Невской Дубровки (Ленинградский фронт).

После ранения и выздоровления в госпитале я был демобилизован из армии и вновь вернулся учиться на ФИПО.

В марте 1942 года вместе с ФИПО был эвакуирован из блокады Ленинграда в г. Ессентуки, затем в г. Баку. По окончании ФИПО в 1946 г. я был направлен на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт противопожарной обороны МВД СССР. Первые 9 лет работал младшим научным сотрудником, затем 10 лет – старшим научным сотрудником, в настоящее время работаю начальником отдела исследований проблем пожарной безопасности зданий и сооружений.

В комсомол вступил в 1943 г., с 1950 г. член КПСС. Я женат, имею двоих детей. Награжден орденами «Отечественной войны» II степени и «Трудового Красного Знамени», медалями СССР.

А.И. Яковлев

«26» марта 1990 г.

Судомский край – родина поэта Олега Алексеева

Кто имеет уши слышать, да слышит! Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали. Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее.

(Мф. 11:15–19).

Как часто это бывает в жизни: мы видим перед собой человека, и думаем – вот грешный человек, что хорошего он может нам сказать, чему он нас может научить такому, чего мы и сами не знаем? Мы слишком часто не видим великого и святого в наших ближних. Мы слишком часто славим не то и не тех, но проходит время, и знакомые нам люди от нас навсегда уходят, и лишь только тогда мы начинаем понимать, что потеряли осколочек солнца.

Сегодня мне хочется вас познакомить с удивительным и удивительно незаметным, незаметно ушедшим от нас простым русским поэтом Олегом Алексеевым, бывшим плоть от плоти и кровь от крови Святой Псковской земли и в эту землю вернувшимся.

Поэт и писатель Алексеев Олег Алексеевич родился 23 сентября 1934 г. в д. Володимерец Островского района. Его мать звали Валентиной Ивановной, а бабушку по матери – Евдокия Васильевна. Она была родом из Гальчихи, отец из деревни Подлесье (15 км от Гальчихи, теперь также – Поржовский район). Дед Валентины Ивановны по матери – Василий Ершов – имел в Гальчихе ветряную мельницу, жил зажиточно.

Вот, что пишет про деревню Подлесье Олег Алексеев в своих записках о матери: «Все мои предки по материнской линии были охотниками. В глуши болот пряталась деревушка Подлесье. Топи укрывали её от властей во время мира и от врагов во время мира и от врагов во время войны. Деревушка стояла на склоне покатога холма. Дома лепились на опушке елового леса. Узкие полоски ржи,

огороды, несколько диких яблонь. В Подлесье было ружей больше, чем ухватов и собак больше, чем овец и коров. Вместе с курами держали серых куропаток... Жители Подлесья никогда не были крепостными. Волостной старшина несколько раз приводил солдат, но жители вместе со скотом и собаками успевали укрыться в чаще. Барин проиграл Подлесье в карты. Новый владелец, пытаясь попасть в непослушную деревню, загубил тройку буланых и чуть не утонул сам. Он-то и назвал болота лютыми».

Когда родители Валентины Ивановны познакомились, Иван был портной, а Евдокия – портниха. У него была катаракта одного глаза – плохо видел, а она плохо слышала. Ему сказали: «В Гальчихе есть портниха, которая плохо слышит, будете пара». Евдокия Васильевна пришла в семью (в Подлесье) двадцатой. Семья Ивана Михайловича составляла 19 человек. Они держали 13 коров, 4 лошади.

Как в такой семье жить? Иван и Евдокия поехали на заработки в Островский уезд, заработали портняжным делом денег, поселились в самом Острове. Арендовали у купца Макарова двухэтажный дом, открыли в нем портняжную мастерскую со своей вывеской: «Мастерская Смирновых». Иван Михайлович попросил дать ему такую фамилию, как бы в противоположность Ершовым, то есть ершистым, так как сам был добрым.

Здесь в 1916 г. у них родилась дочь Валентина, будущая мать Олега. Портняжная мастерская Смирновых была «первоклассная», лучшая в городе. Держали подмастерьев. В советское время, перед войной в этом здании размещалась редакция газеты «За колхоз» (переименованная позже в «Островские вести»).

За годы жизни в Острове Смирновы накопили 11 тысяч рублей. Валентина Ивановна рассказывает: «До революции это громадные деньги были – 20 рублей корова стоила», хотели в городе дом купить. «Продавали там двухэтажный дом за 7 тысяч, а папа – нет, поедem в деревню». Но тут революция. Всё рухнуло. В 1918 году собрали деньги и какое-то имущество, уехали в Подлесье, стали строить дом. А тут 19 человек. То одна невестка что-то возьмет, то другая что-то утащит. Мать взяла и всё добро увезла в Гальчиху к отцу. Но до 20-го года шла Гражданская война.

В 1921 г. уже в доме жили, полы и потолки были настланы. Окна и двери только ещё не вставили, закрывали занавесками. Печки не было. Во дворе готовили. В Иванов день просит у свекра (Михаила Кузьмича) лошадь перевезти добро из Гальчихи в новый дом. Свекор лошади не дал – шёл сенокос, а на Петров день, когда

практически все жители были на сенокосе, почти вся Гальчиха сгорела – 52 дома из 88. Дома соломой были крыты, а стояла великая сушь. У всей родни (пять дворов) сгорело всё, и родительское добро также. «И золото было у мамы, и золота не нашли».

Смирновы тогда были в Подлесье. Валентина Ивановна говорит: «Папа вышел, может, корову навязывать за двор, говорит: – Дуня, где-то большой пожар. Вот мы вышли все и смотрим. Ещё мама говорит: не Гальчиха ли? – Да ну, Дунь, не беспокойся, там Калёхново, и Лютые болота, и...».

Василий Ершов не выдержал. Как ахнул, так и слег, через два дня умер, «а ведь косить шел здоровый». На похоронах была вся деревня, был церковным старостой в Спасской церкви в Слободе. Деда любили. Когда хотел пристроить к мельнице крупорушку – спросил бродячего гадальщика. Гадальщик на картах Таро сказал – умрешь в большой бедности. Так и умер – на чужой лавке. Крупорушку построить не успел.

У родителей уже было четверо детей. Василий помирал – дочь Евдокия просила забрать умирающего отца к себе грудного ребенка: надо и шить и дом строить. Младенец Сашенька умер через неделю. А тут и Евдокия слегла. Мать ей говорит – за дело слегла, зачем просила отца ребенка к себе забрать.

В семье Смирновых никогда не ругались. Семья была гостеприимная, музыкальная. Иван Михайлович играл на скрипке, его сын Сергей на баяне, Валентина с сестрой Марусей – на гитаре и балалайке. Валентина очень любила петь. Если приходил брат Лёня, то играл на балалайке. Первую песню всегда начинали «Из-за острова на стрежень». Потом – «Ревела буря, дождь шумел». И вот уже вся семья бросает всю работу, встает в круг, начинает играть и петь.

Иван Михайлович скупой был. Валентина в ноги ему кланялась, чтобы отдал учиться в гимназию в Остров, но он не пустил. Училась в местной школе, практически на одни пятерки. Затем пошла на педагогические курсы. Ещё учась там, в 16 лет, она уже начала преподавать в вечерней школе для взрослых в Шумаях. Только после войны заочно закончила Псковский педагогический институт по специальности «русский язык и литература».

Когда Гальчиха отстроилась, то новые дома были отобраны установившейся властью. Смирновы в колхозе работать не стали, так что дом у них в 1935 г. отобрали, «на дрова свезли куда-то». Отобрали и мельницу. Леонида Ивановича из Подлесья за мельницу раскулачили, сослали на Новую Землю. Валентина Ивановна вспоминает: «Когда дом увезли из Подлесья – Олегу 2 года

было... Пришли к дяде Лёне сказали, что могут прийти раскулачивать. Лёня (его сын), ещё мальчишка, как услышал, что могут прийти раскулачивать, он схватил балалайку и понёс, на баню запрятал, а как раз снежок выпал. Пришли описывать имущество: след к бане... «Пойдемте, там что-нибудь запрятано», – пошли и расхохотались – балалайка.

Отец Олега Алексеева, Алексей Петрович, происходил из старинного купеческого рода Алексеевых. Дед Алексея Петровича – Василий Алексеев, по преданию, приехал из Таганрога. В Таганроге у рода Алексеевых к началу XX века было 3 трехэтажных дома и три магазина с товарами. Характер у Алексеевых был непростой. Во Владимирце их прозвали Ершами.

Василий (Ереш) держал во Владимирце кожевенную мастерскую, пекарню, лавки, магазин. Жену его звали Анастасия, семья была многодетная. Когда в округе громили в начале тридцатых собственников, то по старости его не стали репрессировать.

Характер у Василия был неуживчивый, все дети от него разъехались. Позже к нему вернулся только сын Петр (ум. 1969 г.). Наверное, потому что уживчивый, тихий был и добрый, не в пример другим Ершовым. Детей любил.

До свадьбы Петр сменил несколько профессий. Одно время служил на станции Дно. Как-то на ярмарке во Владимирце Петр познакомился с Пелагеей. Пелагея Петровна Блинова была из поселка Покаты, около Бойков, что под Островом. «Её барин ездил лён закупал, увидел что у вдовы много детей, говорит: «Одну девочку-то отдай мне. Она с моими ребятами будет играть, а потом вырастет, будет у меня работать». Вот она с ребятами и играла, потом горничной стала, потом стала экономкой у барина. От барина она и замуж вышла, и приданное за ней дал». После свадьбы они жили в Острове. Пробовали начать свое «дело».

В 1910 г. у них в «Горелом кабаке» родился сын Алексей. И там же, в кабаке он прислуживал с юных лет. В революцию Алексеевы уехали во Владимирец к деду Василию. Свой магазин Алексеевы ещё некоторое время держали. Петр сам баранки пек. Потом пришлось работать уже в государственном магазине, там же, во Владимирце.

Алексеевы держали девчонку, прислугу. А она вошла в комитет бедноты, где и заявила: «Они (то есть Алексеевы) меня эксплуатировали». У них отобрали все имущество. Корову, лошадь, овец, поросенка. И дом отобрали. У них из города были привезены хорошие и диван и стулья. Успели отдать сыну только часы (до

революции 25 рублей стоили) и трюмо. Хотел сын забрать, да и не успел. У Петра в доме жил подселенный учитель Янкевич. Алексей однажды приехал, чтобы забрать имущество, а Янкевич ему – не бери, придут, я скажу, что это мое. После отказался, сказал, что ничего моего тут нет. Петра с Пелагеей и старым Василием взял в свой дом о. Михаил Алфеев, священник Никольского храма. Дед Василий умер на Николу зимнего в 1933 г. Его жена Анастасия жила потом у дочери Саши.

Алексей до женитьбы служил в Красной Армии, выдавал продукты. Потом учился на педагогических курсах. Индустриализация потребовала восстановления системы образования, разрушенной революцией. Алексей Петрович был направлен преподавать в детскую начальную школу в Малую Махновочку. Туда же перешла из Шумай и Валентина Ивановна.

В это же время где-то в этих местах (возможно в Шумаях) (Славковского, теперь Порховского района) работает учительницей Валентина Петровна, а также в одной из местных школ преподает её подруга (также 1912 г.р.) – дочь владимирецкого о. Феодора Суворова Валентина Федоровна (письмо С.В.Ф.).

Они поженились в 1933 г. Но вскоре после свадьбы, в том же 1933 г., Алексея Петровича арестовали по делу о троцкистах. Держали во Пскове. Предлагали сознаться, что он хочет уйти за границу. А он говорит: «Я не хочу за границу, что мне там делать?» «Голодовку выдержал, и пытки», всего не рассказывал даже жене. Очень тяжелые пытки были. Потом ему операцию делали, вырезали значительный кусок кишечника. Долго лечился. Позже развилась язва, но после войны всё равно заболел раком.

Когда приспело Валентине Ивановне рожать, то она приехала к свекру во Владимирец. Во Владимирце была акушерка. Так что Олег родился в доме о. Михаила, 23 сентября 1934 года. Свекровь ночью приводила о. Михаила крестить Олега. Днем этого делать было нельзя. За крещение ребенка в два счета можно было лишиться любимой педагогической работы. О. Михаил подарил Олегу золотой крестик. Уже вернувшись в Малую Махновочку, Валентина Ивановна хранила его под детским матрасом. Но он пропал. Когда Пелагея, свекровь, ухаживавшая сперва за грудным Олегом, уехала к мужу в Старую Руссу, молодые родители были вынуждены нанять девочку-няньку. Ей платили из зарплаты 80 руб. Её здесь и кормили, и одевали, и обували, но...

В 1935 г. Петра и Пелагею Алексеевых арестовали, свезли в Славковичи. Последние Алексеевы вынуждены были расстаться

со Владимирцем. Тогда ещё не расстреливали, для выселения предлагали несколько мест. Петр выбрал Старую Руссу. Пелагею признали больной и отпустили к сыну Алексею в Малую Махновочку. Священников арестовали позже.

Черные вороны прилетали,

Приносили смятенье в умы.

В псковских храмах людей пытали:

Не хватило огромной тюрьмы.

Все заранее миру простивший,

Не боявшийся жизни иной.

Дед-священник, меня крестивший,

Тихо сгинул перед войной.

(«Костер у Сороти»)

Петр Васильевич некоторое время работал на сенопункте в Маево под Старой Руссой, где заболел воспалением легких, после чего устроился работать в государственную пекарню, в Старой Руссе. Это дело он знал тоже хорошо. Его сестра – Ольга Васильевна, была замужем за Иваном Никандровичем – сыном бывшего хозяина жерньильского льнозавода, которого в свое время выслали в Хибинь. Ольга Васильевна и Иван Никандрович также выехали в Руссу, где построили домик. Рядом поселились и Петр Васильевич (умер в 1969 г.), с приехавшей к нему теперь женой, а также дочь Валентина и сестра «тётя Саша».

Петр Васильевич тайно приезжал из Старой Руссы во время отпуска к сыну в Махновочку, нянчился с внуком. «Ночью приезжал и ночью уезжал. Паспорт-то старорусский, а у нас-то пограничные паспорта были, ему нельзя было... Так вот он приезжал и во 2-й комнате у нас находился, чуть кто придет, так он – за занавеску.

Так раз получилось. Приехал он. Свекровь пошла его провожать до тети Саши. Тётя Саша от нас в 4-х километрах работала (в Шумаях). Взяли Олега с собой. Я думаю, что они что-то про золото говорили. А Олег бывает слушает-слушает, что-нибудь такое и ляпнет. Мы с Лёней однажды говорили, что деньги дешевеют. Он слушал и ничего не сказал. Пришли чужие люди, а он при них и ляпнул: «Деньги-то дешевеют. Золото-то ваше потерялось». У свекра в подвале были золотые монеты закопаны. А потом их не могли найти. Свекровь за это обиделась, уехала. Через год опять приехали со свекром. Как приехали, я говорю: «Папа, сходи в подвал, найди свое золото». Он полез и через 5 минут вылезает: нашёл... У них золотых монет много было».

В 1936 году Алексей и Валентина Алексеевы переехали в Горбово.

Олег Алексеев пишет в своих воспоминаниях: «Наш дом стоял между двух озер. В озере Лиственном (оно же Белое) вода была прозрачная и холодная, в Черном озере – теплая и темная. Воду для огорода брали в Черном озере, для самовара – в лиственном. Из Черного озера вытекала неширокая лиственка, на ней, в глубокой пади стояла мельница. За Лиственкой лежало моховое болото. Там было бездонное озеро Слепец. По ночам на болоте гудело: говорили, что это вырывается болотный газ. Изгородей в деревне не было, возле школы стояли хмурые вековые ели, дома прятались в зелени...»

Стали работать в новой школе, построенной из разобранных домов репрессированных крестьян. Школа была средняя: 5, 6, 7 классы. Младших классов не было. Из соседних начальных школ сюда направляли выпускников. Алексей Петрович был назначен директором. Он же вел уроки естествоведения и географии. Валентина Ивановна русский и литературу. Были и другие учителя. Когда Алексей Петрович совсем разболелся – обнаружилась язва, директором стала Валентина Ивановна.

Здесь, в 1938 году родилась Ольга, а в самый канун войны – в 1941 г. – Володя.

Начало войны

7 июля немцы прошли мимо Горбова. Валентина Ивановна вспоминает:

«Немцы едут из Острова на машинах, на танках, на мотоциклах, на велосипедах... Как раз к Жгилеву дорога и видна была. Потом видим: из-за таких деревенских дорожек и идет полсотни солдат русских, пешком. Идут измученные, запыленные... Один солдат упал. Встал, начал поднимать винтовку, и не поднять – чуть снова не упал.

У меня корова не доилась, а у соседей доилась. Вот побежали они, молока принесли и солдат все молоком поили. А немцы уже в Жгилеве были. Потом в Жгилеве (и в Бухарах) сутки шел бой (пошла уже окруженная какая-то часть. В Бухарах солдаты заняли оборону, расставили артиллерийские орудия). Мы в окопе сидели (который горбовцы вырыли около мельницы на берегу Лиственки, тогда в нем сидело 28 человек). Вот обрыв – около окопа, над обрывом рос дуб. На дубу сидел снайпер (немецкий), мы слы-

шали как он стреляет, а около мельницы стояла батарея. Мы слышали, как они по-немецки командуют:... Огонь! Огонь! Огонь!.. Мои ребята притихли, а у Тони – такой же, как мой Володя (тоже 8 месяцев), плакал очень, мать хотела его задушить, так мы отняли и успокоили ребенка».

Война пришла и в Горбово. Ещё в первых числах июля 1941 г. Валентину Ивановну вызвал к себе секретарь Славковского РК ВКП(б) Цинченко Л.В. Предложил остаться в тылу врага в качестве партизанской связной. Партизаны заходили к ним с 1941 г. «С 1942-го года мать стала проводницей отрядов, а отец взял на себя роль связного». К ним чаще всего приходили П. Баранов и В. Смирнов из Первого полка ЛШПД, политработник Ф. Цветков. (из письма Олега Алексеевича 5.4.1986 г. Виталию Дмитриевичу, начальнику Островского РВК).

У них на печи три дня прятались организаторы подполья. Из сошихинского райкома партии. Валентина Ивановна рассказывает: «Мы очень боялись. Счастье, что в то утро рано встали. Остались следы на снегу. Выгнали корову, стали её гонять, чтобы затоптать следы. Так никто ничего не узнал».

Оба старших Алексеева понимали и разговаривали по-немецки. Немцы предлагали им вернуться к преподавательской деятельности. Алексей поехал в волость и отказался, сославшись на болезнь, сказал также, что и жена не может работать, поскольку у неё грудной ребенок. Тогда немцы в здании гобовской школы сделали комендатуру (первая половина 1942 г.), а семью Алексеевых выселили в д.Усадище. Валентина Ивановна просила выделить им в Горбове хотя бы маленькую комнатку, но не дали.

В Горбове остался Иван Ильич, из репрессированных. Он с братом Феодором вернулся в эти края сразу после прихода немцев. Жил в школьном доме. «У нас жил во 2-й комнате». Сперва всем колхозникам раздали колхозную скотину, инвентарь, разрешили взять земельные наделы. Но вскоре появился прежний хозяин кобылы, которую получили Алексеевы, и забрал её.

Усадище была большая деревня. Староста размышлял, к кому направить Алексеевых. Говорит: «Куда ни отправишь – будут сердиться, так живите у меня». У него была двойная изба с сенями посередине. Алексеевым он отдал вторую половину.

Через деревню первое время проходило много пробирающихся по немецким тылам русских солдат. Староста распорядился топить бани по очереди. Солдаты прятались в теплых банях.

Из Горбова периодически приходил за продуктами немец Петер Хорст, за бутылку молока приносил буханку хлеба. В Горбове осталась водяная мельница и ещё старая барская пекарня.

Первый Горбовский бой

24 июня 1942 года на Горбовскую комендатуру было произведено нападение латышского партизанского отряда. Однако немцам накануне удалось поймать партизана, и он рассказал о готовящемся нападении. «Немцы послали Ивана Ильича далеко в поле лошадей смотреть... Он и увидел, что партизаны ползут, дал немцам знать». Внезапности не получилось. Бой был жарким, отряд понес значительные потери. Горбово защищал в основном отряд «щуцманов», или как их обычно называют «полицаев» – из местного населения. Их сопротивление было подавлено. Во время боя погиб кто-то из мирных жителей. Вспоминают мертвого десятилетнего мальчика случайно оказавшегося в одном из домов.

Однако коменданту удалось спрятаться в озере, где он отсиделился до прихода своих. Партизаны схватили Ивана Ильича и его жену и расстреляли. Комендатура (школа) и хлев около неё были сожжены.

После этого Алексеевы вернулись в Горбово, в свой дом. Валентина Ивановна отскабливала топором пол от крови. Заделывали разрушения в доме от гранатных разрывов.

Наших зарыли за домом, во рву.

Зарыли там, где убили.

Ночью видел я наяву

Лица их голубые

.....
Видел: раненых били в упор.

Выстрелы громче грома.

Не смог стесать тяжелый топор

Багряные пятна с дома...

(«Поздние яблоки»)

Потом, после немцев, в Горбове остался погреб – вниз 17 ступеней. Так потом там Алексеевы прятались. Была договоренность, вспоминает Валентина Ивановна: «Если только бой – я хватала Володю, Олю нес муж на руках, а Олег – сам уже. В погреб никогда по ступенькам не ходили, а подойдешь туда – ляжешь на спину и туда скатишься». Каждая секунда была дорога. «Ведь кто-то мог погибнуть».

Ужасы боев глубоко врезались в сознание восьмилетнего ребенка:

Мы не бежали – летели, наверно.

Помню тот белый путь,

Снег был матери под колена.

Мне – по пояс, сестренке – по грудь.

(«Белозерье»)

После боя зимой 1942 г. немцы хотели сжечь их дом, видимо, удобно стоял. «Партизаны в нашем доме дырки сделали на крыше, наблюдали и стреляли оттуда». Но когда пришли жечь, Валентина Ивановна вышла на крыльцо с детьми, стали плакать – некуда им деваться. Муж лежал дома больной. Немцы пожалели. Решили, что она никак не могла быть связана с партизанами.

Жили очень бедно. Валентина Ивановна вспоминает: «Зерна не было. Только картошку сажали. Картошка и молоко – вот вся наша еда... За солью ходила в Порхов, пешком за 60 км. Меняла 1 кг масла сливочного на 1 кг соли и рада была. Без соли-то не проживешь, а без масла можно прожить». Но порой Господь посылал им утешение. Неожиданно, летом прилетели за обшивку дома пчелы. Так что мед был. «Сахара ведь не было».

Я ставил на ночь перемет

На Черном озере весною...

И вдруг ударил миномет,

И полнялась вода копною.

.....
А утром пленных привели,

Тех минометчиков как будто.

И поднял камень я с земли,

Но вот не бросил почему-то.

(«Поздние яблоки»)

Немцы однажды пришли греться. Валентина Ивановна рассказывает: «Немец спросил: «Сколько детей?» Я говорю – трое. Вот он достал, у них такие конфеты были «Бон-бон». Разделил на три кучки. Олег схватил, Ольга схватила. Володе подаю: – Конфеты! – не берет. Сахар! – не берет. Сказала: Сухарь! – и в рот потащил. Думал, что лучше сухаря в свете нет ничего».

Одно время скрывала в подвале раненого партизана, кормила его.

В доме карманных фонариков вспышки...

В доме на желтой соломе спят

Гости – простуженные мальчишки,

В мокрых валенках, в шубах до пят.

(«Поздние яблоки»)

Ремни автоматов к плечам прикипели,
Лямки скручены у вещмешков.
Крестом – самодельные портупей
Из довоенных их вещмешков...

(«Поздние яблоки»)

В первую военную зиму дров заготовить не успели на школу – началась война. Валентина Ивановна носила дрова из леса на себе, с Олегом потом пилили. Она вспоминает: «Олег пилу держал, а я её взад и вперед толкала».

Как-то на Черное озеро прилетал наш самолет. Ребят хотели отправить, но их не нашли. Олег запрятался.

«Всю войну молились с детьми. “Отче наш”, “Да воскреснет Бог”, “Царю Небесный”... За победу молились. И ребята молились...».

Родители учили детей скрывать свои чувства. Приходилось быть очень осторожными. Часто появлялись провокаторы, выискивавшие связанных с партизанами.

В 1942–43 гг. спали практически не раздеваясь. Валентина Ивановна говорит: «Я вообще снимала только обувь. Дети все одетые спали. Так ведь – случись бежать, куда я их голых поведу?»

Я рос мальчишкой на войне.
Известно мне, поверь,
Как страшен ночью в тишине
Стук в запертую дверь.

(«Белозерье»)

Не менее половины стихов Олега Алексева передают образы пережитой войны: «Я помятью боли помню войну» («Белозерье»)

Ещё стихотворенье:

Бережем огонь, как сокровище,
А военная ночь темна,
Темнота, как злое чудовище,
Все глядит, глядит из окна.

.....
Страшно мне – даже рядом с мамою.
А братишка шепчет: «Молчи...»
И дрожим мы, детишки малые,
На горячей нашей печи.

(«Белозерье»)

Просит ягод мой младший брат.
Болен, извелся от боли...
Земляники надо набрать,
Но поляна – минное поле.

(«Отлунье»)

Вообще в его творчестве был как правило отражен некий собирательный, иногда идеализированный образ, не обязательно даже имеющий к их семье прямое отношение. Так есть, например, такие строки, которые к семье Алексевых не примеришь:

В доме немцы, а мы – в сарае,
Трое детишек с матерью юной.
Дождь ли тяжелый, ночь ли сырая,
Наше спасенье – сарай неуютный...

(«Белозерье»)

Наша семья – непонятное чудо! –
Выжила на войне...
А было тяжело, а было худо,
Ставили нас к стене...

(«Белозерье»)

Второй Горбовский бой

В апреле 1943 г. командир отряда В.И.Объедков посылает Валентину Ивановну на разведку в д. Лежниха, за ней лес 20 км. «Возьми корову, и возьми сына...». Когда шла с коровой, встретила на дороге немцев, объяснила по-немецки, что ведет корову к быку. А ночью уже пришел отряд, довела его до Лежнихи. «Командир отряда только стал мне руку жать, благодарить, в это время началась стрельба».

Во время боя патизанского заслона у деревни Горбово отряда И.И. Грозного с немцами Олег принес диски с патронами партизанскому пулеметчику. Пулемет заклинило, и его послали за отцом, чтобы тот принес инструменты. Отец принес плоскогубцы и молоток, пулемет был починен.

Темно в расстрелянном лесу,
Скрежещет снег – тяжелый, плотный.
Бегу, отчаянно несущу
Коробку с лентой пулеметной,
Мне партизан кричит: «Ложись!»
Но я коробку не бросаю.
Свою коротенькую жизнь
В снегу растоптанном спасаю.
Я изо всех мальчишеских сил
Ползу к окопу, к тесной щели.
И сумасшедше бьет «максим»,
Чтоб доползти я смог до цели.

Я оглянуться не могу
Под пулями, среди воронок...
Одна защита на снегу –
Коробка, полная патронов.
(«Белозерье»)

Во время этого боя мать находилась в глинобитном здании бывшей пекарни, а он сам с отцом ушли в соседний дом (бывшая усадьба, позже сельсовет).

Почти на самом переходе между Белым и Черным озером у Горбова стоял бывший господский дом, превращенный в советское время в сельсовет, куда местные жители по весне собирались на «маевку», но он был сожжен.

Всего заслон стоял в Горбове 3 дня, пулеметчик жил у Алексеевых. Олег Алексеев потом рассказывал: «Когда подошли фашисты, нашу семью на санях увезли на лесной край деревни. Там всё и произошло. Позиция у пулеметчика была великолепная – впереди два озера, между ними всего 83 метра. Два дня партизаны держали чуть ли не батальон, а в заслоне было всего пятеро-шестеро партизан».

Наконец всё-таки арестовали Алексея Петровича, из Горбова увезли в Остров, в тюрьму. Набрали целую машину, всех кто там жил – все были связаны с партизанами. Хотела дать мужу с собой топленого масла – на разрешили.

Везли через Бухары-Сигорицы. В Бухарах Алексея Петровича накормили женщины. А у него в кармане – партизанские листовки. Сделали привал, и он в туалет все выбросил. Свекровь (Пелагея Блинова) потом выкупила его за золото (царские червонцы) через знакомого латыша Короля.

Отправка в Пушкинские Горы

В мае Алексеевых отправляли в Пушкинские Горы вместе с колонной местных жителей. Немцы зачищали зону действия партизанских отрядов.

Дали 10 минут на сборы. Ящики из комода вытряхивала прямо в мешок. Потом, когда разбирали, что удалось взять, оказалось 5 носков на всех, причем для мужа не взяли ни одного.

Утром согнали людей в колонну,
Сказали, что ждет земля чужая.

О, как метались вокруг исступленно
Ласточки наши, нас провожая!
.....
И вспыхнули наши дома, сараи,
Шел с нами огонь до самой границы,
Все вижу: пожар без конца, без края,
Бездомные люди, бездомные птицы
(«Белозерье»)

Нас вывели из дома под конвоем.
Каратели постройки подожгли.
И мы пошли весенним теплым полем
По краешку обугленной земли.
Тропинка нависала над водою.
Я вел корову, мать несла узлы
С поклажей, с тяжкою судьбою.
Угрюмая, лицо темней золы.
.....
Держась за мать,
Плелись сестренка с братом,
Испуганные насмерть малыши.
Молчали оба с видом виноватым,
И ветер гнул их, будко камыши.
Картавый ворон нам пророчил беды.
Чужие горы стали вдруг видны.
До нашего спасенья, до Победы,
До жизни оставалось – полвойны...
(«Поздние яблоки»)

Алексеевы расставались с Судомским краем.

В докладе были использованы материалы переписки и нескольких интервью с Валентиной Ивановной – матерью поэта, интервью с его сыном Алексеем Олеговичем, материалы из писательского архива Олега Алексеевича, а также отрывки из его стихотворных сборников разных лет:

Примечания

Костер у Сороти. – М.: Изд-во «Прометей» МГПИ, 1990.

Поздние яблоки. – М.: Современник, 1986.

Белозерье. – М.: Молодая гвардия, 1980.

В.И. Кронберг – педагог и краевед

В 1920-е гг. – «золотой век» советского краеведения – были созданы и с разной степенью активности действовали краеведческие организации почти во всех уездах Псковской губернии. Как правило, ядром их становились музейные работники и работники образования, вовлекавшие в краеведческую работу других представителей интеллигенции и своих учеников. Так было и в Порхове, где своей активностью выделялся Валентин Иванович Кронберг, в отдельные годы выступавший одновременно в двух качествах: педагога и музейного работника.

Родился он 14 февраля 1888 г. близ местечка Оппекален Лифляндской губернии в семье безземельного крестьянина: дед его, швед по национальности, был батраком, безземельным крестьянином – отец, из такой же семьи происходила мать. Поиски заработка заставляли отца неоднократно менять место жительства. По этой причине семья оказалась в Пскове, где отец устроился чернорабочим службы пути станции Псков-2, а в 1900 г. он умер и, как немущий, был похоронен за счет Николаевской больницы на Мироносицком кладбище.

Валентин до 1901 г. с перерывами, вызванными переездами отца, а затем и его смертью, посещал начальное училище. После окончания его он по совету знакомых был определен в Псковское духовное училище на так называемую миссионерскую стипендию, установленную правительством России в школах духовного ведомства для обучавшихся в нем инородцев. По окончании 4-го общеобразовательного класса Кронберг, как не имевший особого влечения к церковной службе, подал прошение об уходе из духовного училища. Попытка продолжить образование в Рижском политехническом институте не удалась из-за отсутствия средств, а также необходимости расплатиться или отслужить пять лет за получаемую им ранее стипендию. Тогда он предпринял другой шаг: в 1909 г. выдержал испытания на звание народного учителя и 15 сентября того же года стал преподавать в Алексеевской церковно-приходской школе Пскова. Работая учителем, он продолжал самообразование, начал писать статьи для педагогических жур-

налов, занялся переводами литературных произведений с латышского языка на русский. Родственники его оставались в Латвии, и Валентин Иванович в 1912 г. в последний раз их навестил, в дальнейшем не поддерживая никакой связи.

В 1914 г. он добился перевода на службу по ведомству Министерства народного просвещения и стал работать учителем русского языка в Порховском высшем начальном училище. Тогда же он подготовился к сдаче экзаменов за курс учительского института, но сделать этого не успел, т.к. в 1914 г. был мобилизован в армию. После службы в запасных частях он в 1916 г. оказался в управлении коменданта головного участка станции Крейцбург Виленского района, где прослужил солдатом до Февральской революции. В марте 1917 г. В.И. Кронберга избрали председателем солдатского комитета и помощником коменданта участка, а с октября 1917 г. по март 1918 г. он состоял членом фронтового комитета частей, подведомственных начальнику военных сообщений армий Северного фронта, в Пскове, занимая должность председателя культпросветкомиссии. С наступлением кайзеровских войск он в феврале 1918 г. эвакуировался с последним составом из Пскова в Бологое, затем в Тверь, а оттуда в Москву, где и был 30 мая 1918 г. демобилизован.

После этого В.И. Кронберг возвратился в Порхов и активно включился в работу на ниве просвещения и в общественную жизнь: с 12 июля 1918 г. являлся членом уисполкома, некоторое время заведовал УОНО, затем – его внешкольным подотделом, был председателем уездного отдела профсоюза работников просвещения. В 1922 он перешел работать учителем и заведующим школой I степени им. Ленина, но 15 апреля 1924 г. вновь вернулся на работу в УОНО в качестве инспектора¹.

С 1918 г. в Порхове по инициативе энтузиастов и местной общности, главным образом работников образования, начал создаваться уездный музей, куда собирали ценности из бывших дворянских усадеб – мебель, картины, ковры, книги, различные документы и др. Работа эта шла под руководством учительницы В.Н. Еровой. Начало постоянному музею положила историко-революционная выставка, открытая ко 2-й годовщине Октябрьской революции в 1919 г. С момента открытия и до 1924 г. В.И. Кронберг занимал по совместительству должность заведующего музеем².

Музей задумывалось организовать по типу так называемых университетов, музеев – школ высшего типа. Для развертывания уже имевшихся историко-художественных предметов требовалось

не менее 5–6 залов. Временно решено было оборудовать три комнаты, а в перспективе подыскать помещение из 10–12 комнат, где развернуть музей полностью. С установлением санного пути зимой 1919–1920 гг. начался уже массовый вывоз из бывших усадеб предметов старины и искусства. О размахе этой работы говорят хотя бы такие факты, что 2 января 1920 г. УОНО просил исполком сделать распоряжение Пожеревицкому волисполкому о выделении в имение Князьи Горки 25 подвод «ввиду того, что будут перевозиться предметы искусства и старины», а 14 января коллегия УОНО постановила выдать В.И. Кронбергу «аванс в сумме 200 тыс.руб. на предмет перевозки художественных и исторических ценностей»³.

В результате уже в январе 1920 г. помещение музея было целиком заполнено вывезенными предметами: «сейчас музей так загроможден вывезенными предметами, что временно прекращен доступ в него посетителей» – отмечалось в отчете УОНО за январь 1920 г.⁴. Работа по вывозке ценностей занимала почти все время работников.

Вскоре В.И. Кронберг представил исполкому свои соображения об организации музея: сформулировал свое видение этого учреждения, его структуру, назначение, перечислил основные первоочередные меры и др. (См.: Приложение 1). Хотя этот документ не датирован и не имеет подписи автора, есть все основания считать таковым В.И. Кронберга, т.к. последующие события показали это. Исполком созвал 24–25 января 1920 г. в Порхове совещание с участием сотрудника Петроградского отдела охраны памятников старины и искусства К.Н. Качалова и уполномоченного по Псковской губернии от Петроградского музейного отдела Е.М. Тихвинского, на котором по докладу В.И. Кронберга было выработано Положение об организации музея (См.: Приложение 2). Как можно видеть, в нем были учтены многие предложения В.И. Кронберга, хотя от них и веет романтикой революционного времени, а некоторые с позиций сегодняшнего дня кажутся утопическими.

Экспонаты для музея поступали не только путем вывоза ценностей из имений, но и приобретались в других местах. 11 июня 1920 г., например, коллегия УОНО выделила аванс в 100 тыс. руб. «на покупку экспонатов для Порховского музея на Псковской художественной выставке», командировав для этого В.И. Кронберга и А.Н. Хрисанфова. Они из выделенной суммы израсходовали 75 785 руб.⁵. 28 июля исполком рассмотрел заявление В.И. Крон-

берга о выделении аванса в 30 тыс. руб. «для приобретения необходимых материалов для музея» и поездки в связи с этим в Москву. Просьба была удовлетворена⁶.

«В данное время приступлено к расширению Порховского пролетарского музея им. Октябрьской революции, – отмечалось в докладе о деятельности Порховского исполкома за декабрь 1920 г. – Предположено развернуть художественно-справочную библиотеку и приступить к научному изучению вывезенных богатств. В пос. Дно из части историко-художественных вещей, хранящихся в подвалах при Дновском исполкоме, развертывается музей»⁷.

В.И. Кронбергу на посту заведующего внешкольным подотделом УОНО приходилось заниматься и другими вопросами. 17 апреля 1920 г., например, он участвовал в заседании по выработке «Проекта устава художественной колонии в Холонках»,⁸ а несколько раньше, 20 января, на заседании отдела по его предложению было принято решение об организации «Практического библиотечного семинария». В.И. Кронберг предлагал установить трехмесячный срок обучения, но совещание после обсуждения остановилось на 4,5-месячном, включив в программу семинария общий курс о внешкольном образовании, историю книгопечатания, историю библиотек, методы библиотечной работы и др.⁹

10 июля 1920 г. коллегия УОНО по личной просьбе В.И. Кронберга освободила его ввиду большой занятости от должности школьного работника с оставлением всех остальных и сосредоточением на работе в профсоюзе работников просвещения и искусства. Но за ним сохранялось место в школе, которое при первой же возможности он снова мог занять¹⁰.

Сотрудники музея стали основным ядром созданного в январе 1921 г. уездного общества краеведения – первого в губернии (такого общества тогда еще не было даже в Пскове), организованного по инициативе проживавшего тогда в Порхове профессора И.Е. Евсеева, который стал и его первым председателем. Общество занималось вопросами этнографии, археологии, истории и географии края, члены его приступили к обследованию древних водных путей между Новгородом и Псковом, пополняли богатства музея, заслушивали доклады по различным вопросам. Накопленные и озвученные в виде докладов материалы привели к мысли о собственном краеведческом издании, что удалось реализовать в 1922 г. Вышедшая тогда небольшая, 33-страничная иллюстрированная книжка «Известий общества изучения местного края гор. Порхова» вобрала в себя изложение докладов И.Е. Евсеева, М. Лебеде-

ва, А.И. Набойкина и др. Помещена была в нем и статья В.И. Кронберга «О собирании памятников древней народной словесности в Порховском уезде»¹¹.

Деятельность общества, однако, не удалось закрепить. Сказались и скоропостижная кончина профессора И.Е. Евсеева 4 августа 1921 г., и выезд из Порхова по разным причинам тех, кто стоял у истоков основания общества. В результате оно «стало слабее проявлять себя», а в 1924 г. фактически перестало действовать¹².

В.И. Кронберг по-прежнему работал в УОНО и снова вел преподавательскую работу в школе. «Как педагог – квалифицированный работник, – отмечалось в характеристике, составленной в 1923 г. – В Порхове первым выступил по реформе старой школы и введению трудовых процессов в ней... Вполне освободился от идеалистической буржуазной идеологии, сторонник исторического материализма»¹³.

В 1926 г. состоялось «второе рождение» Порховского общества краеведения: 16 июня административный отдел Псковского губисполкома утвердил его Устав. Общество насчитывало в своих рядах 36 человек – учителей, агрономов, врачей и др., обративших главное внимание на производственно-экономические проблемы, связанные с развитием сельского хозяйства и льноводства. В составе его образовались две секции: общественно-экономическая и естественно-историческая. Возглавил возрожденное общество В.И. Кронберг, секретарем стала В.Н. Ерова¹⁴. С возрождением деятельности общества активизировалась и работа музея. При содействии общества краеведения в 1925 г. был организован кружок юных краеведов при школе-семилетке им. Ленина, заведующим и учителем которой в это время являлся В.И. Кронберг. В 1925 г. он объединял 49 человек, в начале 1929 г. – 56, а в конце того же года – 68. Работа в нем велась по трем секциям: юных натуралистов, общественно-экономической, юных охотников, действовал также фотокружок. Кружком краеведения был выпущен один номер рукописного журнала «Юный краевед»¹⁵.

Материалы, собранные юными краеведами, были представлены на выставке, подготовленной к открытию 25 февраля 1927 г. в Пскове губернского съезда краеведов. По окончании работы съезда впервые было избрано губернское бюро краеведения, руководившее работой краеведов всей губернии, в состав которого вошел и В.И. Кронберг¹⁶.

Много забот было у него и как у заведующего школой-семилеткой им. Ленина. Весной 1927 г. в связи с готовящимся перехо-

дом ко всеобщему начальному образованию встал вопрос о постройке нового здания школы, а средств, как это часто бывало, не хватало. И В.И. Кронберг предложил создать специальный фонд. 16 марта 1927 г. по его докладу Президиум Порховского горсовета одобрил эту идею и сделал первый взнос: отпустил «в организуемый фонд 50 руб. из сумм непредвиденных расходов»¹⁷. 30 мая 1927 г. с этим же докладом В.И. Кронберг выступил уже на Пленуме горсовета, который постановил:

«1. Идею создания памятника великому вождю пролетариата в г. Порхове в виде постройки школы им. Ленина, выдвинутую населением на родительских собраниях, детьми и профсоюзными организациями – поддержать, для чего утвердить при горсовете фонд постройки школы им. Ленина;

2. Учреждение фонда постройки школы им. Ленина должно явиться одним из наиболее реальных способов отметить наш рост к 10-й годовщине Октября и пополнить твердый фундамент для организации советской трудовой школы в Порхове;

3. Источниками для фонда должны явиться: ежегодные отчисления по бюджету, пожертвования хозяйственных органов, советских организаций, отдельных лиц, поступления от устраиваемых для этой цели спектаклей, киносеансов, лекций, докладов;

4. Поручить Президиуму горсовета принять всяческие меры к популяризации этой идеи среди широких масс трудящихся слоев г. Порхова и уезда»¹⁸.

Деятельность же общества краеведения в связи с проведенным в том же году «районированием» начала спадать. 12 ноября 1927 г. в Пскове состоялся уже окружной съезд краеведов, на котором от Порховского общества краеведения с докладом выступил В.И. Кронберг. «Порховское общество, – отметил он, – самая старая ячейка в округе, объединяющая не только работников школ, но и агрономов, хозяйственников, студентов Вольшовского сельскохозяйственного техникума – будущих специалистов сельского хозяйства и др., которое свою главную цель видит в том, чтобы заинтересовать задачами краеведения широкие массы населения и принести практическую пользу местному хозяйству». В конце работы съезда В.И. Кронберг был избран членом Правления окружного общества и делегатом (в числе 3-х человек от округа) на 3-й Всероссийский съезд краеведов¹⁹.

Деятельность Порховского общества краеведения несколько оживилась в 1928 г. 3 апреля 1928 г. Порховский горисполком заслушал «Доклад о работе краеведческого бюро», с которым высту-

пил В.И. Кронберг. Отметив, что «работа общества краеведения проводятся недостаточно, и общественных форм эта работа еще не приобрела», Президиум горисполкома рекомендовал в течение десяти дней составить план работы, «дальнейшую работу общества увязывать с музеем, школами, метеорологической станцией, агрономами и техникумом индустриального земледелия», работу общества шире освещать в периодической и стенной печати, продолжить организацию краеведческих кружков в школах, «обсудить вопрос о необходимости и целесообразности объявления заповедниками крепости и городища, как сооруженных в XIII столетии и сейчас подвергающихся разрушению», провести перерегистрацию своих членов». Горисполком посчитал недопустимым «вывоз музейных ценностей и редкостей местного значения, найденных и приобретаемых краеведческим бюро, из местного музея в окружающей», а также предложил обсудить вопрос «о необходимости издания краеведческого сборника»²⁰.

Многое из намеченного, однако, осталось неосуществленным, в том числе и издание сборника: «Известия», вышедшие в 1922 г., остались единственным выражением деятельности порховских краеведов. 1 октября 1929 г. Президиум Порховского горсовета заслушал доклад «О работе музея» (зав. музеем Рабе), но решение оказалось коротким:

– провести обследование помещения и дать соображения о возможности расширения музея;

– с решением секции о ликвидации инвентаря, не имеющего музейной ценности, согласиться, для чего создать комиссию.

В состав последней от членов секции просвещения вошел и В.И. Кронберг²¹. Краеведческое движение в конце 1920-х гг. неуклонно шло на спад, и в начале 1930-х гг. деятельность обществ и кружков почти повсеместно прекратилась.

Дальнейшую судьбу Валентина Ивановича Кронберга проследить не удалось. В Порхове в первое послереволюционное время он проживал по адресу – площадь Революции, д.6, а затем – Средне-Ивановская улица, д. 2²².

Примечания

¹ ГАПО. ф.590. оп.2. д.354. лл.1–4; ф.608. оп.2. д.270. лл.1,3,4

² Вольное искусство. 1919. № 3. С.14; Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 1. С.15; ГАПО. ф.590. оп.2. д.354. л.4

³ ГАПО. ф.608. оп.1. д.317. лл.2,6,23,33; д.318. л.1

⁴ Там же. д.317. л.33

⁵ Там же. д.318. лл.90,96

⁶ Там же. л.103

⁷ ГАПО. ф.590. оп.1. д.582. л.7

⁸ ГАПО. ф.608. оп.1. д.319. л.28

⁹ Там же. д.318. л.5

¹⁰ Там же. л.98

¹¹ Псковский набат. 1921. 24 июля; Краеведение. 1923. № 2. С.198; Известия Центрального бюро краеведения. 1925. № 1. С.5; Познай свой край. Сборник Псковского общества краеведения. Вып.1. Псков. 1924. С.70

¹² Псковский набат. 1921. 1 сентября; 1924. 22 июля

¹³ ГАПО. ф.590. оп.2. д.354. л.5

¹⁴ Псковский набат. 1926, 14 июля; Известия Центрального бюро краеведения. 1926. № 7. С.231; Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. Л., 1927. С.4

¹⁵ Псковский набат. 1929. 15 января; Познай свой край. Вып.3. Псков. 1927. С.125; Вып.4. Псков. 1929. С.148

¹⁶ Познай свой край. Вып.3. С.118; Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 3. Сс.102–103; Псковский набат. 1927. 26 и 27 февраля, 1 и 2 марта

¹⁷ ГАПО. ф.608. оп.1. д.1184. л.21

¹⁸ Там же. д.1186. л.73

¹⁹ Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 10. С.374; Псковский набат. 1927. 14 и 16 ноября

²⁰ ГАПО. ф.324. оп.1. д.47. л.91

²¹ Там же. д.173. л.128

²² ГАПО. ф.590. оп.2. д.354. л.4; ф.608. оп.2. д.30. л.23

Г.К. Насурдинова

Судьба разведчицы Второй партизанской бригады Татьяны Марковой

Учетная карточка, составленная на Маркову Татьяну Марковну 1902 года рождения, жительницу деревни Роговая Дедовичского района Псковской области, заинтересовала тем, что на ней красным фломастером крупным размашистым почерком было выведено «судьба неизвестна...»¹. Карточка хранится в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике. В картотеке есть и ее фотография²: сурово-пристальный взгляд, решительно сжатые губы. В руках винтовка.

Татьяна Маркова, разведчица Второй партизанской бригады, была включена в делегацию, сопровождавшую 5 марта 1942 года легендарный хлебный обоз из Партизанского края в блокадный Ленинград³. Там, в Смольном, куда их пригласили на встречу с секретарем ЦК ВКП(б) Андреем Александровичем Ждановым, была сделана эта фотография. Делегация состояла из 22 человек. Судьба 21-го делегата известна⁴, Татьяны Марковой нет...

Писатель Иван Виноградов в своей книге «Дорога через фронт» коротко упоминает: «Тётя Таня умерла сразу после войны, но когда и где, неизвестно»⁵.

О Марковой не было точных данных и в воспоминания других партизан. Например, руководитель делегации А.Г. Порученко пишет: «След тёти Тани оборвется январем 43-го года»⁶. Комиссар 5-й партизанской бригады И.И. Сергунин отметит в своих воспоминаниях: «Судьба бесстрашной Татьяны Марковой во мгле»⁷. В личном интервью он говорил, что в одно время на оккупированных территориях по деревням и селам разнеслась молва: «Маркова предала своих. Но я лично в это не верю, всей правды тоже не знаю».

...Кто бы из бывших бойцов Второй партизанской бригады, проживавших в нашей области, в Ленинграде или на Псковщине, не взглянул бы на ее фотографию, то неизменно вспоминал нехитрую ласковую частушку:

Партизанам мать родная
И сестра она, и няня,
И подруга боевая,
Наша гордость – мама Таня!

Её называли партизанской матерью, обращались со словами «мама Таня» или «тетя Таня»⁸.

Маркова появлялась неожиданно у партизан – приносила продукты, одежду, медикаменты, чистые бланки документы на немецком языке, печати и другие трофеи. И так же незаметно исчезала с новым заданием⁹.

В гуще людей она была неприметна. Внешность неяркая, незапоминающаяся, как в народе говорят: «ни уродства, ни красоты». У разведчиков этот типаж зовется «размытое лицо».

Но она была хороша той неброской красотой северной славянки: большие серые глаза, сияющее белизной лицо. Была полновазой, но очень статной. Вот такой портрет нарисовался мне после разговоров с множеством знавших ее людей.

В характере Марковой было столько твердости, решительности, сдержанности, что с первого общения любой человек проникался к ней уважением и доверием. Она, как никто другой, умела располагать к себе людей от мала до велика. В разговоре как будто забывала о себе, и всё внимание было направлено на собеседника. Вникала в его беды, в его тревоги и проживала эти минуты своей жизни чужими проблемами.

Боевые друзья Татьяны Марковны, вспоминая ее, анализируют, дают объективную характеристику этой уникальной натуре. Они подчеркивают, что она от природы человек дипломатичный, умела скрывать свою сущность, хранить тайны.

Говорила певуче, но манера речи была лаконичной, даже скупой. От нее веяло удивительным спокойствием, ясностью и чистотой. Каждому находила ободряющее слово, кого-то могла приструнить, другого похвалить. Совсем немногие знали ее фамилию. Для всех, от комбрига до юного разведчика, она была просто «мама Таня»¹⁰.

«Интереснейшая судьба. Сильная личность, партизанка. Пропала без вести... Февралем 43-го года ее след обрывается, и никаких данных о ней больше неизвестно», – сказала мне бывший старший научный сотрудник сектора Отечественной войны Новгородского музея-заповедника Юлия Васильевна Смирнова. Но я чувствую – за этой женщиной большая тайна, уверена: еще одна нераскрытая страница партизанской истории, с ее деятельностью

разведчицы связаны многие и многие, еще неизвестные имена. Маркова входила в число неуловимых и опытных разведчиков. Чем она была ценна? Мне удалось установить, что у партизанки было много связных в селах, деревнях, на станциях, большое количество явок.

Татьяна Марковна Маркова иногда в секретных документах для штаба или отчетах упоминается просто Марковна или же Филиппова по фамилии мужа, бойца Второй партизанской бригады. Конспирируется в партизанских сводках под мужскими именами: Марко, Иванько, Тихонов, Ильин. В немецких комендатурах она регистрировалась как религиозная служительница Пюхтинского женского монастыря в Эстонии, странствующая как паломница. В оккупированном Пскове ее знали под именем матери Таисии¹¹.

Первый вопрос, который возник, был такой: почему ее называли мама Таня?

Г.И. Поруценко: «Это обращение прикрепило за ней вслед за мальчишками-подростками, которых было много в партизанских отрядах. Осиротевшие в годы войны, они чутко отзывались на ласку¹².

«Мама Таня» – это были слова благодарности за доброту. «Я полностью согласна с утверждением Поруценко, – сказала Юлия Смирнова. – Мальчишками-связными в бригаде ведала Маркова». С этими словами она показала мне фотографию мальчишки, которую обнаружила в фондах музея. Действительно, на обратной стороне стояла скупая надпись: «Оська, 10 лет. Вторая партизанская бригада, связной партизана Тихонова».

Оська – это вымышленное имя или истинное? Остался парнишка в живых или нет? Судьба его тоже не известна.

До войны Татьяна Маркова была единоличницей, в колхоз не вступала. Муж же был колхозником. Вела домашнее хозяйство. Жила замкнуто, но на всю округу слыла доброй хозяйкой. Просторный дом, всегда свежесмытый с палисадником в зарослях кустов алых мальв, на улице перед окнами – ряд стройных берез. Переделав домашнюю работу, накрывалась цветной шалью и любила сидеть летними вечерами на скамеечке перед домом. Смотрела вдаль, отсюда открывался вид на колхозное ржаное поле, дорогу, перелесок, а там шла даль необъятная.

Встречаясь с жителями деревни, очевидцами, просила их вспомнить ее усадьбу. В деталях, красочно описывали крепко сколоченное богатое хозяйство: дом, подворье, глубокие землянки со льдом

для хранения продуктов, большой сад с яблонями, сливами, вишнями.

Весной сад алел и белел, и она, очень аккуратная, в тонкой полотняной, расшитой блузе, хлопотала по своей усадьбе. Зимой ткала, вышивала, расстелив на чистом снегу льняные полотна, отбеливала их. Стирала белье на реке, била валиком, что стук слышался на всю округу. Держала двух лошадей, умело запрягала, ездила на базар в Дедовичи, там была свое место. Были и свои покупатели. Продавала ягоды, молоко, сметану, грибы – сушеные, соленые. Звали ее на свадьбы, на крестины. Пекла пироги, ставила брагу, варила пиво. В июле собирала травы, коренья. Умела снять боль с живота, поясницы, успокоить плачущего младенца, заговорить грыжу... Ее не нужно было упрашивать – посылали за ней ходока, и она приходила. Пекла, лечила, давала советы, но не бесплатно. Обычно брала плату льняным полотном. Все отмечали какую-то страсть к свежесмытому полотну.

В знойное лето раскрывала клетки, амбары, сундуки. Всё ее богатство было на виду: пуховые одеяла, перины, подушки, кумачовые скатерти, льняные изделия, тулупы, расшитая одежда.

Отмечала религиозные праздники. На Рождество в январе 1941 года заколола двух поросят, продала мясо на базаре, и на вырученные деньги пошла обнову – шевиотовое темно-синее пальто с воротником из черно-бурой лисы, спадавшим ниже пояса. В новогодние дни и вплоть до Масленицы прогуливалась под руку чинно с мужем в этом наряде. На безымянном пальце правой руки носила массивное золотое обручальное кольцо¹³.*

Когда началась война, ее муж вступил во Вторую партизанскую бригаду¹⁴, а она стала еще большей затворницей, продолжала аккуратно вести свое домашнее хозяйство. Всем говорила, что война – дело временное и обойдет ее дом. Немцев сейчас отгонят и настанет снова мирная жизнь...

Но вот уже вражеские сапоги застучали на Псковщине, немцы дошли и до их деревни. Однажды она в лесу у маленького аэродрома обнаружила пятерых раненых красноармейцев. На следующую ночь запрягла лошадь и в темень привезла их и разместила в доме. Когда враг занял деревню, у нее в доме уже находилось 12 красноармейцев.

*На сельском сходе жителей Станковского сельсовета в феврале 1942 года именно это кольцо Маркова сдала в фонд «Помощи блокадному Ленинграду».

Немецкого офицера Татьяна вышла встречать в расшитой блузе, шею украшал яркий гранат. Провела его по чистым домотканым половичкам, усадила за стол, подлила вина собственного приготовления из отжатого крыжовника. «Всегда заходите в мой дом, гер-офицер», – сказала ласково. И вскоре получила документ о том, чтобы ее дом не занимали на постой солдаты, и за сохранность ее хозяйства деревенский староста нес ответственность своей головой¹⁵.

В доме появились пригожая молодая работница и крепкая проворная старушка. «Это паломницы, – заявила она деревенским, – будут присматривать за моим хозяйством». Татьяна Маркова стала именоваться «барынькой», у нее был пропуск, и она беспрепятственно могла ездить в город, на базар. Бывала в Дедовичах, Порхове, Дно, Старой Руссе.

Вскоре ночью она погрузила на телегу поправившихся красноармейцев, замаскировала их копной сена и поехала якобы на базар торговать. Но свернула в лес, на партизанскую базу. Там на дороге, в условленном месте подводу встретил ее муж, и они отправились к партизанам.

Дом Татьяны Марковой стал явочной квартирой. По заданию начальника особого отдела Второй партизанской бригады Николая Иванова она ходила в деревни, где располагались немецкие гарнизоны, добывала ценные сведения, запоминала дороги, проулки, чтобы четко партизаны могли провести боевые операции. В декабре 1941 года приняла Клятву ленинградского партизана и стала разведчицей¹⁶. Она была неуловима, ее знали во многих деревнях и селениях. Странствовала то нищенкой, то монашенкой, то сидела на базаре торговкой, то брела по деревням как погорелица, а в Пскове в дни празднования годовщины оккупации ходила по улицам. С ней видели мальчонку. Звали его Оська.

Именно эта бесстрашная разведчица устанавливала связи Вологовского и Порховского подполья с разведотделом Второй партизанской бригады. Благодаря этому устраивались уникальные операции по освобождению узников Порховского концентрационного лагеря для военнопленных, которые потом вливались в ряды партизанских бойцов.

«Товарищ Маркова является активным бойцом вооруженного народного ополчения» – из отчетов партизанской оргтройки.

На последнее задание разведчица Маркова отправилась по поручению начальника особого отдела Второй партизанской бригады Николая Иванова. Цель: изучить обстановку в деревнях

Яблонец, Татинец, Алексино, Подсобляево. Там в районе Поддолье и Белеболки дислоцировались первые и вторые роты карательного Восточно-Егерского 667-го батальона «Шелонь».

Из боевого задания Маркова не вернулась. Партизанской разведкой ее сле~~д~~ не был обнаружен.

Дальнейшая судьба Татьяны Марковой стала известна мне в личном интервью с Василием Петровичем Михеевым, Почетным сотрудником госбезопасности СССР.

Михеев: «Были опрошены сотни жителей близ лежащих деревень, бывших под оккупацией врага. В итоге мы установили, что Маркова не предательница. В ходе следствия оперативным путем были получены материалы которые четко поясняли, что партизанка попала в руки карателей. Например, достали фотографию Марковой через родственников. Ее узнали сотни свидетелей. Также эту фотографию предъявили изменникам Родины Алексашкину, Измайлову, Бурову, Гуревичу, которые опознали в ней очередную пленницу батальона «Шелонь»».

При возбуждении следственного дела на преступников в 1962 году из Московской области был вызван бывший каратель Павел Алексашкин, который впервые обмолвился о том, что при очередной проческе леса карателями были схвачены две партизанки...

Алексашкин П.В., проживающий в поселке Глухово Нагинского района Московской области: «Расстрелы задержанных партизан и мирных граждан, заподозренных в связях с партизанами, Рисс* доверял определенному кругу лиц, которые пользовались у него большим доверием. В частности, эти расстрелы Рисс поручал своим ординарцам Николаю Иванову, Федору Проклиенко, а также Григорию Гуревичу.

Лично мне о их участии в расстреле партизан и мирных граждан известны следующие факты: когда первая и вторая роты и штаб 667 карательного батальона дислоцировались в деревне

*Рисс Александр Иванович 1904 г. рождения, уроженец Алтый-Маркет Евпотарийского района Крымской области, немец, гр. СССР, бывший капитан Красной Армии.

В июле 1941 года Рисс был направлен на фронт, где добровольно перешел на сторону немцев и поступил на службу в разведывательный орган, приданный 16-й Германской армии. В феврале 1942 года по заданию немцев приступил к формированию карательного отряда для борьбы с советскими партизанами. Вскоре этот карательный отряд был реорганизован в 667-й батальон «Шелонь». Сначала Рисс являлся командиром второй роты, потом командиром батальона.

Алексино, в указанную деревню разведчиками батальона были приведены две женщины. Одна из них была средних лет, а вторая – молодая девушка.

На другой день в землянке командира минометного взвода, Гуревич в моем присутствии рассказывал, что этих женщин по приказу Рисса расстреляли в деревне Подсобляево, куда обычно уводили на расстрел задержанных. О том, что эти женщины были расстреляны, я могу привести еще такой факт: на другой день после рассказа Гуревича о расстреле женщин я пошел в деревню Подсобляево посмотреть бревна, которые нужны для строительства конюшни. Когда я пришел в деревню, то в картофельной яме увидел трупы этих расстрелянных женщин. Кроме того, в картофелехранилище, построенном нами в деревне Алексино, в одном из отсеков я увидел одежду, снятую с этих женщин, в частности два пальто темного цвета. Я видел женщин в этих пальто еще до расстрела, когда их привели в деревню Алексино».

На следующих допросах следователь добивается от Алексашкина более подробных сведений: «Я был очевидцем, когда из бункера Рисса вывели двух женщин. Одна повыше ростом, лет сорока, другая – 25-ти. Женщина, возрастом постарше, была одета в черное пальто с черно бурой-лисой. Женщин повели по тропинке к деревне Подсобляево. Пленницы не плакали. На лицах была смелость, и в то же время какая-то отрешенность. Они были в окружении вооруженных карателей Бурова, Измайлова, Проклиенко. Был вечер, сумерки сгущались, через некоторое время послышались выстрелы. Сначала из пистолета, потом из винтовок».

Следователь: «Вы узнаете, кто изображен на этих фотографиях?»

Алексашкин П.В.: «Да, я признаю вот эту расстрелянную партизанку. Я хорошо ее запомнил: лицо открытое, глаза смелые, белая кожа»¹⁷.

Николаева Л.А., рабочая совхоза Починное: «Во время войны жила в деревне Алексино, где были расквартированы первая и вторая роты батальона «Шелонь» и сам командир Александр Рисс. Знала всех карателей в лицо. Они часто, переодевшись под партизан, уходили из Алексино на несколько дней. Как-то привели с собой двух молодых женщин и мальчонку и расстреливали их за Подсобляевской горой»¹⁸.

Я помню такой случай: по приказу Рисса все жители были выгнаны на улицу, провели по деревне двух женщин, а потом спрятали в бункер. А вот мальчонку 10–12 лет, их связного, привязали

за ногу к хвосту лошади. На шее его болталась табличка с надписью «Партизан». И лошадь погнали по полям. Так он и погиб. Говорили, что Рисс истязал его, но мальчонка и слова не проронил. По деревне прошел слух, что он связной партизанки, которая ходила под видом монахини».

Буров П.В., бывший каратель «Шелони»:

«В ноябре 1943 года Проклиенко приказал мне взять винтовку и сопровождать двух женщин до бани, что стоит по дороге в деревню Подсобляево. Проклиенко, Измайлов и я повели их. Проклиенко и Измайлов заперлись с ними в бане, а я сторожил. Послышались женские крики, затем мы их полуодетых повели к яме и выстрелили им в спины. Стрелял первым Проклиенко. Он убил одну из них, затем вторую. Я тоже стрелял из винтовки, но мимо. А утром следующего дня Проклиенко встретил меня на улице и показал фото женщины. Я узнал, это была одна из них. Проклиенко довольный расхохотался: «Видишь, с какой птицей мы расправились». На фото была изображена женщина с автоматом. Мы установили, что это была партизанка-разведчица Маркова, которую мы уже ловили почти два года. За это получили железные нагрудные кресты от немецкого командования.

...Рисс сразу понял, что партизанка эта была важной птицей. Она лично имела связь с Ленинградом. Она была из тех, что под носом фашистов сумела провезти более 200 подвод с хлебом. Это я слышал из уст самого Рисса. Это он говорил перед собравшимися жителями деревни Алексино. Медаль он торжественно переправил в Псков в штаб тыла как доказательство того, что он не дремлет в партизанском крае».

Тимофеев Е.Т. – бывший каратель «Шелони»:

«В Алексино было очень много расстрелов. Почти каждый вечер в ночь они совершались. Расстрелянных объявляли партизанами. Людей доставляли со всей округи в деревню, в штаб батальона. Командиром был Александр Рисс.

Осенью 1943 года по дороге на село через лес схватили двух женщин. Арестованных посадили в начале в бункер. Рисс их допрашивал, истязал, а потом велел расстрелять».

Селихов Д.И. – свидетель:

«В деревню Алексино были приведены две партизанки. Одна молодая, другая постарше. Та, что постарше, была одета в пальто с чернубуркой. Ее взял к себе бункер Рисс. Вторую, тоже ладную, увел к себе каратель Алексашкин. Их изнасиловали, потом расстреляли...»¹⁹

Примерно через месяц пошел снег, и капитан Рисс приказал пошить из пальто бывшей партизанки куртку, воротник из чернубурки оставил и ходил по селам. Говорили, что чернубурая лиса была опознавательным знаком для связных этой разведчицы...

Но потом партизанские связные перестали выходить на этот опознавательный знак».

Жители деревни Алексино вспоминают, что темно-синяя куртка лежала во дворе никому не нужная и на ней спала гарнизонная собака Изольда.

Из других свидетельских показаний можно подчерпнуть такую информацию о Татьяне Марковой: немцами была выпущена листовка. За ее голову давали пятьсот марок. При обыске у нее нашли в подкладке темно-синего шевиотового пальто с чернубурым воротником медаль «За отвагу» под номерам 31537. Некоторое время командир Рисс носил ее на груди своего бушлата...

Но если по многочисленным свидетельским показаниям можно воссоздать картину казни двух партизанок, то факты пленения остаются неясными и расплывчатыми. В архивных и музейных фондах Великого Новгорода, Дедовичей, Порхова, Пскова, Санкт-Петербурга нет-нет да и встречаются строки в воспоминаниях бывших бойцов бригады, а также свидетелей из числа мирного населения, где они сообщают о фактах их поимки карателями.

Например, в следственном деле есть показания свидетеля Васильева М.А. о расстреле карателями Марковой Т.В. В частности, он сообщает: «...я с Тихоновой Татьяной Марковной и ее сестрой Марковой Екатериной Тарасовной ушли в более безопасное место в район деревни Яблоновка. Остановились мы в лесу близ деревни Роговая»²⁰.

Там, по его словам, женщины пекли хлеб в баньке, но услышали шум, стремительно убежали. Далее он продолжает, что после войны он нашел свидетельницу, которая ему рассказала, что сестры были схвачены возле баньки в лесу карателями и увезены в деревню Алексино.

Подобного рода откровения вызывают сомнения. Дело в том, что у Татьяны Марковой не было сводных сестер. Ее мама, Анна Ивановна, была замужем всего один раз. А тут мы видим, что и отчества у них разные – Марковна и Тарасовна. Деревня Роговая Дедовичского района в 1943 году была в зоне боевых действий 3-й бригады под командованием Александра Германа, а Вторая бригада имени Николая Васильева сражалась с врагом namного

западнее, в районе Холма, Поддоря, Старой Руссы. Деревни Яблоновка близ деревни Роговая не существует. Есть деревня Яблонец, куда была направлена на разведку Татьяна Маркова. Находится она возле Белебелки на нынешней территории Поддорского района. Мужа Татьяны Марковой, бойца Второй партизанской бригады, звали Тихон Филиппов²¹.

До сегодняшнего дня остаются не изученными многочисленные фонды партизанских документов, а именно: дневники и отчеты комиссаров, начальников штабов отрядов Второй партизанской бригады. В них можно по крупицам собрать единичные факты о боевой деятельности разведчицы Татьяны Марковой и воссоздать ее полный и масштабный образ как участницы всенародного Сопротивления. Архивные фонды открыты для исследователей.

Примечания

¹ НГМ КП31225–11, 15, 19, 34, 49, 54.

² Там же. КП31225–55 (коллекция фото).

³ ЦГА и ПД СПб фонд 0–116, опись 4, документ 170.

⁴ Там же.

⁵ *И. Виноградов*. Дорога через фронт. – М.: Изд-во «Сов. Россия», 1976. – С. 336.

⁶ ЦГА и ПД СПб фонд 0–116, опись 4, документ 170.

⁷ НГМ КП20646. (Коллекция документов И. И. Сергунина).

⁸ а) Там же.

б) *И. Виноградов*. Строчки пропахшие порохом. Л.: Лениздат, 1981. – С. 338.

⁹ ЦГА и ПД СПб фонд 0–116, опись 4, документ 170.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Личные интервью автора в Порхове, Дедовичах. 10–17 августа 2004 года В. Веселовой, О. Кочевниковой, Д. Орловым, И. Пантеевым, И. Семеновым, Г. Светловым.

¹⁴ ПГОМЗ, Порховский филиал, фонд 4, д. 10, «Коллекция документов Второй партизанской бригады».

¹⁵ Дедовичский краеведческий музей, фонд 02, папка «Хлебный Обоз».

¹⁶ ЦГА и ПД СПб фонд 0–116, опись 4, документ 170.

¹⁷ АУФСБНО, д. 12236. Т 1–6.

¹⁸ АУФСБНО, д. 1/3364. Т 1-23.

¹⁹ АУФСБНО, д. 7/56. Т 1-5.

²⁰ Там же.

²¹ ЦГА и ПД СПб фонд 0-116, опись 4, документ 170.

Приложение

Судьба неизвестна...	
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР	
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК	
УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА	
научно-вспомогательного фонда	
<i>Марисова Татьяна</i>	
<i>Марисова, 1902 г.р.</i>	
<i>до войны жила в д. Роговах</i>	
<i>Бедовицкого р-на ит.с.м.б.м.</i>	
№ инв.	№ АПА
Ини №	Ф 0-116
Негатив №	ок. 4
Акт поступл.	Ф. 110
	и. 19-20
Место хранения	
1. <i>У Марисовой Татьяны в семье с сестрой Татьяной в 1941 году в период войны</i>	
<i>две ручки так эта семья откуда все в калхэз "Сме-</i>	
<i>2. Количество "Мий". В июле 1941 года во время боя в</i>	
<i>3. Район территории Бедовицкого р-на Т.М. Марисова</i>	
<i>4. У Марисовой Татьяны в своем доме 5 раненых и раненой</i>	
<i>5. В период войны в своем доме Татьяна из немецкого тыла получила</i>	
<i>мешочки с табаком и балочками в распоряжении</i>	
<i>частей Красной Армии. Не удивительно, что в период</i>	
<i>своей эвакуации для трудящихся А.Ф. Татьяна</i>	

Благодарю за помощь в подготовке этого материала научных сотрудников НГМЗ Тамару Борисовну Зорину, Анну Павловну Минееву, бывшего научного сотрудника НГМЗ Юлию Васильевну Смирнову, директора Порховского филиала ПГМЗ Лидию Тимофеевну Васильеву, Почетного сотрудника госбезопасности СССР Василия Петровича Михеева.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Полоное и его обитатели по воспоминаниям, письмам, рассказам

Село Полоное Заполянской (ныне Полонской) волости стоит на реке Полонка, самой значительной по длине из притоков Шелони. Название, скорее всего, от основы «пал» – болото, но не исключена связь со словом «полюй» (полая вода, половодье), а также с древнерусским «болонье» – луг. В Новгородских писцовых книгах XVI века река называется несколько иначе: Полоная. Такое название имела и деревня. Еще наша деревня называлась Великое Село. Принадлежала деревня князьям Дондуковым-Корсаковым. В 1888 году по велению бывшего комиссара в Болгарии генерал-адъютанта от кавалерии Александра Михайловича Дондукова-Корсакова был построен дворец. Этот дворец, сооруженный по проекту архитектора А.А. Степанова, прозвали Белой виллой. Тарасова Пальмира Александровна вспоминает: «Здание находилось на берегу Полонки, откуда открывался великолепный вид на извилистую речонку, холмистые лесные массивы, на парк с тенистыми аллеями. Напротив дворца через дорогу находилась церковь-усыпальница во имя Нерукотворного Образа для князя и его родственников». Выписка из брошюры «Провинциальное искусство XIX века»: «Среди имений «с портретами» было особенно выделено имение Полоное Порховского уезда, принадлежащее генералу Дондукову-Корсакову. Весь дом – дворец, вернее сказать, настоящий музей картин, древнего и иного оружия, мебели и т.д., громадная и ценная библиотека» (ф.52. Порховский музей). Полоное было одно из красивейших мест, утопавших в яркой зелени цветов и экзотических растений. Вспоминает Короткова Ираида Александровна: «...Дворец был обнесен каменным забором, покрытым жостью. Перед дворцом была высокая арка – ворота, которая закрывалась на ночь, и спускались сторожевые псы, охранявшие центральную часть имения. На второй этаж, на котором размещалась библиотека с уникальными книгами, вела винтовая лестница». Рядом с усадьбой находился фонтан, вокруг которого располагались красивые статуи и цветочные вазы. Княжеский дом соединялся с оранжереей – двухэтажным зданием с громадным стеклянным куполом. В оранжерее опытные садоводы вы-

ращивали виноград, арбузы, лавр, дыни и другие южные растения. Ниже к реке вокруг прудов в форме квадрата и подковки стояли беседки. В парке росли орех маньчжурский, ель канадская, сосна кедровая, пихта, береза, лиственница и многие другие деревья. По берегам тогда еще многоводной Полонки в избытке росла черемуха. В имении активно велась хозяйственная деятельность. Здесь была сушилка, кузница, маслобойня, ледник, хорошие парники, а также винокуренный и пивоваренный заводы (ГАПО, ф20. Дело об освидетельствовании винокуренного завода Дондукова-Корсакова. 1860 г. Господину Псковскому гражданскому губернатору. Командированный сею палатой чиновник оной губернский секретарь Тихомиров при рапорте от 28 минувшего июля за № 4 предоставил акты об освидетельствовании им обще с назначенным Вашим Превосходительством старшим помощником правителя канцелярии Вашей коллежским секретарем Смирновым, при бытности за Порховского уездного предводителя дворянства, уездного судьи, внове выстроенного порховским помещиком тайным советником князем Дондуковым-Корсаковым при селе винокуренного завода, который при измерении оказался устроенным для выкурки вина из хлеба, в течение целого винокурения, т.е. 210 дней 12000 ведер в полугодие – ...) В газете «Коммунистический труд» за 30.03.1968 г. говорится: «В имении Полоное был старинный пивной завод. Его владелец почти постоянно жил за границей; во главе завода стоял управляющий Адам Адамович Пауль. В 1917 году (?) крестьяне устроили в имении погром». Владельцем винокуренного завода стоимостью в 15 тыс. рублей и пивоварни был Александр Сергеевич Оболенский в имении Полоное.

7 января 2007 года в княжеском доме Дондуковых-Корсаковых был устроен храм в честь иконы Божьей Матери «Споручница грешных». Храм получился уютный, в нем регулярно совершаются богослужения.

История моих земляков неповторимая, самобытная. Любой человек от мала до велика должен гордиться историей своего края, знать и любить ее. В Полоное жили и сейчас живут много замечательных и интересных людей. Одним из них является Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1820–1893), государственный и военный деятель, участник военных действий на Кавказе, Крымской и Русско-Турецкой войн. Верховный русский комиссар в Болгарии, Харьковский и временный Одесский генерал-губернатор, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа, член Госу-

вались крестьянам листки, газеты и книжки, которых крестьяне не читали, а разорвали. Толпа эта состояла преимущественно из учащихся, проживающих в городе Порхове, и учеников Полонской сельскохозяйственной школы». Думаем, что Эрнест принимал в этой сходке самое активное участие. Позднее он служил в Красной Армии, возглавлял ЧК города Оренбурга, умер при загадочных обстоятельствах.

Другим из интересных людей рода Гельштейн является Павел Петрович Гельштейн. О нем нам рассказали в своих письмах его дочери Вильгельмина Павловна, заслуженный учитель СССР, и Анетта Павловна, которые жили в городе Геническе Херсонской области. Их отец родился в 1881 году в Эстонии в семье бедняка, который батрачил на немецких баронов. Окончил пять классов в Порхове, затем ремесленное училище в Эстонии, получил звание мастера по дереву. Мог изготовить любую вещь из дерева или металла. Участник русско-японской войны 1904–1905 годов, Гражданской войны 1918–1920 годов. В 1922–1923 годах работал в органах ЧК. В 1925 году семья вернулась в Полоное, где был организован животноводческий совхоз. Его дочери Вильгельмина и Анетта вспоминают, что отец работал в столярной мастерской. В Полоное начиналась очень интересная жизнь: появился электрический свет, слышали голос радио, всем селом встречали первый трактор. Павел Петрович – активный участник общественной жизни села: руководил кружком безбожников, участвовал в клубной самодеятельности – музыкальном кружке, был редактором стенгазеты. В конце 20-ых годов совхоз «Полоное» стал льноводческим, льном были засеяны огромные площади земли. Павел Петрович задумался о механизированной обработке льна. В трудных кустарных условиях своими силами он изготовил первую ручную машину, которая расплющивала головки льна и провеивала семена. «...Изобретениями отца заинтересовались, вскоре льночесальная машина была пущена в серийное производство. Машина Гельштейна выпускалась Псковским заводом «Металлист», была единственной в СССР. В 1930 году завод выпустил 56 таких машин», – вспоминают дочери. В 1934 году Павел Петрович работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте в городе Торжок механиком-конструктором. В 1935 году награжден орденом Трудового Красного Знамени. Павел Петрович Гельштейн умер 11 ноября 1936 года.

Эльза Антоновна Вихман 1909 года рождения почти всю жизнь прожила в Полоное, работала с 1945 года, общий трудовой стаж

52 года. Работала заведующей центральным складом, а потом продавцом. Отличник Советской потребительской кооперации. За задержание в магазине вора-рецидивиста, который имел 13 судимостей, награждена именным самоваром. Эльза Антоновна и ее мать Эмма Петровна (1887 года рождения) рассказывали о том, что дедушка Петр Гельштейн был хорошим бондарем, старая княгиня Мария Никитична выписала его из Эстонии. Железной дороги тогда не было, всей семьей ехали в кибитке. Жили в доме, который сохранился до сих пор. Отец Эльзы Антоновны, Антон Иванович, приехал в Полоное в возрасте восьми лет, был талантливым слесарем. А мать, Эмма Петровна, была горничной у старой княгини. Ей было 20 лет, а отцу – 40. У них родились трое детей: Александр, Эль, Леонид.

Александр Антонович Вихман, 1903 года рождения. Его крестной мамой была сестра нашего князя Мария Михайловна Дондукова-Корсакова, которая часто приходила к ним, нянчила своего крестника, дарила ему сладости и подарки. Александр Антонович имеет среднее образование. В 1925 году вступил в ряды ВЛКСМ, в 1928–1929 годах был секретарем комсомольской ячейки совхоза «Полоное». Член КПСС с 1945 года. До войны работал механиком на Порховском льнозаводе. Участник Великой Отечественной войны, сражался в стрелковом полку, был пулеметчиком, имеет много правительственных наград. В послевоенный период работал слесарем механического цеха совхоза «Полоное».

Самым младшим из детей был Леонид, 1917 года рождения. Краеведам прислал письмо его старший сын Петр. «...Закончил отец шесть классов, потом курсы поваров в Ленинграде. Вся трудовая деятельность была связана с профессией повара: работал старшим поваром, шеф-поваром в санаториях «Холомки» и Хилово. Общий стаж работы 47 лет. Любимое занятие – рыбалка. Очень хорошо играл на гитаре, мандолине, балалайке. На пенсии с удовольствием занимался изготовлением красивых сувенирных шкатулок и других изделий из дерева. Эти поделки неоднократно посылали на районные и областные выставки, где отцу присуждали призовые места. Участник Великой Отечественной войны, награжден медалями. Умер в 1995 году, похоронен в Полоное».

Удалось разыскать сына Альмы Гельштейн и Павла Виллик – Виллика Леопольда Павловича, он родился в 1927 году. Окончил Тюменское военно-пехотное училище в 1949 году. Служил на Дальнем Востоке, затем в Прибалтике. Майор в отставке, весь 1955 год жил в Порхове. Заочно окончил исторический факультет Тюменс-

кого пединститута, работал учителем истории, директором вечерней школы. С 1987 года находится на пенсии, ветеран труда. Имеет двоих детей – Сергея и Елену.

Также мы переписываемся с Тарасовой Пальмирой Александровной и Коротковой Ираидой Александровной (дети Эмилии Гельштейн). Короткова Ираида Александровна, 1924 года рождения, училась в Заполянской, а затем в Красковской школе. В настоящее время проживает в Санкт-Петербурге. Ираида Александровна рассказывает в письме нам о том, что прадед Петр Гельштейн был вдовец, у него было десять детей. Князь Дондуков-Корсаков купил его в Эстонии, так как Петр был хороший краснодеревщик. Князь его поженил на очень молодой крепостной Марьюшке, которой было всего 15 лет. У них родились 12 детей.

Неоценимую помощь оказала Рита Оттовна Вихман (1937 года рождения) – правнучка Петра Гельштейна, дочь уважаемой мной земляками Эльзы Антоновны. Рита Оттовна окончила Полонскую семилетнюю школу, затем училась в школе № 1 города Порхова. Получила среднее образование. Пять лет работала в Порховской типографии. Вышла замуж, уехала с мужем в Сибирь, где прожила 40 лет. Работала учебным мастером в Политехническом университете. В 1992 году, выйдя на пенсию, приехала из-за болезни матери в Полоное. Имеет дочь Ларису и двух внуков – Леонида и Евгения. Низкий им поклон от краеведов школы за сохранение семейных традиций и родственных связей.

В 80–90-е годы мы встречались с удивительными женщинами, которые трудились в нашем хозяйстве, заботились о чистоте и уюте села. Они рассказали много о нашем крае. Хочу назвать их имена: Изотова Мария Силантьевна (1911 года рождения), Изотова Агафья Силантьевна (1903 года рождения), Кракалева Евдокия Силантьевна (1909 года рождения), Студнева Ольга Трофимовна (1912 года рождения), Дмитриева Клавдия Федоровна (1916 года рождения), Павлова Анастасия Тимофеевна (1903 года рождения), Иванов Василий Федорович, Зырин Александр Иванович. Дай Бог, чтобы их потомки об этом не позабыли. Строки Тютчева, смысл которых вполне применим к переживаемым событиям: «Единство, – возвестил оракул наших дней, – быть может спаяно железом лишь и кровью, но мы попробуем его спаять любовью, а там увидим, что прочней...».

Н.Ф. Левин

Материалы о Порховском крае в сборнике «Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам»

С 2004 года областная типография выпускает книги серии «Псковская историческая библиотека». В ней уже издано 12 книг. Свои работы опубликовали местные историки:

В.А. Аракчеев («Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках»),

А.А. Михайлов («Обаяние мундира. История Псковского кадетского корпуса»),

А.В. Седунов («Губернский городской. История псковской городской полиции в XVIII – начале XX вв.»),

М.Ю. Литвинов, А. В. Седунов («Шпионы и диверсанты. Борьба с прибалтийским “шпионажем и националистическими бандформированиями на северо-западе России»),

А.В. Филимонов («Псков в 1920–1930 годы. Очерки социально-культурной жизни»).

Посмертно вышла книга известного писателя И.А. Васильева, скончавшегося в 1994 году, «Завещание. Хроника жизни псковского села».

Вторую половину серии составляют переиздания дореволюционных публикаций по псковской истории, ставших раритетами, недоступными нынешним читателям. Репринтным способом напечатаны:

«Летопись Троицкого собора г. Острова Псковской губернии. Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии» (эти две книги протоиерея Н. А. Панова, изданные в 1912–1913 годах, выпущены теперь под одной обложкой),

«Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.» краеведа Л. И. Софийского, изданная в 1912 году к 500-летию Опочки.

Остальные четыре книги являются сборниками дореволюционных статей и брошюр на следующие темы:

«Порхов и его уезд»,
«Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Ба-
тория на Россию (1580–1581 гг.)» в переводе с польского О.Н. Ми-
левского,

«Храмы и монастыри губернского Пскова»,
«Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным
источникам».

Для этих переизданий специально подготовлены биографичес-
кие очерки о живших до революции авторах публикаций.

Последний из названных сборников содержит сведения о мо-
настырях и церквях, находившихся не только на территории со-
временного Псковского района. До революции Псковская губер-
ния состояла из восьми больших уездов. В состав Псковского уез-
да входили также весь нынешний Печорский район, северная по-
ловица Палкинского района, юго-западная часть Порховского
района...

Поэтому сборник «Святыни и древности Псковского уезда»
нужен и порховским краеведам. Им следует обратить внимание на
«Обозрение Его Высокопреосвященством церквей и приходов
Псковской епархии 13–22 июля 1909 года», извлечённое из «Псков-
ских епархиальных ведомостей». Во время этой поездки архиепис-
коп Арсений посетил несколько храмов в приходах, оказавшихся
теперь в Порховском районе, в частности погосты Славковичи,
Демяницы, Великие пустыни. Сопровождавший владыку автор
«Обозрения» сообщил о достопримечательностях этих мест и церк-
вей.

Последний раздел сборника составляют выписки из Клировых
ведомостей церквей и погостов Псковского уезда, хранящихся в
Государственном архиве Псковской области. Эти ведомости еже-
годно высылались в Духовную консисторию и содержали сведе-
ния о церкви и приходе: когда, кем и из какого материала постро-
ены храм и колокольня, сколько на нём колоколов и какие надпи-
си они имеют, где в приходе находятся часовни, богадельни, цер-
ковно-приходские и земские школы... В сборник вошли выписки
из Клировых ведомостей трёх указанных выше погостов, а также
Верхнего Моста и Рожнид. К сборнику приложена карта Псков-
ского уезда, которая поможет определить, где находились церкви
этих пяти погостов. Из них сохранилась только Успенская церковь
в Славковичах.

А.Е. Крылов

Литературные герои и их прототипы по произведениям И.Ф. Курчавова

1 июня этого года исполнилось 90 лет со дня рождения писате-
ля-порховича Ивана Федоровича Курчавова. За свою долгую
жизнь (он скончался четыре года назад на 87-м году жизни) пи-
сатель создал большое количество художественных и докумен-
тальных произведений. Главная особенность большинства их –
тесная связь содержания с историей Псковско-Порховского края.
Писатель любил свою малую родину, всегда интересовался её
богатой историей и многие события её сделал сюжетами своих
книг.

На территории Порховского уезда, в 70-х – 80-х годах 19 века,
происходят события в романе «Теплынь в Студенце», а главные
персонажи его – молодая учительница-народница Александра
Яворская и одиннадцатилетняя гимназистка Надя Крупская,
впоследствии тоже учительница и революционерка.

Действие романа «В стороне от главного удара» разворачи-
вается под Псковом и в окрестностях Порхова в годы граждан-
ской войны, а важнейшие действующие лица здесь – противобор-
ствующие красный и белый командиры Я. Фабрициус и С. Булак-
Балахович.

О знаменитой порховской льноводке 1930-х годов из колхоза
«Красная Берёза» Порховского района Минне Карловне Таппо,
получавшей рекордные урожаи льноволокна и льносемян, на-
граждённой за свои выдающиеся достижения орденами Трудово-
го Красного Знамени и «Знак Почёта», избранной депутатом Вер-
ховного Совета СССР, И.Ф. Курчавов, в довоенное время сотру-
дник районной газеты «Порховская правда», рассказал в своей
первой книге. Она называется «Как я получила высокий урожай
льна и добилась высокой выработки волокна». Написана книга
от лица героини.

Порховскому подполью в годы Великой Отечественной войны
посвящен роман И.Ф. Курчавова «Цветы и железо», – пожалуй,
лучшая и наиболее читаемая книга писателя. А о трагической
судьбе порховской деревни Красухи, сожжённой фашистами вме-

сте с жителями 27 ноября 1943 года, рассказывает документальная повесть «Красуха».

Псков и Великие Луки – города, где некоторое время жила героиня документальной повести «Ольга и Сергей», рассказывающей о боевой деятельности разведчицы-подпольщицы Ольги Грененберг и её мужа, политработника Советской Армии Сергея Глушанкова. Имена и фамилии их подлинные.

В знаменитом Партизанском крае, находившемся на стыке Псковской и Новгородской областей, частично разворачиваются события романа И.Ф. Курчавова «Братушки». Один из героев этих событий – командир партизанского отряда порхович Волостнов, выведенный писателем под собственной фамилией, но имя и отчество его переставлены местами (Тимофей Григорьевич вместо Григорий Тимофеевич, каким он был в жизни).

Даже в тех случаях, когда И.Ф. Курчавов обращался к темам, на первый взгляд далёким от истории Псковщины, он находил нити, которые тесно связывали историю нашего края с историей России. Такими нитями стали герои книг писателя. Одни из них – это действительно существовавшие исторические лица, перенесённые на страницы книг под своими именами. Таков, например, известный русский военный и государственный деятель, участник Кавказской, Крымской и русско-турецкой 1877–1878 г.г. войн, начальник Русского гражданского управления в Болгарии, владелец села Полоное Порховского уезда князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков – один из героев исторического романа «Шипка». Здесь же действуют и другие псковичи: подполковник из Холмского уезда, командир 3-й, ополченской дружины, героически погибший за г. Стара-Загору, Павел Петрович Калитин; корреспондентка И.С. Тургенева сестра милосердия Юлия Петровна Вревская, фамилия которой заставляет нас вспомнить друзей А.С. Пушкина, не раз гостившего в их имении Голубово, расположенном рядом с древним пригородом Пскова Вревом.

Другие герои И.Ф. Курчавова тоже не вымышлены, но в романах они действуют под иными именами. Наиболее известные из них – это главные персонажи романа «Цветы и железо»: садовод и руководитель подполья Пётр Петрович Калачников, разведчик в тылу врага Алексей Осипович Шубин и его помощница Таня Нилина, секретарь райкома партии Огнев. Они и другие участники событий этого романа действуют в городке Шелонске, в котором легко угадывается Порхов, на станции Низовая (это, конечно, Дно) и в их окрестностях. Прозрачны и вымышленные име-

на героев: П.П. Калачников – это руководитель Порховского подполья агроном Борис Петрович Калачёв, А.О. Шубин – порховский журналист, разведчик Северо-Западного фронта Александр Иосифович Шабанов, Таня Нилина – комсомолка из Луги, радистка группы Шабанова Антонина Павлова, а Огнев первый секретарь Порховского райкома партии, комиссар 2-й Ленинградской партизанской бригады Сергей Алексеевич Орлов.

Интересно, что у А.О. Шубина в романе ещё три псевдонима: по легенде, разработанной штабом партизанского движения, он выдаёт себя немецким властям за раскулаченного кузнеца Никиту Ивановича Поленова, люто ненавидящего советскую власть; немецкое командование забрасывает его с заданием в советский тыл под именем Василия Васильевича Бондарева; а для тех, кто остался в оккупации, он – колхозный кузнец Кузьма Николаевич Петрачков. Таню же Нилину Шубин-Поленов выдаёт немцам за свою дочь Татьяну Поленову.

Среди литературных героев И.Ф. Курчавова есть и выдуманные творческой фантазией писателя, обобщённые литературные типы, или такие, прототипы которых нам неизвестны. Пример: красноармеец Фёдор Иванович Дубровин, главный литературный герой романа «В стороне от главного удара». Из содержания романа можно сделать вывод, что Дубровин – уроженец одной из деревень северной части Порховского уезда, но не села Дубровно, как можно было подумать, исходя из звучания фамилии Фёдора. Дубровин своей несколько извилистой военной судьбой напоминает шолоховского Григория Мелехова. Он воевал с немцами в первой мировой, заслужил два Георгия. В гражданскую войну был у Булак-Балаховича, потом оказался у «зелёных», наконец, стал правоверным красным бойцом. Писатель придал своему герою черты истинного псковича: Фёдор – «балагур и весельчак, песенник и плясун». Он вспыльчив, горяч, нередко груб, но в то же время у него обостренное чувство справедливости, он совестлив. И, конечно, Фёдор Дубровин – смелый, лихой рубака.

Так же близки писателю и чертами характера, и местом своего рождения герои дилогии «Шипка» и «Братушки» Шелонины. Уже их фамилия говорит о том, что они с берегов Шелони. Писатель и конкретно называет место, где они родились: это деревня Демянка, расположенная в одном километре от родины И.Ф. Курчавова – деревни Лаз.

В романе «Шипка» действует старший представитель этого рода Иван Шелонин, ставший героем Шипки, кавалером трёх Георги-

евских крестов. А в романе «Братушки», где описываются события 2-й мировой войны, действуют уже внуки Ивана Шелонина – братья Иван, Алексей и Михаил. Иван Егорович Шелонин – дипломат, первый секретарь советского полпредства в Болгарии. Алексей Шелонин – боец, сначала шофёр, а потом механик-водитель танка. Михаил Шелонин – партизан отряда Волостнова. В одном из боёв с карателями он погибает. В отряде Волостнова воюет и санитарка Люба – девушка из той же Демянки.

И.Ф. Курчавов не случайно героями своих книг выбрал таких людей, как Б.П. Калачёв, А.И. Шабанов, С.А. Орлов, Г.Т. Волостнов, А.М. Павлова и другие. Пусть имена большинства из них изменены. Но они стали не только литературными героями. Они были героями и в жизни. Б.П. Калачёв два года руководил подпольем, которое представляло собой большую разветвлённую сеть пунктов народной борьбы, охватывающую весь Порховский район. Держа тесную связь с партизанами 2-й и 3-й бригад, порховское подполье внесло ощутимый вклад в победу над германскими оккупантами. Многие подпольщики погибли. После страшных мучений в ночь на 31 июля 1943 года в немецкой тюрьме в Порхове скончался и руководитель подполья Б.П. Калачёв. Улица, в тюрьме на которой был замучен герой, теперь носит его имя. А ровно 20 лет назад, 30 сентября 1986 года, в восстановленном доме Б.П. Калачёва был открыт военный музей.

Смело, находчиво и успешно вёл разведку в тылу врага А.И. Шабанов, передавая добытые сведения в штаб партизанского движения в Ленинград. Эти данные помогали нашим армейским частям, в частности авиации, наносить точные и результативные удары по врагу. С 1950 г. Александр Иосифович жил в Порхове, работал редактором газеты «Порховская правда». Был награждён двумя орденами Красного Знамени – Боевого и Трудового. Умер в 1979 году.

Сергей Алексеевич Орлов, политический руководитель Партизанского края, награждённый орденом Ленина, после войны был на партийной работе в Калуге, Нелидове Калининской области, в Великих Луках. Умер в 1961 году. Одна из улиц в Порхове по инициативе И.Ф. Курчавова получила его имя.

Григорий Тимофеевич Волостнов – один из первых порховских партизан. Был командиром отряда имени Горяинова во 2-й партизанской бригаде, руководителем Порховского межрайонного подпольного партийного центра, комиссаром 2-го полка 3-й партизанской бригады имени А.В. Германа. После войны жил в Порхо-

ве, находился на партийной работе, много лет возглавлял колхоз имени Чапаева. Награждён многими орденами и медалями. Умер в 1976 году.

Антонина Михайловна Павлова, радистка в группе А.И. Шабанова, была награждена орденом Красной Звезды. После освобождения Ленинграда от блокады служила хронометристой в авиаполку, а после войны работала станочницей на мебельной фабрике в Нарве. Теперь её фамилия Шерпитис. Порховский горсовет присвоил ей звание «Почетный гражданин города Порхова». Она приезжала в Порхов, встречалась со своим «батей» – А.И. Шабановым. Им было что вспомнить.

Л.И. Владимирова **Валунные постройки
Порховского уезда
XIX – начала XX века**

В течение нескольких лет вместе с учащимися МОУ «Гимназии» МО «Островский район» мы занимаемся изучением валунных построек Псковской губернии, на территории которой возник один из обособленных районов каменного крестьянского строительства¹. В ходе этой работы собран и подвергнут анализу значительный материал, зафиксирован ряд вновь выявленных построек. В зону обследования попал и Порховский район. Надо заметить, что сами постройки, не являясь в большинстве своём жилыми, в своё время не подвергались статистическому учёту², а валунное строительство как явление псковской истории и культуры в этнографических материалах лишь слегка обозначено, глубоких исследований, ему посвящённых, нет. Поэтому представляется, что результаты обследования района могут быть интересны не только порховичам.

...Эти здания обычно не привлекают наше внимание. Скользём по ним равнодушно глазами, пройдем, не заметив мимо. А в солнечный день среди ещё неброских красок ранней весны они вдруг привлекут свежий взгляд своей необыкновенной живописностью. Сколько цветов и оттенков у дикого камня! И как нарядна отделка из красного кирпича! После привычного для нас серого известняка, испокон веков используемого в строительстве на Псковщине, сооружения из валуна воспринимаются как нечто для псковской архитектуры нетипичное, нездешнее. Это не случайно: такая строительная техника действительно не является для нас традиционной, она принесена, согласно одной из версий, из Прибалтики.

Уникальное явление пограничной культуры, эти маленькие осколки прибалтийской строительной традиции разбросаны по нашей земле. Причём разбросаны неравномерно: в некоторых районах их нет вообще, в других встречаются буквально единичные объекты. Больше же всего валунных построек в Гдовском, Печорском и центральных районах по линии Красногородск – Дно. Связано это с путями распространения каменно-строительного промысла. Считается, что его занесли к нам крестьяне-отходники, ка-

менщики и кирпичники по профессии, а три очага отхожего промысла – Гдовский район, Эстония и Латвия – как раз и совпадают с названными выше территориями³.

В Порховский и соседние с ним центральные районы валунное строительство распространилось из Латгалии. Это юго-восточная часть Латвии, граничащая с Псковской областью и имеющая с ней тесные исторические и культурные связи. Отхожим промыслом – заработком на стороне, который был здесь очень распространен, занимались преимущественно латгальские старообрядцы. Промышляли тем, на что годны, да на что был спрос, и среди прочего – строительством из валуна. Развитию этой строительной техники, несомненно, способствовало то обстоятельство, что гранитный валун был своеобразным отходом сельскохозяйственного производства и в избытке убирался с местных полей, в то время как недостаток строительного леса имелся не везде.

Порховский – один из тех районов Псковской области, в котором валунные постройки встречаются сравнительно часто. К сожалению, в Государственном списке недвижимых памятников архитектуры местного значения, в документации научно-производственного центра по охране памятников (г. Псков) имеются сведения буквально о единичных объектах⁴. Далеко не полный перечень содержится в Кадастре «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области»⁵. В ходе обследования района были выявлены нигде ранее не учтённые объекты. Среди них интересная, хорошо сохранившаяся постройка из валуна хозяйственного назначения в д. Паникша, постройки в д. Бельское устье, целый комплекс хозяйственного назначения в д. Холмки и т.д.

Если посмотреть распространение валунных построек по Порховскому району, это выглядит достаточно неравномерно. В самом Порхове таких объектов всего 4. В районе они встречаются: в Полонской волости (дд. Полоное, Паникша), Туровской волости (направление – дд. Холмки, Бельское Устье), Демянской волости (дд. Боровичи, Подоклинье) Славковской волости (д. Луг), Дубровенской волости (д. Верхние горки) и др.

Вообще история строительства из валунного камня восходит ещё к средним векам, но появление сооружений из него на территории нашей области относится лишь к началу XIX⁶. Основная же их масса датируется второй половиной XIX – началом XX века, что относится и к Порховскому району. Однако точная дата строительства рассматриваемых объектов известна лишь в редких слу-

чаях. К примеру, 1868 годом датируется часовня в д. Подоклинье, 1904 годом – хозяйственная постройка в д. Верхние Горки, 1925 годом – старый корпус льнозавода в г. Порхове. Кажется сомнительным датирование склада на Старорусской, согласно Кадастру «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области» началом XIX века, особенно если учесть наличие на кирпичях клейм Товарищества («М.З.и Е.К.»).

Как известно, в XIX – начале XX века в губернии укрепляется купечество, становясь движущей силой развития наиболее крупных населённых пунктов, развивается торговля, зарождается промышленность. Поэтому наибольший спрос возникает на складские и торгово-промышленные постройки. Именно они чаще всего и строятся в обозначенный исторический период. Нужно заметить, что в отличие от соседнего Островского, в Порховском таких сооружений сравнительно немного. Из них наиболее яркие примеры – торговый склад на ул. Старорусской, пивной – в д. Полоное. Зато наибольшее число валунных построек в Порховском районе – это постройки хозяйственного назначения (скотные дворы, конюшни, ледники, амбары и т.д.). К примеру, в д. Большие Липки как крестьянские постройки классифицируются два валунно-кирпичных хозяйственных двора кон. XIX – нач. XX века. И всё же чаще в Порховском районе постройки из валуна строились в помещичьих имениях. Наиболее интересный пример – бывшее имение князей Гагариных в д. Холонки, где комплекс включает сразу несколько разнообразных по назначению и по своей архитектурной форме объектов. Валунные постройки культового назначения достаточно редки по области, однако в Порховском районе официально зафиксированы сразу две часовни (д. Подоклинье и д. Луг). Зато кладбищенские ограды из валуна – явление, распространённое повсеместно. Ограда старого городского кладбища у церкви Иоанна Предтечи – типичный пример. Ввиду большой теплопроводности под строительство жилья валун использовался крайне редко, разве что на фундамент или цокольный этаж. Это же можно наблюдать и в Порховском районе, где скорее как исключение сохранилась коробка жилого валунно-кирпичного дома XIX – нач. XX в. за кузницей в д. Боровичи. Есть в районе и такой своеобразный объект валунной кладки как мост.

Что же представляют собой каменные постройки? Большинство из них – это одиночные прямоугольные, чаще вытянутые в плане здания. Но встречаются и более интересные объекты, как, например, псарня в имении Дондуковых-Корсаковых (д. Полоное). Она

расположена квадратом, при этом половина в виде буквы «П» построена из кирпича, а другая – точно такая же – из камня. Две половины соединяются между собой воротами с арочными перекрытиями. Разомкнутое каре одноэтажных строений под двухскатными кровлями представляет собой самостоятельный комплекс с полным набором хозяйственных помещений.

Архитектура зданий из валуна, как правило, несложная: это невысокие, или, наоборот, высокие, в полтора этажа, постройки с небольшим количеством окон и дверей, или же ворот. Часто в них встречается глухие стены, имитация оконных проёмов. Нередко, в связи с хозяйственным назначением, главным в таких постройках оказывается боковой фасад.

Если говорить о строительных материалах, то объекты, построенные только из валуна, встречаются сравнительно редко. Наиболее распространён комбинированный вариант: валун и красный кирпич, которые в сочетании друг с другом смотрятся особенно нарядно. Кирпич, как правило, используется на отделку. Из него выполняются обрамления окон и дверей или ворот, укрепляются углы. В наиболее интересных образцах каменной архитектуры встречаются кирпичные карнизы и другие декоративные детали. На нескольких объектах в Порховском районе имеются угловые башенки (д. Верхние Горки, ул. Старорусская и др.). Над окнами порой можно увидеть кирпичные наличники и сандрики (д. Верхние Горки, ул. Старорусская).

Что представляла собой технология валунного строительства? Основной строительный материал – «дикий камень» – раскалывался пополам. Околотыми гранями он укладывался в наружную сторону кладки. Разделочные швы могли ничем не заполнять, но чаще всего именно здесь строители проявляли немало фантазии. Всего нами зафиксировано около 10 видов кладки в зависимости от ширины и способа заполнения разделочных швов. Наиболее распространены варианты, в которых валуны более или менее плотно пригнаны друг к другу, а промежутки заполнены щебнем – чёрными или тёмно-синими осколками того же гранита, служащими своего рода фоном и выгодно оттеняющими разноцветные камни. Так выглядит большинство порховских валунных построек. Очень интересно смотрится кладка из крупных камней, разреженно закреплённых в известковом растворе, инкрустированном галечной крошкой. Последняя может быть расположена в пространстве шва равномерно или же цепочкой. Оба варианта такой кладки одновременно можно увидеть на очень интересном с архитектурной точки зрения объекте – складе в д. Полоное.

Нередко в валунных постройках можно увидеть и традиционный для Псковщины известняк. Встречаются примеры, когда из него делаются отдельные стены: в постройке на Старорусской боковые фасады построены из известняковых плит. Чаше же валунная стена достраивается сверху известняком. Очевидно, это связано не с изначальным замыслом, а, скорее, с элементарной «производственной необходимостью» – либо не хватило основного материала, либо достраивали разрушенное.

Как и всё, что сделано на совесть и с любовью нашими предками, постройки из валуна сохранились, пережив и своих строителей и своих хозяев, и сегодня служат украшением многих населённых пунктов – мы, правда, это не всегда замечаем. Но кто в состоянии пройти мимо, не залюбовавшись на каменные здания, расположенные в д. Верхние Горки или за банком в г. Порхове?

К сожалению, красоту и архитектурное своеобразие многих валунных построек мы не можем оценить в полной мере из-за того, что в той или иной степени они уже утратили изначальный облик. В ходе использования эти сооружения неоднократно перестраивали, приспособляя под текущие нужды: закладывали оконные проёмы или меняли их размер, форму, достраивали. Причём достраивали другим случайным материалом – и не только упомянутым выше известняком, но и красным или даже белым кирпичом. Такая, с позволения сказать, «эkleктика» встречается повсеместно.

Но если перестроенные таким образом здания всё же ещё сохраняются, то многие объекты из валуна, находясь в заброшенном состоянии, стремительно разрушаются. Большинство из валунных построек, к сожалению, не только по своему прямому назначению, но и вообще никак не используется. Валун – материал долговечный, но если начался процесс разрушения швов, а чаще всего это происходит, когда снимается крыша, уникальная постройка лет через 10–15 может превратиться в грудку камней, как это произошло с часовней в д. Луг. Вероятно, эта же участь ожидает многие постройки из валуна и в Холмоках, и в Полоное, да и в других местах. Процесс приобретает катастрофический характер, тем более, что ему порой активно содействуют местные жители, растаскивая всё, что можно.

Сегодня мы стоим перед выбором – либо, наконец, вмешаться в этот процесс, обратить активное внимание на уникальное явление псковской культуры, либо его навсегда утратить.

Между тем, все валунные постройки, независимо от степени их сохранности – ценные исторические объекты определённого пери-

ода, дающие много научной и краеведческой информации. Они являются памятниками истории и культуры местного значения и подлежат охране. Со всеми вытекающими последствиями⁷.

Примечание

1. Шенников А.А. Русское крестьянское каменное строительство // Архитектурное наследие. – 1960. – № 12. – С. 199.
2. Шенников А.А. Там же.
3. Историко-этнографические очерки Псковского края / Под редакцией А.В. Гадло. – Псков, 1999. – С. 123.
4. Паспорта на недвижимые памятники истории и культуры. Научно-производственный центр по охране памятников, г. Псков.
5. Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области». – Псков, 1997.
6. Ланцев В.В. Архитектура крестьянского жилого комплекса Псковской области конца XIX – середины XX веков // Вопросы теории, теории и практики архитектуры: Межвуз. тематич. сб. тр. ЛИСИ. – Л., 1985.
7. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. Федеральный Закон № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г.

Содержание

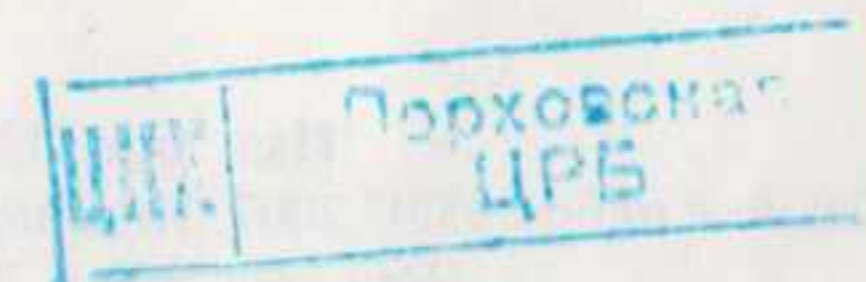
От составителей	3
<i>А.П. Гагарин</i> Об образовании художественной колонии в Холомках	4
<i>С.О. Кузнецов</i> Новые сведения о последнем периоде жизни графа С.А. Строгонова. К проблеме «аристократия и государство» в начале XX века	8
<i>Л.В. Васильева</i> Каменка – имение Арсеньевых	25
<i>Л.В. Васильева</i> Балавенские и Львов	28
<i>С.В. Моисеев, Т.Б. Чуйкова</i> Приходы, священно- и церковнослужители Порховского уезда по ведомостям 1782 г.	44
<i>И.И. Лагунин</i> Архитекторы в Порховском крае. К Словарию псковских архитекторов	52
<i>В.М. Ушакова</i> Земский доктор	60
<i>Н.М. Медведева</i> Сословия почетных граждан и купечества города Порхова в конце XIX века	65
<i>Н.Ф. Левин</i> Проблемы в биографии В.Г. Жукова.	70
<i>В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова</i> О технике историко-топонимического анализа (на примере названий Порховского края)	75
<i>Н.В. Коломыцева</i> Общественная жизнь в Порховском уезде в начале XX века (1900–1914 годы)	81

<i>Л.А. Фролова</i> А.И. Яковлев-первый доктор технических наук пожарной охраны, уроженец деревни Любонег. Воспоминания Антонины Ивановны Федотовой (в девичестве Яковлевой). Записаны Фроловой Л.А. 15.09.2004.	90
<i>Ю.Ю. Журавлев</i> Судомский край – родина поэта Олега Алексея	96
<i>А.В. Филимонов</i> В.И. Кронберг – педагог и краевед	110
<i>Г.К. Насурдинова</i> Судьба разведчицы Второй партизанской бригады Татьяны Марковой	118

Приложения

<i>Л.Н. Ащеулова</i> Полоное и его обитатели по воспоминаниям, письмам, рассказам	130
<i>Н.Ф. Левин</i> Материалы о Порховском крае в сборнике «Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам»	137
<i>А.Е. Крылов</i> Литературные герои и их прототипы по произведениям И.Ф. Курчавова	139
<i>Л.И. Владимирова</i> Валунные постройки Порховского уезда XIX – начала XX века	144

62296

От состави

А.П. Гагар

Об образо

С.О. Кузне

Новые свед

С.А. Строи

в начале X

Л.В. Васи

Каменка –

Л.В. Василь

Балавенски

С.В. Моисе

Приходы, с

езда по ве

И.И. Лагу

Архитекто

архитекто

В.М. Ушак

Земский до

Н.М. Медв

Сословия г

в конце XI

Н.Ф. Левин

Проблемы

В.Л. Васи

О технике

(на пример

Н.В. Коло

Обществен

в начале X

Краеведческие чтения ПОРХОВ – ХОЛОМКИ

Материалы научной конференции

Составители:

Васильева Лидия Тимофеевна

Дудорина Татьяна Николаевна

Ответственный за выпуск *И.Н. Щигорева*

Художник *Ю.М. Тюрин*

Корректор *Е.Г. Тарасова*

Компьютерная верстка *В.А. Ранневой*

Изд. лиц. ИД № 06037 от 12.10.01.

Сдано в набор 05.07.2007. Подписано к печати 13.09.2007. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 9,5. Тираж 200 экз. Заказ № 44. 20=

Псковский областной институт повышения квалификации работников образования.

180000, г. Псков, ул. Гоголя, 14; тел.: (8112) 16-27-97.

E-mail: poipkro@pskovedu.ru; http://poipkro/pskovedu.ru